

Анатолий Мошковский

Семь дней чудес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148898

Аннотация

Скажите, вы никогда не замечали, что у вас вдруг начинают очень быстро расти уши, а в голову при этом приходят странные и нелепые мысли? А не случалось ли вам испытывать такую радость, когда ноги сами по себе отрываются от земли и уносят вас вверх на метр, и два, и три? А не загорались ли в ваших глазах необыкновенно яркие звезды, когда ничего на свете не страшно и, кажется, вы готовы на самый беззаветный подвиг?

Случалось это с вами? Нет?

А вот герои книги «Семь дней чудес», которая у вас в руках, все это и многое другое испытали на себе, потому что на них время от времени смотрел волшебный Хитрый глаз, удивительное научное изобретение.

Впрочем, хватит. Нельзя заранее раскрывать всех тайн этой книги. Она о самых обычных ребятах – Боре Крутикове, Наташке и их друзьях, ваших сверстниках, – но она и о невероятных чудесах, которые с ними произошли, о том, как нужно ценить дружбу и доброту, как важно быть в жизни щедрым, мужественным, благородным.

Кроме этой повести, А. Мошковский написал для ребят много других книг: «Твоя Антарктида», «Три белоснежных оленя», «Река моя Ангара», «Не погаснет, не замерзнет».

Содержание

СИНЯЯ КОРОБКА	6
ПОПКА ДУРАК	11
ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗИЩИ	17
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ	24
КЛЯТВА	32
ОВОА ЦЫП-ЦЫП-ЦЫП	36
НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ЖАЛОСТИ!	42
ХИТРЫЙ ГЛАЗ	47
МАЛЕНЬКАЯ И ГРОЗНАЯ	54
БЕРЕГИСЬ, АНДРЕЙ!	60
МОРОЖЕНОЕ	65
ДЕНЬГИ НА ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ	72
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО	76
ЧТО ЭТО ЗА КНОПКА?	83
ОЛАДЬИ	90
ШАГИ В ВОЗДУХЕ	95
УШИ, УШИ, УШИ	103
МЕСТЬ	112
ПОТЯСАЮЩАЯ ДОГАДКА	117
ЛОДКА УХОДИТ В ГЛУБИНУ	124
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ	130
УРА, СПАСЕН!	134
ОТЧАЯНИЕ	140

«5»-ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?	144
ЗВЕЗДЫ	151
НАКОНЕЦ-ТО!	159
МОЖЕТ, ЭТА СЧАСТЛИВАЯ?	169
ПРОПАЖА	173
НЕМЕДЛЕННО!	179
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА	186
ЧТО ЖЕ С НИМ СТАЛО?	193
«ЭТО Я, БОРЯ...»	198
ЛИЛОВАЯ ВСПЫШКА	202
КОНЕЦ? НЕТ, НАЧАЛО!	210

Семь дней чудес

Анатолий Мошковский

СИНЯЯ КОРОБКА

Боря защелкнул на замок портфель, натянул куртку и шагнул к двери, но тут зазвонил телефон. Маленький и черный, он стоял на столике в передней и звонил громко и требовательно. Не звонил, а давал короткие пулеметные очереди.

Кто в такую рань?

Боря даже оробел и с опаской снял холодную трубку.

– Слушаю... Кто это?

– Привет, это я, – бодро сказала трубка, и Боря узнал Глеба. – Что новенького? Ничего?

– Ничего, – подтвердил Боря, потому что и в самом деле за вчерашний вечер и сегодняшнее утро не произошло в его жизни ничего особенного. – В школу вот собираюсь. – Боря вздохнул.

– Чувствую!.. – еще бодрей заорала трубка. – А знаешь, что мне вчера подарил папа?

– Что? – Боря так и сник.

– Догадайся, – потребовала черная трубка.

– Не знаю.

– А ты подумай!

Боря молчал.

– Пошевели мозгами!

– Ну не знаю я, не знаю...

– Кинокамеру «Уран»! Крошечная, с ручкой как у пистолета, диафрагма и выдержка сами устанавливаются. Нажми кнопку – и снимай. Фильмы делать буду! Понял?

Чего ж тут не понять! Глебу всегда дарили необычные, замечательные вещи, какие и снится не могли ребятам их класса – ни Андрею, ни Вове Цыпину, ни ему, Боре Крутикову, самому одинокому и невезучему: три месяца уже прошло, а отец все собирается купить ему давно обещанную подзорную трубу.

– Дашь подержать? Снимать научишь? Ну, Глеб, умоляю...

– Там видно будет... А еще знаешь новость? – радостно спросила трубка.

– Нет, – ослабевшим голосом сказал Боря. – А что?

– А то, что Андрей заявил вчера после уроков: если ты не извинишься при всех перед Наташкой, не пойдешь на экскурсию в аэропорт.

Боря прямо подскочил:

– Врешь! Какое его дело? И я не виноват... Много берет на себя!

– Это ты ему скажи, – ответил Глеб. – Ну, всего, до встречи...

И в трубке раздались гудки. Частые, холодные, едкие. Точ-

но дразнили Борю.

Глеб любил первым обрывать разговор, и всегда в таком месте, когда так хочется говорить.

И Боря положил трубку с этими дразнящими гудками на аппарат, и она сразу притихла. И в квартире была полная тишина: мама с отцом на работе, братишка Костик уже убежал в школу – он всегда убегает чуть не за полчаса до занятий.

Было тихо. Так тихо, что даже в ушах звенело.

Боря застыл у двери. Да... Вот как получается: у кого «Уран» с ручкой как у пистолета и бодрый голос, а кого грозят даже не взять в аэропорт... Андрей грозит! А почему? Да потому, что он главный в классе и его отец, знаменитый воздушный ас, налетавший много миллионов километров, взялся устроить им эту экскурсию; он сам покажет им кабину своего гигантского реактивного корабля, и можно будет посидеть в пилотском кресле, увидеть чуткие стрелки десятка приборов, коснуться штурвала и полазить внутри огромных крыльев. А потом... А потом их обещали покатать на вертолете и показать сверху город!

И все пойдут па эту экскурсию просто так, а он должен при всех извиняться...

Даже в школу идти расхотелось.

А идти было нужно. Совсем недавно заходила к ним Марья Васильевна, классный руководитель, из-за двоек по арифметике и русскому, и у нее был неприятный разговор с мамой.

Только б с Наташкой не встретиться – ее дверь на их же площадке, напротив. Она в самый последний момент убегает в школу, за минуту до звонка, и теперь из-за нее он не тронет штурвал самолета и не увидит с неба свой дом...

Боря высунулся из квартиры – у лифта пусто. Он бесшумно вышел и, не сводя глаз с ее двери – не открылась бы! – нажал кнопку вызова лифта. Прыгнул в кабину и, сильно хлопнув дверью, поехал вниз.

И быстро-быстро зашагал к школе, оглядываясь по сторонам. Он не хотел сейчас встречаться не только с Наташкой, но и с Вовой Цыпипым, добрым и тихим, жившим в соседнем подъезде, которого в прошлом году так ловко провел Глеб...

Только подошел он к школе – звонок.

Боря оглянулся: по тротуару, размахивая портфелем, со всех ног бежала Наташка, а ноги у нее длиннющие – ни разу не опоздала. Боря кинулся в дверь и взлетел на второй этаж. В классе он увидел почти всех ребят, и Глеба в том числе, но поговорить с ним о кинокамере было некогда, потому что надо было отвернуться от двери, в которую ворвалась запыхавшаяся Наташка, а потом в класс вошла Мария Васильевна.

В середине урока Боря случайно глянул на Вовину парту и замер. В парте, рядом с желтым ранцем, виднелся край большой синей коробки. Да, да, синей коробки! Той самой коробки, из-за которой и завертелось все, и не только в их классе,

и произошли совершенно невероятные события, в которые теперь и доверять трудно.

Но они, эти события, произошли чуть попозже, после уроков, а пока что Боря ошеломленно смотрел на эту коробку в Вовиной парте и слушал, как бьется его сердце. А оно билось так, что даже руки у Бори слегка тряслись...

Опять? Опять что-то? Но что? Что?

ПОПКА ДУРАК

В прошлом году, по просьбе Андрея, Вова принес в школу точно в такой же синей коробке настоящую, только маленькую, подводную лодку. Боря увидел ее и понял: вот оно – то, о чем мечтал он всю свою жизнь!

Уж кто-кто, а Боря понимал толк в технике. Часами мог смотреть, как вгрызается в землю разгоряченный экскаватор, прокладывая на улице траншею для труб, как хитро загребают и подталкивают снег лапы снегоуборочной машины; не отрывал он глаз и от экрана телевизора, когда во время парадов проходила военная техника и на особых платформах ехали умопомрачительные межконтинентальные ракеты.

И у Бори дома было кое-что. Пластмассовые и жестяные пушки, бронетранспортеры, амфибии и тапки: заведи на полный оборот – весь коридор проедут и уткнутся в дверь, продолжая вращать колесами; боевые самолеты разных систем – истребители, штурмовики, стратегические бомбардировщики дальнего действия, и эсминцы, и стремительные заводные торпедные катера.

Все, что крутилось, ездило, плавало, заводилось, взлетало, тарахтело, ныряло, постукивало и стреляло, – все это прямо сводило с ума Борю. Да, его нелегко было удивить в технике. Но...

Но принес Вова в тот день эту лодку, и Боря понял, что

вся его военная техника – только детские игрушки... Узкая, ловкая, с изящно выгнутым металлическим винтом и тонким килем, она так и сверкала, так и лучилась на солнце!

После уроков они всем классом бегали испытывать ее на пруд – он был недалеко от школы. Чего только не проделывала эта лодка! Нырjala, исчезая из глаз, и пускала из-под воды ракету, которая круто врезалась в воздух...

Подумать только – из-под воды!

И ракета взрывалась!

И никаких заводных пружин, и пруд – не жалкая ванная, где Боря проводил морские бои, а почти океан, и плавать лодка могла хоть час, хоть два...

Ее построил Вова старший брат Геннадий, он-то и пришел после уроков к пруду, чтоб пустить ее, потому что Вова никак не мог запомнить, какие рычажки в ее двигателе надо было перевести. До чего ж Боре хотелось тогда получить ее: купить, выменять па что-нибудь и даже.., даже отобрать! Никогда ничего не отбирал Боря у ребят, а тут мелькнула такая мысль.

И пока Боря ломал голову, что бы такое предпринять, страдал и обвинял себя в трусости, лодка на следующий день уже была у Глеба. Вот так... И отдал ее Вова совершенно добровольно. И за что! За три пакетика гашеных марок с разными зверюга ми и рыбами. А еще за попугайчика...

Знал, на что менять! Ведь Вова жить не может без разных там птичек, жучков и ежеиков; приходил в класс с собачьей

шерстью на куртке, с каким-то пухом в волосах, а однажды – даже вспомнить смешно! – явился с пометом на колечке берета: это его наградил сверху кто-то из благодарных пернатых! А тут Глеб предложил ему не что-то пустяковое, а попугайчика, и какого! Голубенького! Да еще африканского! Как тут устоять?

Но как потом обрушились на Глеба ребята: это же, кричали они, сплошной обман и надувательство!..

К тому же оказалось, что попугай больной: через несколько дней он умер. Никто в классе не разговаривал с Глебом, и до сих пор многие не замечают его, а те, кто замечает, называют не Глебом, а Попугаем, а Андрей еще хлестче – Попкой-дураком.

Боря тоже хотел поссориться с Глебом, и поссорился бы, но в последнюю минуту опомнился: тогда ведь и лодку он больше не увидит, и ничего другого.

Пришлось не ссориться.

И до истории с лодкой не мог он обойтись без Глеба. Чего только не было у того! Папа Глеба работал в огромном универмаге, мог достать любую вещь и, наверно поэтому, ходил, важно выпятив грудь и сильно выдающийся живот, – и у Глеба будет такой! А важность у него уже была. И был он, как и папа, очень бодр и носил на руке плоские, изящные, очень точные часики и то и дело – особенно при людях – поглядывал на них. Он с удовольствием показывал Боре свои новые вещи, но голос у него чуть терял бодрость, когда Боря под-

катывался к нему:

– Дай покататься на гоночном... Не сломаю ведь!

– Сейчас не могу, – отвечал Глеб.

Как-то Боре понадобилась масляная краска – подкрасить торпедный катер, а у Глеба был целый фанерный ящик с тюбиками, и Боря попросил:

– Мне чуть-чуть выдавить, незаметно будет.

– А если потом не хватит на картину?

– Еще останется! И ты ведь никогда не рисуешь.

– А если вдруг захочу?

Боря замолчал. Ведь совсем немножко было надо...

У Глеба еще была уйма «конструкторов», три, фотоаппарата новейших систем и в больших зеленых альбомах лучшая в школе коллекция марок английских и французских колоний; и еще был у него маленький, но очень сильный телескоп, и однажды вечером он направил его на Луну и разрешил Боре посмотреть в окуляр. И Боря увидел совсем рядом темные пятна лунных морей, пики гор и хребты...

– Ой! – крикнул вдруг Боря и подпрыгнул от изумления. – Там космический корабль! Прилунился!

– Муха села на линзу. Сгони, – сказал Глеб и громко зевнул.

И оказался прав. Боря прогнал муху и стал бродить глазами по Луне, потом перебросился на звезды, а рядом с ним нетерпеливо сопел Глеб.

– Посмотрел, и хватит, – сказал он минуты через три и

стал закрывать особыми крышечками оба края трубы. – Хватит пылиться оптике... Луна – пустяки! Посмотрел бы ты на Марс...

– Он тоже виден? И каналы? И полюсы?

– Запросто. Скоро, между прочим, великое противостояние, отлично будет виден.

– Глебочка, хороший... Будь другом, покажи!

– Там досмотрим... Я тебе позвоню тогда.

– Ну спасибо, Только не забудь! Не забудешь?

– Нет. Ну хватит на сегодня, укатывай.

И Боря ушел, а мог бы до ночи проторчать у Глеба. Потом Боря каждый день спрашивал у него в школе: «Скоро позвонишь?» – «Скоро...» И Боря целый месяц подбегал на каждый звонок к телефону, даже с мылом на лице. И однажды Глеб бросил в трубку: «Приходи». И Боря понесся как угорелый к нему, чтобы увидеть этот самый знаменитый красноватый Марс, планету бога войны. Позвонил в дверь, а мама его очень вежливо сказала: «А Глеб только что ушел с папой в гости...» Боря опешил: «А как же Марс? Он ведь сам позвал!» – «Глебик у нас забывчивый... Успокойся, есть от чего расстраиваться!..» – И закрыла дверь.

Несколько дней Боря не смотрел на Глеба в классе, потом снова потянуло к нему. И Глеб опять с большой охотой рассказывал про свои марки и даже подарил несколько штук, правда с оторванными уголками и дырочками. А потом Глеб выменял лодку, и Боря один остался верен ему и снова зача-

стиль в их дом. Но чего ни делал Боря, как ни смотрел в глаза Глебу, тот не показал лодку. Ни разу. А когда Боря неосторожно заикнулся: не обменяет ли он лодку на всю его боевую технику, Глеб засмеялся:

– И тебя в придачу не возьму!

– Но ты ведь ее не пускаешь! – в отчаянии крикнул Боря. – Не нужна она тебе!

– А ты откуда знаешь? – Глеб в упор посмотрел на него своими узкими глазами, и Боря словно впервые увидел, какой он сильный и толстый. И отступил.

– Я... Я думал... Мне казалось... Я хотел...

– Договоримся, – прервал его Глеб, – чтоб о лодке больше ни слова.

«Почему?» – хотел было спросить Боря, но побоялся.

Да, один Боря не поссорился с ним, а надо было! Он один не называл его Попкой-дураком, а надо было! Он бегал к нему домой, рассказывал, что задали на дом, если тот болел, стойко сносил презрение класса, даже заступался за него перед ребятами, а Глебу... Глебу на все наплевать!

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗИЩИ

Боря едва дотерпел до конца урока. Он старался не пялить глаза на Вовину парту. Он искоса поглядывал в сторону Глеба – не увидел ли он эту коробку? Чего доброго, опять выменяет на что-нибудь, а потом и не покажет!

Этого нельзя допустить. Этому надо помешать.

Но как?

Одно знал Боря: действовать надо осторожно.

Рядом с Вовой сидела та самая Наташка, из-за которой он теперь не пойдет в аэропорт. Она была худая и носатая, с челочкой на лбу и громадными зелеными глазами. Она и раньше, до случая с лодкой, всегда вертелась возле Бори, а теперь еще больше, и давала советы, что он должен делать и чего не должен, вздыхала, когда он получал двойки, и прямо как бешеная набрасывалась на ребят, если они задевали Борю... Кто ее просил? Она чуть не каждую неделю звонила ему и предлагала новую книжку.

Что ей надо от него? А неделю назад... Это просто ужасно, что случилось неделю назад! Было собрание, и она кричала, что Борю надо включить в сборную: он любого обгонит в школе и только стесняется выставлять свои способности. Девчонки хихикали, мальчишки иронически молчали. Боря закрывал от ужаса глаза и был бы рад провалиться вместе с партией сквозь пол. А она все разорялась, все кричала про

него. И ее слушали! Ее всегда почему-то слушал класс, какую бы ахинею ни несла! И когда вышла Марья Васильевна, как-то получилось так, что он вскочил с места, и съездил Наташку по щеке – даже рука заныла, – и бросился бегом из класса.

Класс за его спиной прямо взорвался весь. Ох как Боря испугался, что так получилось! Ну, подножки ей ставил, и за косы дергал, и подзатыльники отпускал, но чтоб так... Вечером Глеб сообщил ему по телефону, что Наташка почти не ревела и сказала, что сама знает, что ему сделать за это.

Однако до сих пор Боря не знал, что это она та кое знает. Он и потом переживал, что стукнул ее, а на третий день вскочил в лифт, а там – она, ну и слегка улыбнулся ей – ну самую малость, и она улыбнулась, и совсем не слегка, и они снова стали разговаривать.

А теперь Андрей требовал извинений, и Боря опять рассердился на нее.

Но сегодня Наташка позарез нужна была ему.

Прозвенел звонок, и Боря поздравил ее.

Наташка подбежала, обрадованная, что понадобилась за чем-то, и уставилась на него в упор своими глазами. Ну просто фары, а не глаза! И были б серые или голубые, а то ведь зеленющие. Как у русалки. И веселые. Боря не любил, когда она смотрела на него так, да еще при всех. Он и сейчас хотел по привычке отвернуться, да ведь был срочный разговор.

Он отвел ее в угол и шепотом спросил:

– Что это Цыпленок приволок в класс?

– Вовка? Не знаю... А что?

– Да если б знал, не спрашивал бы!

– Ну тогда я спрошу у него.

– Только чтоб никто не слышал.

– Почему? – У Наташки удивленно приоткрылся рот.

Ну какая она – не понимает самых простых вещей! И Боря решил не унижаться до объяснений и отрезал:

– Потому.

И отошел в сторонку. И стал наблюдать, как Наташка тут же бросилась к Вове и чуть не на весь класс заорала: «Что это ты притащил?» Боря поежился: ну хоть капельку б хитрости ей! И он-то не слишком хитер, куда ему до Глеба, но она... Одно в ней ничего: не мстит за подзатыльники, и возле нее всегда кажешься самому себе сильным и удачливым.

– Ничего особенного, – ответил Вова.

– А что неособенное? – не отступала Наташка, и Боря уже ругал себя, что попросил ее.

– Лайнер, – сказал Вова и уточнил:

– Воздушный...

– Тоже Геннадий сделал?

– Тоже.

Боря похолодел: не обмануло его предчувствие... Ух, наверно, и штуку принес!

Брат у Вовы почти гений, он работает программистом на

станции слежения за космическими кораблями и спутниками, а дома он настоящий волшебник. Взять ту удивительную лодку: ведь и плавает, и погружается, и стреляет она так, точно внутри у нее живет команда, и есть командир, и сложный механизм с крошечным атомным реактором...

– Покажи! – закричала Наташка.

– Я хотел после уроков, – сказал Вова и стал оглядываться. Ну конечно, искал глазами Андрея: не против ли он? Но не нашел и решил обойтись без его разрешения. – Но если ты так просишь...

«Глупая, что ты делаешь!» – ужаснулся Боря. Ведь сейчас все увидят лайнер, и кто-нибудь опять заполучит его. Хорошо хоть, Глеб куда-то вышел. Надо было отвести Вову в сторонку и уговорить, чтоб он показал только ему, Боре, а не всем. И придумать что-то похитрее: ведь после того, как его обманул Глеб, он не отдаст лайнер за пустяки.

Вова вынул из парты картонную коробку, открыл и извлек из нее другую, поменьше, дюралевую, с прозрачной крышкой.

Нет, это была не коробка, это был ангар, маленький ангар!

И только он появился на парте, как Вову с шумом окружили ребята. Даже из коридора набежали. И Андрей среди них.

Вова нажал пальцем какую-то задвижку, и у ангара откинулись металлические воротца; нажал другой рычажок, и на парту выкатился серебристый, остроносый, со скошенными

назад узкими крыльями лайнер...

До чего ж он был красив!

Он легко опирался на шасси – колесики в резиновых шинах; па сверкающих крыльях – элероны, рули глубины и высоты, по фюзеляжу строчка иллюминаторов; и у него был не старомодный винт, а маленькие сопла реактивных турбин, по краям они даже слегка потемнели, точно были в работе...

Неужели реактивный?

– И он летает? – спросила Наташка.

– Нет, ползает по земле, – обиделся Вова, словно это он сам, навсегда забросив своих зверей, насекомых и рыб, сконструировал и построил лайнер – Он летает на разных скоростях и в разных направлениях. Гена придумал специальное устройство...

Ребята, окружившие Вову, заахали.

– Ну и вещь! – сказал Митя.

– А покажешь, как летает? – спросил Витя, Митин друг; их всегда видели вместе, точно они были намагничены и притягивались друг к другу.

– Только не сейчас, – сказал Вова – Вот кончатся уроки...

– Скорей бы! – вздохнул Стасик. А стоявший рядом Коля ничего не сказал, только потер от возбуждения рука об руку.

Боря слушал все это и мрачнел.

Хоть бы дотронуться... Но попробуй дотронься, если ребята вокруг Вовиной парты шумят, хохочут, толкаются.

А он, он первый увидел синюю коробку!

Боря вдруг рассердился на всех и на себя и, работая локтями, протиснулся к лайнеру и даже приподнял его. Он так волновался, что самолет в руке вздрагивал, покачивался и в крошечных иллюминаторах прыгали солнечные искорки.

– Поставь на место! – сказал вдруг Андрей.

Боря вздрогнул:

– А тебе жалко?

– Жалко.

– А я... Я хочу, – через силу выдавил Боря.

– А я не хочу, чтоб ты хотел... Иди лучше почисти перышки Попке-дураку, авось спасибо скажет...

Ребята засмеялись, а Борю бросило в жар. Он боялся Андрея. Боялся его плотных плеч, глаз, острых, как пули, и насмешливого рта. Боялся потому, что Андрей больше других не любил Борю и не скрывал этого...

И все ведь из-за Глеба.

А какое дело Андрею? Какое дело классу?

Хочет – и дружит с Глебом.

Все рассорились, а он дружит. Дружит и будет дружить назло всем!

Андрей плечом оттер ребят, протиснулся к столу и стал отбирать у Бори самолет.

– Но-но, – сказал Боря, а сам тут же разжал пальцы и отдал лайнер, потому что Андрей мог взять и стукнуть при всех: он ни с кем не церемонился.

– Опять военная техника? – спросил Андрей у Вовы.

– Нет, пассажирский... Гена сказал, что переходит на мирную продукцию.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Прозвенел звонок. Красный и подавленный, пошел Боря к парте. Все, кому не лень, на него покрикивают и задевают. Все, кроме Вовы и Наташки, но она не в счет.

Боря сел за парту и взглянул на Глеба. До чего ж он в школе менялся! Прятался в себя, как улитка в раковину. Где его бодрость и зычный голос? В школе он напускал на себя безразлично-сонный вид, молчал, мало двигался и поэтому казался толще, чем был на самом деле.

Большой и тихий, он поглядывал сейчас за окно и не обращал никакого внимания на лайнер, точно все это и не касалось его.

После уроков с криками и смехом ребята повалили в раздевалку.

Боря, обгоняя всех, скатился по лестнице, надел свою серую непромокаемую куртку, всю па «молниях» – вертикальных, косых и поперечных, – кинул на голову фуражку и завертелся вокруг ребят. Чего-чего, а проворства у него хоть отбавляй. И живости. Все хочет узнать, везде успеть вовремя, да ведь не поспевает!

Вместе со всеми Боря ринулся из дверей.

Впереди с синей коробкой в руке и ранцем за спиной важно шел Вова. День был яркий, и большие Вовины уши, просвечивая на солнце, казались розовыми. Он был в маленьких

веснушках – даже па веках рыжели, – его светлые ресницы часто моргали.

За Вовой, точно прикрывая его, широко шагал Андрей, большеротый, коренастый и сильный, в вытертой кожаной куртке, в которых обычно ходят летчики гражданского флота. Куртка была ему в самый раз. В отвисшем кармане ее тоненько звякали шахматы в коробочке; с ней он не расстанется, и то и дело от пего слышно: «Сыграем?» И расставляет фигурки. Сильно играет: несколько ходов – и мат. За Андреем, толкая друг друга, торопились неразлучные Митя с Витей. У первого лицо репкой – круглое, светлое; у второго – будто морковка. Вытянутое, розовое. Рядом – Стасик, самый низенький в классе, даже девчонок таких не было; однако ни рост, ни писклявый голос не помешали ему получить бронзовую медаль, присужденную в Индии за один из его рисунков. Сбоку, в коротеньком, пронзительно красном, как пожар, пальтеце с деревянными палочками-пуговицами вприскок бежала Наташка. Это ее пальтецо резало Борины глаза.

– Подумать только, как настоящий! – верещала она.

Как она навредила Боре! И он, державшийся подальше от Андрея, хотел толкнуть ее локтем, но Наташка ускакала вперед.

Сзади всех вразвалочку плелся Глеб. Все-таки не выдержал! У него дома столько всего, но и он снялся с места.

Боря чуть замедлил шаг и поравнялся с Глебом.

– Видел? – спросил он. – Какой красавец!

– Так себе, – уронил Глеб, посмотрел на часы и больше не проговорил ни слова.

Притворяется! Наверно, опять что-то затеял... Но не скажет – скрытный!

Ребята обогнули здание и вышли на просторный школьный двор с широким тротуаром, на котором девчонки играли в «классы». Увидев, что Вова направляется к ним – наверно, уже выбрал стартовую площадку, – Боря кинулся вперед, храбро отфутболил коробочку из-под ваксы: «Р-разбегайся!» – и девчонки разбежались. Андрей улыбнулся ему, и Боре стало приятно.

Вова опустился на корточки, достал из коробки ангар, и снова из него медленно выкатился на тротуар острокрылый лайнер. Еще ярче загорелись па солнце Вовины уши. Они были такие прозрачные, что сквозь них, наверно, можно было смотреть, как через розовое стеклышко.

Ребята столпились возле него. Вова достал из ранца бумажку в клеточку, исписанную четким взрослым почерком, заглянул в нее и только после этого отодвинул на носу лайнера планочку-крышечку и переставил внутри какие-то рычажки.

– Пускаю на двести метров с возвратом, – сказал он.

– Давай, – ответил Андрей. – А какая высота? Вова осмотрел деревья и школьный забор.

– Метров сорок. – И вдруг спросил:

– С демонстрацией спасения или нет?

– То есть? – не понял Андрей.

– Ну на случай аварии в полете.

– Валяй с демонстрацией.

– Одного экипажа или вместе с пассажирами?

– Всех вместе, – хором сказали Митя с Витей, хотя, наверно, не сговаривались: все у них получалось одновременно, точно они были одним человеком.

– Отойдите все, – попросил Вова, и ребята отодвинулись.

Вова открыл в фюзеляже лайнера крошечную дверцу, извлек из кармана спичечный коробок с дырочками и кого-то пересадил из него в лайнер. И закрыл дверцу.

Боря нагнулся над лайнером:

– Кого это ты?

– Не мешай старту! – сказал Андрей.

– Запускаю. – Вова опять заглянул в бумажку, что-то сделал кончиками пальцев в носу корабля, задвинул планочку-крышечку и отошел.

– Ты что там прочитал? – спросил Стасик.

– Там Гена написал мне, что и как..., чтоб техника сработала... Разве упомнишь все? – Вова спрятал бумажку в карман и быстро сказал:

– Через три секунды взлет!

Лайнер вдруг пустил тугую струйку дыма, в нем что-то стукнуло, зарокотало, раздался жаркий протяжный свист, и под возгласы ребят он легко побежал по тротуару, по расчер-

ченным мелом «классам», по грязным следам каблуков, потом оторвался и плавно взмыл в воздух. Вспыхнул, как зеркало, на вираже и понесся над обширным двором и спортплощадкой, набирая высоту. За ним стлался прозрачный след. Вот он уже выше тополей, вот он перелетел территорию школы и понесся над проезжей улицей с троллейбусами и грузовиками.

Ребята, задрав головы, следили за ним.

И молчали.

От радости. От восхищения.

На дворе стало тихо-тихо.

– Пропал! – сказал Боря. – А какой был лайнер!

– Вернется, – спокойно ответил Вова. – Только освободите посадочную полосу, а то у него допуск точности – два метра.

Ребята отхлынули в сторону и освободили такое пространство, что, наверно, мог бы сесть и настоящий самолет. «Ведь врет же, врет! – подумал Боря. – Или он волшебный? Или там, как и в подводной лодке, сидят малюсенькие человечки? Ведь врет же...»

Вот лайнер исчез из виду.

Боря вдруг почувствовал странное облегчение: улетел... Никому теперь не достанется. Не так обидно. Как бы он завидовал Глебу, если б тот получил и лайнер!..

Ребята не спускали с неба глаз, а Боря, сунув руки в карманы, стал расхаживать по двору, по первой мягкой травке.

– Летит, летит! – за кричала вдруг Наташка, запрыгала, и по глазам Бори полоснуло пламя ее пальтеца.

Он вскинул голову.

С другой стороны, совсем не оттуда, куда смотрели ребята, появился лайнер: легко, с жарким свистом скользил он в яркой синеве неба.

Вернулся...

Из-под ладони, чтоб не мешало солнце, следил Боря за полетом. Вот лайнер почти над ними. Метрах в двадцати. И здесь случилось что-то странное: в лайнере вдруг откинулись носовой и фюзеляжный отсеки, откинулись ровно на секунду, чтоб с силой выстрелить вверх какими-то темными комочками, и снова закрылись. А темные комочки вдруг превратились в разноцветные парашютики.

Под куполами па тоненьких стропях раскачивались человечки, ветер нес их чуть в сторону. Ребята с криком бросились ловить их. Бросился и Боря.

– Катапульты? – спросил Андрей. – Здорово придумано!

Боря, не дожидаясь, пока парашютисты спустятся, стал прыгать и на лету хватать их – одного, второго, третьего. Толкнул плечом Наташку – будет знать! – и перехватил четвертого, летевшего в ее ладони человечка.

А когда все парашютисты были расхватаны, лайнер уже стоял на тротуаре и над ним таял прозрачный дымок.

– Ничего, – сказал Андрей, – честное слово, ничего! Ох и Геннадий у тебя!

– Он не считает эту модель очень удачной, – пояснил Вова, – он хотел отработать полную безопасность при полете. В каждом кресле личная катапульта.

Вова нагнулся, открыл в фюзеляже дверцу, и на его ладонь выбежали три синевато-черных жучка.

«Так вон оно что, – понял Боря. – Без жучков ты не мог!»
– Живы, молодцы! – Вова потрогал упругие усики, улыбнулся и, оглядев жучков со всех сторон, подбросил их вверх. Жучки раскрыли крылья и улетели.

«Эх ты, собаковод, ежиковод, жучковод! – подумал Боря. – Далеко ж тебе до брата!» И все-таки Вова был ничего мальчонка и к Боре относился лучше других; ну, не так, как Наташка, но, в общем, хорошо.

Боря успел схватить шестерых парашютистов – маленьких, тяжеленьких, вроде бы из свинца, человечков. За спинами у них были прикреплены раскрытые зеленые ранцы, в них-то и были парашюты, Сшитые из тончайшей шелковистой ткани, они приятно скрипели в пальцах. А если спрятать одного? И не успел Боря до конца додумать, надо ли это делать, как быстро скомкал в руке один парашютик, отвернулся от ребят и вместе с человечком незаметно сунул в карман. У него не будет, никогда не будет этого лайнера, но парашютист все-таки останется. Не так обидно хоть...

– Давайте их сюда, – сказал Андрей и стал собирать парашютистов, подсчитывая:

– Одиннадцать... Четырнадцать.... У кого пятнадцатый?

У кого?

Боря молчал. Кровь прилила к его щекам. Что делать? Отдать? Выбросить? Признаться? Нет, теперь нельзя... Еще хуже будет...

– Может, куда-нибудь завалился? – спросила Наташка.

Ребята бросились искать парашютиста.

– Не у тебя? – Андрей посмотрел на Бору.

– У меня. Где ж еще? – ответил Боря и сам удивился своей дерзости и находчивости.

КЛЯТВА

Андрей понял – не у него, и Боря почувствовал себя еще увереннее. Куда делась его робость? Он не узнавал себя. Вдруг он вспомнил про Глеба и тут же отыскал его глазами. Глеб стоял, прислонившись к кирпичной стене школы, еще более грустный и кислый. И не скажешь, что утром звонил он ему и так бодро говорил про кинокамеру – фильмы снимать будет!

Огорчается, что лайнер не его? Хитрости не хватает на этот раз?

Борю прямо распирало от уверенности. Он подошел к Глебу:

– Ну как лайнер? Так себе?

– Уйди, – сдавленно сказал Глеб, и одно веко у него заморгало.

Боря даже чуть испугался:

– Ты что?

– Отстань.

Воображает, гонит! Боря из-за него столько мук терпит, а ему хоть бы хны...

«А что, если самому... – вдруг подумал Боря, – самому добыть этот лайнер? Нет, не получится... Но ведь он не пробовал! Надо же когда-нибудь решиться превозмочь себя!»

– Ты.., ты хотел бы иметь такой? – шепотом спросил он

у Глеба.

– Стукну, – выдавил Глеб.

«Конечно, хотел бы!» – подумал Боря и отошел от Глеба: он и в самом деле мог запросто – и почище Андрея – двинуть кулаком в челюсть или в живот; он не разбирался – куда. Только Андрей дрался редко, и при всех, и взрывался, как бомба, а Глеб – спокойно, исподтишка. Этого не знали в классе, а Боря сам видел, как однажды Глеб колотил за что-то в подворотне своего дома одного мальчонку. Глеб и раньше, до случая с лодкой, ни с кем не дружил, а теперь и подавно. Ходил в школу и домой один и за партой сидел в полном одиночестве, и это не тяготило его. Ну ни капельки! И какой злющий. И, наверно, глаза у него всегда прищурены, чтоб получше скрыть злость: в открытых глазах она всем видна, а попробуй разгляди ее сквозь щелки!

Но Боря не должен его бояться.

– А хочешь, я получу его? – сказал Боря, и в голове его неожиданно созрел план того, что он должен сделать, когда добудет лайнер. Лайнера еще не было, а план уже был!

Глеб промолчал.

– Хочешь? – повторил Боря и увидел, как в узких щелках Глеба забился острый блеск.

– Ты? – Глеб презрительно смерил его глазами.

И тут Боря понял: он сделает то, что решил!

– Я, – сказал Боря, и его вдруг понесло. – Я получу лайнер, если ты мне отдашь за него..., знаешь что?

– Что? – надменно спросил Глеб. Но Борю это уже не смутило: он теперь знал, как с Глебом говорить и что от него требовать.

– Подводную лодку! Отдашь или нет?

Глеб молчал и не смотрел на него. Он смотрел, как Вова быстро складывает парашютики и всовывает в крошечные ранцы за спиной человечков.

– Отдам, – сказал Глеб, не оборачиваясь.

– Точно?

– Да, – подтвердил Глеб, сдаваясь.

Да, да, он сдался. Он почти сдался ему!

Кто думал, что так получится? Прекрасно!

Боря где-то читал: бывают такие минуты, когда человек решает по-другому повернуть свою жизнь. Такая минута для него настала! Он вдруг понял причину всех неудач и горестей: слишком мягкий, робкий, податливый у него характер.

Хватит быть сопляком! Хватит унижаться перед всеми! Они привыкли, что он робок и трусоват? Он будет другим. Главное – ничего не бояться. Надо обмануть? Обманывай. Надо хитрить? Хитри!

Хватит бояться! Хватит дрожать!

И они будут уважать его, остерегаться. Пальцем показывать будут: вон Боря прошел, Боря Крутиков... Ему все трын-трава!

Он будет таким. Будет. И не когда-нибудь, а сегодня.

Сейчас. С этой вот секунды.

Такова была его клятва.

Боря подошел к Вове. Тот уже поместил в лайнер всех человечков. Всех, кроме одного. Наташка с Митей и Витей продолжали искать его.

ОВОА ЦЫП-ЦЫП-ЦЫП

Боря присел возле Оовы и потрогал двигатели лайнера, они были еще теплые. «Будь хитрым, – приказал себе Боря, – хитрей тебя никого пет!» Когда Андрей отошел в сторонку, Боря быстро спросил:

– Хочешь, я дам тебе за него что-нибудь? – И чуть не сказал: «Цыпленок».

– Нет, – ответил Оова. – Он ведь не совсем мой...

– Брат еще сделает.

– Думаешь, это так легко?

– Ничего я не думаю, я предлагаю тебе...

Вдруг над ними появился Андрей.

– Что это он тебе предлагает? – спросил он у Оовы, и Боря незаметно толкнул его коленом, чтоб молчал.

– Да просто так, – сказал Оова.

Андрей пристально посмотрел на Борю. Лоб у Андрея был напряжен. Уж очень он воображал в этой летной кожаной куртке, хоть вся она была потерта и поломана в сгибах. А хитрости – ни на грош!

– Ну смотри... – сказал Андрей сквозь зубы.

«Проваливай отсюда и не распоряжайся, – подумал Боря и, сунув в карман руку, нащупал твердого человечка, запуставшегося в нитках-стропах. – Вот как про этого парашютиста ты ничего не знаешь, так и про все другое не узнаешь...

Ясно? А самолет скоро будет мой...»

Вот бы сказать это вслух – глаза б у того на лоб выскочили! Но разве хитрые так поступают?

Все стали расходиться. Глеб придержал рукой Борю и сплюнул тугой струйкой:

– Хвастун! Он глянул на тебя, а ты и готов. Как кролик перед удавом.

– Тогда увидишь! – отрезал Боря. – На днях, а может даже сегодня, я приду к тебе за лодкой...

– Приходи, – сказал Глеб, – жду. С нетерпением!

И посмотрел на часы.

Боря догнал ребят и пошел рядом с Вовой. По дороге часть ребят отсеклась, но кое-кто еще тащился за ними. А Боря хотел остаться вдвоем. Это было совершенно необходимо – остаться вдвоем с Вовой. И для этого Боре пришлось поработать. За ними увязались было Митя с Витей – они закидывали Вову вопросами о лайнере, ну и, конечно, эта самая Наташка. С ними надо было немедленно и безжалостно разделаться, пока Вова не дошел до дому.

Боря резко повернулся к ним.

– А вы куда? – Он даже замахнулся на них, и Митя с Витей отпрянули в стороны.

Оставалась еще Наташка. Она бежала рядом, выставив вперед свой длинный нос; видно, у всех любопытных вырастают от любопытства такие вот носы.

– А ты? Не слыхала?

И Наташка ускакала от них на своих тонких, быстрых ногах.

Боря огляделся – никого вокруг. Все шло как надо.

Он полуобнял Вову, нагнулся к нему и тихо сказал:

– Могу дать тебе шариковую ручку с тремя цветами... Хочешь?

– Я не хочу его менять, – сказал Вова. – Его Гена делал больше месяца.

– И еще дам запасные стержни с разной пастой – красной, синей и зеленой.

– Не надо. – Вова крепко держал под мышкой коробку.

– А чего б ты хотел?

– Ничего.

– Могу дать в придачу футбольный мяч, будешь стукать, – сказал Боря и подумал: «А как же я сам обойдусь без мяча?»

Вова молчал.

– Ну, тогда еще танк, он ездит и стреляет – огонь из пушки.

– Из магазина? – спросил Вова.

«Откуда ж еще!» – чуть не крикнул Боря: он ведь не мог, как его Гена, сам делать машины... «Что ж ему предложить?» – в смятении перебирал в уме Боря, вспомнил про Глеба и вдруг придумал – замечательно придумал. И уже у самого дома сказал:

– Помнишь, ты недавно встретил возле дома меня с дядей Шурой, и он был с Клоуном...

– Это, тот черный доберман-пинчер? – сразу вскинулся Вова. – Ох и собачка!

– Так вот, у них есть щенки этой породы, одного они обещали папе...

Вова прямо-таки притих весь и остановился.

– Дам тебе и его в придачу.

Глаза Вовы изучали Борино лицо. Глаза у него были жалостливые, добрые, чуткие... Боре стало нехорошо, и он отвернулся. Но другого выхода у него не было.

– Не веришь? Я вижу, ты не веришь! – Боря оскорбленно вскинул голову. – Тогда идем к моей маме, она подтвердит.

Боря знал, что Вова никуда не пойдет.

– Не нужно, – сказал тот. – Только чтоб ты и вправду...

Вот до чего довел его Глеб своим обменом!

– Даю слово! И ты знаешь, какая это редкая порода? Такого щепка и за пятьдесят рублей не купишь, а я его в придачу...

– Ну я просто не знаю, – засомневался Вова и вздохнул.

– У тебя никого нет дома? – быстро спросил Боря.

– Мама, но она сейчас уходит... А что?

– А то, что я скоро забегу к тебе... Ладно?

– Зачем? – Вова поглядел па него испуганными глазами в белых, поросеночьих ресницах. – Лучше в другой раз, я ведь не хочу...

– Да ты не бойся! Я только на минутку, – ласково сказал Боря и побежал к своему подъезду.

И тут он увидел, что к этому же подъезду с тросточкой-зонтиком идет их соседка Александра Александровна – сухопарая, негнущаяся, как и ее тросточка-зонтик, старушка в древней черной соломенной шляпке и черном пальто.

Она всегда ходила с книжкой в руке, была неслыханно вежливой со всеми и неслыханно прямой, придирчивой, и временами от всего этого Боря невыносимо страдал.

Все ей не так! И дверью лифта нельзя слишком громко хлопнуть, и хохотать вечером у ее двери – как будто дом был ее собственностью, – и даже на балконе нельзя обильно поливать цветы – вода, видите ли, капает на ее балкон...

Но главная неприятность произошла совсем недавно. Боря заметил на скамье у подъезда кем-то забытую книгу с синим обрезом, полистал ее, но прочитывать ничего не смог: она была на каком-то иностранном языке. Но зато бумага была великолепная – плотная, гладкая, белая. Боря не взял эту книгу, а только вырвал из середины двойной лист – какого голубя сделать можно! – а книгу оставил на скамье.

Прибежав домой, он тут же сделал голубя, пустил с балкона и бросился вниз, чтоб подобрать его. И увидел у подъезда Александру Александровну с голубем в одной руке и с книгой в другой.

Видно, книга была ее – спохватилась и вышла за ней, а голубь, как нарочно, спикировал к ее ногам...

– Твой? – спросила она.

Боря кивнул.

Язык у него отнялся. Откуда же знал он, что это была редкая, не переведенная у нас книга какого-то «бесподобного Анатоля Франса»? Ведь не по-русски же напечатана!

Ну и до мамы с отцом дошло... 0-0-ох!

Александра Александровна жила под ними, и Боря старался не ездить с ней в лифте.

Увидев ее, он прибавил шагу, почти побежал вперед, нырнул в подъезд, вскочил в кабину лифта и нажал кнопку своего шестого этажа. Он ехал вверх, и щеки его горели как в лихорадке. Ура! Здорово он придумал про собачку!

Боря на миг представил, как поразится Глеб, когда он принесет ему этот лайнер.

Боря выскочил из кабины и кинулся в квартиру. Уже в коридоре по ребячьим голосам понял, что к Костику опять нагрянули первоклассники. Боре это не очень нравилось: вечно у них толчея...

Он толкнул дверь. На полу ребята заводили ключом и пускали по жестяным рельсам разноцветные вагончики, и они резво, как мыши, бегали, проносились сквозь тоннели и стрелки, подлетали к вокзалу.

Боря сунул в карман трехцветную ручку с запасными стержнями, взял мяч, вылетел из квартиры и поехал вниз.

НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ЖАЛОСТИ!

Сразу бежать к Воле он не решился: его мама наверняка была еще дома. Как при ней возьмешь лайнер?

Боря побежал к Вовиному подъезду, вспрыгнул на деревянную оградку – она закачалась, затрещала – и оперся о большой старый тополь, росший против Вовиных окон. Если забраться на толстый нижний сук, видно все, что делается в их квартире, расположенной в цокольном этаже.

Боря схватился за сук, но тут, как назло, появилась тетька Феня – дворничиха в белом фартуке, с метлой в руках.

– Хочешь доломать заборчик? – Она замахнулась метлой.

Боря всегда боялся ее, но сейчас, когда он дал клятву...

– Он крепкий еще! – крикнул он, – И я на минуту.

Боря вскарабкался на сук и посмотрел в окна Вовиной квартиры – к одному из них была пристроена кормушка для птиц. Он увидел, как снует по комнатам синяя косынка Вовиной мамы, как Вова кормит рыбок в большом аквариуме, стоящем на окне: зеленые водоросли, темный гротик и золотые искорки рыбок... Скорей бы его мама уходила!

Наконец ее мятущаяся косынка исчезла, и Вовина мама появилась в дверях подъезда с хозяйственной сумкой.

Боря слез с сука, поднял с земли мяч, подождал, пока Вовина мама исчезла за углом дома, еще подождал минут пять – вдруг вернется, вдруг забыла что-то дома? – и бросился в

подъезд. Он ни разу не был у Вовы: звери и птицы мало волновали Борю, а к его брату, волшебнику, чьи руки творили такие чудеса, страшно было даже подойти, и Боря только издали смотрел на него с завистью и восхищением...

У Вовы, который открыл ему, в руке был пакетик с дафниями: он кормил рыбок. При виде Бори лицо его чуть насушилось.

– Ты зачем? – спросил он.

– Дай лист бумаги, – вежливо, подчеркнуто вежливо попросил Боря, потому что с этого дня он должен быть очень хитрым; вдобавок ко всему он широко улыбнулся, входя в комнату, хотя Вова не приглашал его войти.

И тотчас, только Боря вошел, в нос ударил острый запах зверья, водорослей, земли и птичьего помета. Под ноги ему, прихрамывая, с лаем покатился рыжий щенок, и Боря в панике вскочил на стул – еще укусит!

– Не бойся, Лай добрый. – Вова взял щенка на руки и стал поглаживать его густую дворняжью шерсть.

Потом в Борю стрельнул со шкафа рябым перышком воробей.

– Тот самый? – спросил Боря.

– Ага.

И Боря вспомнил, как во время урока Вова, сидевший у окна, внезапно, как ненормальный, сорвался с места, чтоб отобрать у мальчишек воробья, которого они мучили на улице. И отобрал, и принес – у воробья было перебито крыло.

И Анна Дмитриевна, учительница арифметики, даже похвалила Вову.

Вдруг по полу, наискосок, сердито топая, что-то пробежало.

– Ой! – вскрикнул Боря.

– Ежика не видел? – засмеялся Вова.

Боря крутил головой и оглядывался. Из клеток, подвешенных у окна, попискивали какие-то птички, в аквариуме, как трассирующие пули, носились красные и голубые рыбки, а рядом с ним, в террариуме, медленно двигалась черепаха в панцире, похожем на футбольный мяч, сшитый из кусков...

– Да у тебя тут настоящий зверинец, – сказал Боря. – Ну и парень ты!

– Это еще не все. Хочешь, покажу...

– Я верю, не надо, – заторопился Боря. А где все мастерит Гена?

– Там у него свое КБ. – Вова кивнул куда-то через стенку и пояснил:

– Конструкторское бюро.

– Дай лист бумаги.

Боря извлек из внутреннего кармана куртки толстенную ручку, нажал рычажок и, не отводя руки от бумаги, мгновенно нарисовал черта с рожками – черт был красный. Затем рядом с ним появился точно такой же черт, только зеленый, а потом – синий.

– Не нравится? – Боря посмотрел ему в глаза.

– Но я ведь сказал... – опять начал Вова, но тут Боря бросил на пол тугой мяч, и он весело запрыгал по паркету.

– Знаешь, сколько он стоит? И крышка из синтетики – не порвется, даже если на гвоздь...

– Да все равно... Не могу я, и все...

– Ну хорошо, я ведь не заставляю, – сказал Боря, – только покажи мне его еще раз. Я не успел как следует рассмотреть руль...

Вова достал с этажерки знакомую коробку. Боря вытащил из нее ангар и через прозрачную крышу увидел лайнер. Стоял он важно и тихо. Боря смотрел на него, а видел ту маленькую подводную чудо-лодку, которая таинственно уходит под воду, и никто, кроме ее командира, не знает, откуда и на какую высоту она выстрелит настоящей, только маленькой, баллистической ракетой...

– Ну чего ты так держишься за него? – спросил Боря. – Точно скряга, точно жадина... Подумаешь, ценность какая! Не думал я, что ты такой... – Боря спрятал ангар в коробку. – Хорошо, что с тобой поделаешь, завтра же принесу того щенка и еще ремешок с ошейником...

– Правда? – Вова заглянул ему в лицо, доверчиво тараща свои наивные, совершенно цыплячьи глаза.

– Правда. – Боря взял коробку о лайнером и пошел к выходу.

Вдруг Вова вцепился в его куртку:

– Постой, не уходи!

– Чего тебе? – быстро спросил Боря. – И не рви, пожалуйста, мою куртку!

– Я раздумал, – сквозь слезы сказал Вова. – Ты не принесешь, а лайнер не только мой...

– Уговор дороже денег! – ответил Боря. – Надохлого, можно сказать, попугая сменял лодку, а я даю тебе здорового, породистого добермана...

– Ты только обещаешь! Не хочу! – Вова еще крепче вцепился в него, но Боря силой отцепил его пальцы от куртки, ринулся к наружной двери и захлопнул ее.

– Отдай, отдай! – закричал Вова. – Я не хочу! – и колотил кулаками в дверь, которую с лестничной площадки держал Боря.

Вот как получилось... Что ж теперь делать? Отдать? Надо отдать – ведь плачет...

Нет, нельзя. Нельзя отдавать.

Нельзя поддаваться жалости...

Ни за что!

– У Глеба проси теперь лайнер! Понял?

Вова сразу притих и перестал давить на дверь. Боря отскочил от нее и бросился из подъезда.

ХИТРЫЙ ГЛАЗ

С коробкой в руке мчался Боря по тротуару.

Лайнер, которым час назад так восторгались все, у него! У него под мышкой! Да, да, у него! Все идет как надо. Долой жалость и страх. Вова, конечно, пожалуется Андрею и другим ребятам в классе. Ну я пусть! Пусть все окончательно отвернутся от него, и даже Наташка, пусть обзывают его, как хотят: ради подводной лодки все стерпит...

Думали, он робкий? Собственной тени боится?

А он вот какой, вот!..

Боря чувствовал под мышкой точную тяжесть лайнера. Он прекрасен, но может упасть, разбиться о землю, а лодка всегда будет с ним. Глеб этого не понимает, и надо поскорей получить ее, пока не спохватился...

Боря уже несся по Весенней улице, перепрыгивая через автобусики и пластмассовые ракеты на платформочках малышей, через крученный кожаный поводок, на котором старушка вела малюсенькую гладкую собачонку, через... «Опомнись, с ног собьешь!» – крикнул кто-то вслед ему, но Боря лишь прибавил скорость.

Ему так не терпелось поскорей прибежать к Глебу, что он с трудом переждал, пока пройдет поток машин на Черемуховом проспекте.

Не успел красный свет семафора смениться зеленым, как

Боря ринулся по пешеходной дорожке меж белых ромбов и перелетел проспект.

До дома, где жил Глеб, оставалось совсем недалеко: глубокий скверик со скамьями и деревцами, а потом его улица. На скамейках сидели женщины с детьми, шуршали газетами пенсионеры, а один, отвалившись на спинку и раскрыв рот, сладко дремал.

Боря бежал дальше, глядя под ноги на мелкий ржавый песок аллеи. Скоро конец сквера. Крик, раздавшийся впереди, заставил его вскинуть голову. Впереди стояли Андрей со Стасиком, по сторонам у кустов Митя с Витей, Коля и еще... Кто был еще, рассматривать было некогда.

Боря затормозил и повернул назад. И еще крепче прижал коробку. Мысли его лихорадочно бились: откуда они? Ведь, похоже, они специально поджидают его здесь... Засада! Значит, узнали. Но от кого? От Вовы? Позвонил по телефону Андрею, и Андрей срочно созвал тех, кто живет поближе? Ведь Боря сам намекнул Воле, что побежит к Глебу, и Воля все понял...

Боря летел назад. Он начал выдыхаться. Ведь от самого дома бежал. Топот ног догонял его.

– Обходи по сторонам! – подал команду Андрей. – Он не уйдет от нас!.. – И потом уже крикнул ему, Боре:

– Стой! Все равно догоним! Стой, тебе говорят!..

Боря летел по аллее и прерывисто дышал. Ноги его подламывались. Вон и конец сквера, и Черемуховый проспект с

автобусами и троллейбусами впереди...

– Стой, стой! – настигая Борю, кричал Андрей, и шахматы колотились в его кармане. Уже коснулся рукой куртки.

Вот-вот Борю схватят, отберут лайнер, и его победа окажется страшным поражением. И чего стоила его клятва, решение быть храбрым, хитрым, безжалостным... Он и пикнуть не успеет, как его отлупят...

Вдруг случилось что-то непонятное: Борю захлестнул новый страх, внезапный и острый. Голова налилась холодом, и он ощутил, как волосы его зашевелились, начали подниматься... Встали дыбом! Фуражка его взлетела вверх и упала. Боря оцепенел. Схватил фуражку и рванулся вперед. Ноги едва касались земли – так быстро летел он. Топот сзади прекратился. Только слышались испуганные голоса.

Внезапно страх пропал и холод в голове исчез.

Боря остановился. Оглянулся. По аллее – в противоположном направлении – стремительно убегали Андрей со Стасиком: плотный, крепкий Андрей и рядом эта коротышка. И Вова... Конечно, это он все подстроил! И на земле валялась чья-то кепка...

Что это они? Кого так испугались?

Даже смотреть странно.

Андрей, сам Андрей убегал, не чуя под собой ног!

– Эй, куда вы? – крикнул вслед им Боря.

С удовольствием крикнул. Он ведь не пугал Андрея, а тот задает лататы. Да еще как! И не только он улепетывает, Ста-

сик с Митей и Витей и Вова тоже показывали ему свои проворные пятки.

Боря еще больше осмелел. Крикнул погромче. Они побежали еще быстрее. Они боятся его... Но отчего? Боря не удержался и ринулся в погоню. Однако через несколько шагов его снова сразил страх и на голове зашевелилась фуражка. Боря отпрыгнул назад, и страх отпустил его.

С ним творилось что-то невероятное. Точно по аллее кто-то провел невидимую черту, за которой начинался страх. Боря маленькими шажками двинулся вперед, достиг этой черты, и страх опять точно палкой стукнул его. И он отдернул ногу.

И ведь ничего такого не было вокруг, что бы могло внушить этот страх. Боря огляделся. И заметил на траве под кустами карманный фонарик.

Потерял кто-то?

Фонарик лежал боком, и его большое черное стекло было хорошо видно Боре.

Надо взять, будет в его хозяйстве вместо прожектора.

Забыв об Андрее с мальчишками, Боря бросился к фонарику и опять отскочил назад, за ту черту, где страха не было. Нет, в этом было что-то загадочное, противоестественное! Ведь никого же вокруг не было, кто бы смог напугать.

Фонарик могли взять другие, и Боря побежал к нему не по аллее, а в обход, кустами. Здесь страх ему не мешал, и Боря схватил с земли фонарик – он был гладкий и тяжеленький.

Боря стал разглядывать его: плоская пластмассовая корбочка темно-синего цвета. Узкая. На одной стороне толстое круглое стекло – черное и глубокое, как глаз, а под ним что-то вроде пульта управления – два ряда маленьких белых кнопок с черными цифрами; ниже вмонтирован блестящий циферблат с буквами: О, Ч, Д, М, Г, В и находилась короткая стрелка, уткнувшаяся своим острием в букву О (впрочем, она могла означать и ноль).

Под циферблатиком белела еще одна крошечная кнопочка с крестиком, а еще ниже – какой-то рычажок.

Как же фонарик зажигается?

Боря нажал рычажок – света не было. Вернул в прежнее положение, и старик в шляпе, сидевший в отдалении на скамье, уронил на землю газету, шляпа его стала медленно приподниматься на голове, хотя он не касался ее руками. Что за чудо? Потом старик вскочил и огромными, совсем не стариковскими прыжками бросился по аллее. Женщина с коляской у другой скамьи тоже вскочила, платок на ее голове полез вверх, а ребенок в коляске заорал благим матом, и женщина поспешно покатила коляску к Черемуховому проспекту; коляска так сильно раскачивалась и скрипела, и ребенок в ней так орал, что Боря перепугался, отвел приборчик в сторону, и плач в коляске прекратился...

Что же это такое? Есть в этом фонарике лампочка?

Боря заглянул в стекло и никакой лампочки не заметил. Зато что-то неведомое пронзило его тело ледяным ужасом.

Боря отдернул голову и чуть не уронил коробку с лайнером. И сбоку покосился на это стекло, черное и глубокое, как глаз. И вдруг этот глаз показался Боре не стеклянным, а совсем живым – таинственным, пристальным, зорким... И очень хитрым! Да, да – хитрым! Он смотрел, слегка прищурясь, выжидательно и не то улыбался ему, не то грозил... Да никакой это не фонарик! Это странный и непонятный приборчик, который каким-то образом влияет этим живым Хитрым глазом на все окружающее.

В небе, со стороны аэропорта, низко шел пассажирский реактивный самолет. Шел плавно и мягко, с мощным, уверенным и ровным свистом. Долго не думая, Боря поймал самолет Хитрым глазом.

Самолет клюнул носом, вильнул в одну сторону, потом в другую. Рев его захлебнулся, стал прерывистым. Боря весь похолодел и отвел Хитрый глаз – самолет выровнял курс, двигатели вошли в прежний, спокойный ритм, и он плавно пошел дальше.

Рука Бори, державшая приборчик, ослабела, и он выскользнул из пальцев.

Стоять не было сил.

Боря опустился на землю. Приборчик, придавив весенние травинки, лежал Хитрым глазом к земле. Боря боялся даже коснуться его. Он знал: надо скорее встать и уйти, убежать от него, пока не случилось чего-нибудь. Но ведь тогда... Тогда кто-то Другой найдет его и возьмет себе!

Боря сидел и не знал, что делать.

Потом протянул к приборчику руку, с величайшей осторожностью поднял и стал рассматривать, держа его так, чтобы никоим образом не попасть в поле зрения Хитрого глаза. У нижней кромки приборчика было четко оттиснуто: «ЭМЧ-1», одна из кнопок была слегка утоплена – кнопка с темной цифрой «1».

МАЛЕНЬКАЯ И ГРОЗНАЯ

Боря встал и пошел к дому Глеба. Липки и клены были обрызганы яркой мелкой листвой, и она блестела и липла к пальцам, как новая клеенка, а внизу под деревьями еще валялись коричневые чешуйки от почек. Однако аллея была пуста: ни души, и свежеразкрашенные В зеленый цвет чугунные скамейки были пусты.

И птицы не щебетали в кустах. Было очень тихо и одиноко.

Неужто Хитрый глаз всех разогнал?

Сквер кончился, за ним – дорога, дома и магазины. И вот там, впереди, через дорогу мелькнуло что-то черное.

Андрей! В своей неизменной куртке.

Заметив Борю, он промчался вдоль продовольственного магазина и спрятался за угол большого дома, того самого, в котором жил Глеб. Боря побежал за ним, держа приборчик Хитрым глазом вперед. Андрей выглядывал из-за угла. Боязливо выглядывал: краешек кепки едва-едва виден.

Внезапно кепка упала на тротуар, из-за угла высунулась рука, схватила ее и исчезла...

Боря перешел дорогу и услышал впереди, в тиши не узкой малолюдной улочки, куда выходили двери дома, торопливый стук ног и увидел, как Андрей, с кепкой в руке, прижав к бокам локти, изо всех сил удирает от него. Ну и времена на-

ступили!

Он ведь ничего не делал – ни запугивал словами, ни грозил кулаками... Сами боятся!

И тут Боря вспомнил о маленьком парашютисте в кармане: не забыть бы посадить его в лайнер, в пустующее креслице...

Сколько раз бегал Боря к Глебу, звонил в дверь и ждал, когда ему откроют! Сколько раз замирало у него все внутри, когда он трогал сверкающий руль гоночной машины, черные ручки и разноцветные провода электроконструктора! Сейчас его волновало другое: удастся ли обмен? Не передумал ли Глеб?

Боря нажал кнопку звонка.

Никто не открывал. Боря опять позвонил, и снова за дверью тишина. Он припал ухом к скважине для ключа и уловил движение внутри квартиры: скрип дверей, чей-то шепот... Что они, не слышат?

Боря, переступая от нетерпения с ноги на ногу, опять нажимал кнопку:

– Откройте!

– Вам кого? – пугливо спросил женский голос.

– Глеба... И не бойтесь, здесь не жулики! Это я, Боря Крутиков.

За дверью раздался быстрый шепот.

И вдруг все поняв, Боря отвел Хитрый глаз приборчика. Неужели он действует и через дверь?

Голоса стали погромче, посмелее. Послышались шаги. Лязгнул замок, дверь приоткрылась, но не целиком, а на цепочку, и в образовавшейся щели появилось большое бледное лицо матери Глеба.

– Это же я, – заспешил Боря, чтоб его пропустили. – Не узнаете? Я ведь был у вас позавчера...

– Глеб, к тебе должен кто-то прийти? – спросила мать, часто моргая.

И Боря услышал из глубины квартиры слабый, полужнакомый голос:

– Вообще-то нет...

«Как же нет? – подумал Боря. – Он все еще не верит, что я могу выменять этот лайнер?»

– Глеб, это я... Открой!

Наконец Борю пропустили в коридор, в тот самый коридор, где пылился детский гоночный велосипед, где висели совершенно новенькие, без единой царапинки клееные финские лыжи, которые так редко бывают в продаже и которые только два раза касались снега, и где сиротливо жался в уголке свернутый чешский экран в круглом футляре, – сколько раз затаенно проходил мимо всего этого Боря! Мать Глеба, высокая и толстая, с прищуренными, как и у сына, глазами, уже не вежливо, как всегда, а с недоверием и страхом смотрела на Борю, а из дверей комнаты выглядывал сам Глеб. Вдруг мать вскрикнула, и ее густые каштановые волосы стали медленно приподыматься вверх, а Глеб юркнул в комнату, за-

хлопнув за собой дверь.

Боря случайно глянул на свою руку – Хитрый глаз в упор смотрел на мать Глеба – и тотчас направил приборчик вниз. И к матери вернулся голос:

– Что ж ты, Боречка, стоишь в коридоре? – Она заулыбалась, – Заходи в комнату, заходи...

И Боря вошел. Глеб стоял у телевизора и напряженно смотрел на Борю. С лица Глеба исчезло выражение бодрости и превосходства, а появилось что-то другое: полуучтивость, полуугодливость. И глаза чуть расширились. И теперь-то, теперь-то стало отчетливо видно, какие они холодные и злые.

Боря даже испугался на миг: еще не отдаст лодку... Вообще-то, говоря честно, Боря до сих пор не мог понять, почему Глеб решил, что лайнер лучше лодки... Ах, как захотелось ему иметь этот лайнер! Надо было действовать решительно и сразу оглушить Глеба.

– Вот тебе лайнер, – Боря протянул коробку, – неси лодку...

– Достал? Нет, ты правда достал? – Лицо Глеба прямо-таки лоснилось, блестело от восхищения...

Ведь притворяется же!

– А ты что думал?

Глеб бросился в другую комнату и проворно принес точно такую же синюю коробку, какая была в руках у Бори.

– Вот...

Боря протянул к ней руки, но Глеб почему-то не отдавал.

– Ты что? – спросил Боря. – Давай... Ну?

– А твоя..., с лайнером? Он там, да?

– А где ж еще? – обиделся Боря и решил не пересаживать парашютиста из кармана в лайнер – самому пригодится!

Боря присел на корточки и, положив приборчик рядом, стал открывать коробку. Вот его пальцы коснулись гладкого металлического корпуса, выкрашенного, как и все боевые подводные лодки, в темно-серый цвет, и от радости щеки его загорелись. Ведь сегодня, если разобраться, был самый счастливый день в его жизни: у него теперь эта лодка – таинственная, маленькая, грозная... Теперь она будет самой главной, будет флагманом его военно-морского флота!

– Сколько месяцев пропадала! Зачем держал?

– Она могла пригодиться мне. – Глаза Глеба стали быстро превращаться в щелки. – И пригодилась ведь.

«Не вышла ли она от долгого бездействия из строя?» – подумал Боря и так расстроился, что даже забыл попросить Глеба показать новую кинокамеру.

– Что это у тебя? – Глеб кивнул на приборчик, лежавший на полу Хитрым глазом вверх.

Борю бросило в жар:

– Ничего особенного... Скажи лучше, сколько времени?

– Пожалуйста! – Глеб мгновенно выкинул вперед левую руку, запястье выскочило из рукава и хвастливо блеснуло часиками. – Три часа пятнадцать минут...

Боря сунул приборчик в карман, подхватил коробку и по-

скакал вниз.

Как бы сделать, чтоб никто не видел приборчик, а чтоб Боря мог действовать им как хотел?

А что, если положить его в верхний карман куртки?

Боря отвел в сторону «молнию» и втиснул приборчик. Он прекрасно влез, точно карман специально был сшит для него. Теперь никто не догадается!

Боря быстро шел по улице. Просто не верилось: прибежит он сейчас домой, пустит лодку для начала в ванну, она погрузится и притаится па дне. А потом по его приказу всплывет... Боря оглянулся. Может, еще торчит где-нибудь поблизости Андрей? Может, еще надеется отобрать у него лайнер?

Нет у него лайнера, а если бы и был, не отобрал бы! Зато у него теперь есть кое-что другое... Подступись теперь к нему!

Неожиданно Боря подумал: надо сейчас же сбегать к Андрею и сбить с него спесь и спросить, возьмет ли он его на экскурсию в аэропорт...

Он даже издали боялся сегодня Борю – как драпал! А что же будет вблизи?

Берегись, Андрей!

И Боря свернул к дому, где жил Андрей. Шел быстро и вдруг не вытерпел – побежал. Опять пересек шумный Черемуховый проспект и зашагал к дому Андрея.

БЕРЕГИСЬ, АНДРЕЙ!

Но странное дело: чем ближе подходил Боря к его дому, тем медленнее двигались ноги. Точно и не было у него Хитрого глаза. Как бы не стукнул, и приборчик не отобрал, и лодку.

Боря в нерешительности походил возле его подъезда. По-вздыхал. Постоял. Опять походил, удаляясь и возвращаясь, набираясь смелости. Эх, будь что будет!

Он судорожно, почти зажмурясь, шагнул в подъезд.

Лифт доставил его на девятый этаж. Став к двери так, чтоб Хитрый глаз не смотрел на квартиру, Боря позвонил. Открыл сам Андрей.

– Ах, это ты! Сам пожаловал? Ну-ну, и даже с лайнером!

От его улыбки Боря почувствовал дрожь, он хотел уже броситься назад, но сдержал себя: стоп! У него ведь есть Хитрый глаз.

– Да, это я! – громко, даже с вызовом сказал Боря. – И знай: я больше не боюсь тебя! Ни тебя и никого другого в классе! Андрей схватил его за плечи и рывком втащил в комнату.

Боря ощутил железную хватку его рук и скривился от боли. И все же он крепился. И держался боком. И не поворачивался к Андрею карманом.

– Я тебя предупреждал! – сказал Андрей. – Это бесчестно

– выменивать у Вовы такие вещи...

Боря стиснул зубы – не трусь! – и ответил:

– А мне какое дело? Дуракам закон не писан...

– Сейчас мы пойдем к Вове, и ты вернешь ему лайнер...

Это ведь нечестно!

– А мне плевать! – И, приказывая себе: «Смелей!», и выбирая слова, чтоб посильней отомстить за все свои страдания, добавил:

– Не хочу возвращать! Вова сам отдал мне его... И знаешь за что?

Андрей подозрительно смотрел ему в глаза. Конечно, он недоумевает: как это он, Боря, который всегда ниже травы, тише воды, посмел явиться к нему и так храбро держится в его же квартире!

– За что?

И, не дожидаясь ответа, Андрей провел его в смежную комнату – в первой за столом что-то писал его отец, это было неприятной неожиданностью для Бори – днем и дома! – но он и вида не показал, что боится.

– За дешевенький мяч, за грошовую авторучку и... И еще знаешь за что?

Андрей пристально смотрел на него.

– За псиный дух! – выпалил Боря и принужденно засмеялся.

Андрей не спускал с него глаз.

– Да, да, – продолжал Боря, собирая все свои силы и всю

свою обиду на Андрея. – Я пообещал ему щенка добермана-пинчера, и он, дурачок, поверил...

Но странное дело – Андрей все не взрывался.

– Сейчас же клади на стол лайнер, – спокойно сказал он. – И мы пойдем к Вове.

– Никуда я не пойду, – бросил он, стоя по-прежнему чуть боком к Андрею. – И не оскорбляй меня, а то возьму и стукну.

Андрей остолбенел.

– Ты.., ты... – Он даже побледнел.

– Я! – отрезал Боря.

У Андрея прямо выпучились глаза:

– Ты?.. Меня?..

Андрей стремительно схватил его за грудки и так потрянул, что зубы у Бори громко клацнули. Андрей повернул его лицом к себе, и Боря почувствовал, что в то же мгновение пальцы его разжались, на лице появились изумление и растерянность, а зрачки медленно расширились. И волосы начали подниматься.

Андрей стал отступать от него, озираться, кусать губы. Потом плечи его вздрогнули. Он моргнул.

– Ну и фрукт же ты! – выдавил Андрей, а сам все отступал от стола.

– А кто боится фрукта? И ты знаешь, что в коробке уже лодка? Я выменял ее у Глеба...

– Уйди, – шепнул Андрей.

И все же он вел себя не так. Не так, как хотелось Боре. Он упрямо сопротивлялся Хитрому глазу, словно тот и не был всемогущим.

– А я пойду на экскурсию в аэропорт? – спросил Боря, наступая на Андрея.

Ни слова.

И под Хитрым, под всемогущим глазом Андрей молчал!

– Ты скажешь или нет?

– Уйди... Уйди отсюда, – шептал Андрей и с нелепо торчащими вверх волосами все отступал от Бори.

– Что там происходит? – спросил из соседней комнаты, вставая и двигая стулом, отец Андрея.

И вошел к ним.

Он был громадный, в синей форме с золотыми галунами гражданского флота, с такими же, как у сына, широкими, насуспенными бровями. Из-под них смотрели глаза. Светлые, смелые, веселые... Вот кому подражал Андрей! И так же хмурился, и так же медленно носил крепкие плечи, и даже превратил свои веселые глаза в холодные острые пули... Боря ни разу не видел его отца так близко – он видел его в школе с первого ряда актового зала на торжественном праздничном собрании, где отец Андрея был среди гостей и рассказывал о своем последнем беспосадочном перелете в Австралию – знойную кенгуриную страну, – а потом в пингвинью Антарктиду... Ох и интересно было, ох и хлопали ему!

А теперь он шел прямо на Борю!

Коленки у Бори ослабли от страха, по спине побежали мурашки... Сейчас, сейчас схватит он его за шиворот и выставит из квартиры! И, сам не понимая, что он делает, думая лишь о том, чтоб не зареветь, Боря повернулся к нему, и теперь отец вместе с сыном – это Боря понял чуть попозже – попали под Хитрый глаз.

Отец Андрея остановился, плотные, черные с седыми искорками волосы его встали копной. Он удивленно поднял брови, провел рукой по глазам, будто пытался снять с них невидимую, мешавшую смотреть пелену. Потом усталым движением прикрыл ладонью глаза, точно хотел защититься от ярких, беспощадно прямых лучей солнца.

– Что здесь происходит? – опять спросил он.

– Н-н., ничего особенного! – даже стал заикаться Боря. Он мечтал об одном: поскорей удрать отсюда.

– Нет, здесь что-то не так... И ты.., ты чего весь трясешься? – спросил у него отец и осекся, и лицо его исказилось, словно ему стоило больших сил бороться с чем-то огромным и цепким, навалившимся на него.

И вместе с Андреем он попятился в другую комнату, а Боря, воспользовавшись замешательством, скользнул в переднюю и, крепко сжав под мышкой коробку с лодкой, выбежал из квартиры.

МОРОЖЕНОЕ

Минут пять приходил Боря в себя. Зачем только сунулся к ним? Но когда он отдышался и весь страх понемногу вышел из него, Боря уже не жалел. Ну, раз Андрей с отцом слабее приборчика, теперь ему некого бояться. Утром еще он горевал от одиночества, обижался, что никто не понимает его, а теперь...

Не хотят – и не нужно! Он не будет больше крутиться возле них – Крутиков не от слова «крутиться», – и кланяться им, и оправдываться. Он не замухрышка, способная лишь чистить перышки Попугаю... Глеб ему больше не нужен. Лодка – у него! И не только лодка!

Осмелится теперь Стасик рисовать на него на уроках карикатуры? А Вова Цыпин со своим чудо-братом – будут они теперь иметь к нему претензии?

От волнений и яркого солнца Боря упарился. По пить бы где-нибудь.

Возле угла, рядом с газетным киоском и палатками с овощами и кондитерскими изделиями, стояла тележка с мороженым. Эх, лизнуть бы сладкого холодка! Боря сунул в карман руку. Нет, денег у него не хватит... «А что... А что, если... А что, если попробовать?» – пришла к нему внезапно мысль, ошеломила его, и от нее Борю вдруг стало знобить.

Он отошел в сторонку. Нет, нельзя этого делать! Ни в коем

случае! Это похоже на воровство, на грабеж среди белого дня... Да, но в тележке так много мороженого – всем хватит. И вообще, если всего бояться и думать, что потом будет... Он ведь дал клятву...

Боря незаметно направил левый карман на мороженщицу в белом халате, натянутом на куртку, и в такой же белой шапочке.

У мороженщицы сразу расширились глаза, верхняя с рыжими усиками губа запрыгала, а шапочка вместе с волосами полезла вверх. Боря подошел к ней и робко сказал:

– Дайте, пожалуйста, «Ленинградское»...

– Бери... Бери.., сколько хочешь... – Мороженщица открыла крышку и протянула две порции.

– Спасибо! – Боря отошел от нее, отвернул с конца обеих трубок бумагу и вонзил в холодный шоколад зубы: сначала в одну, потом в другую. И сразу исчез зной, и в пересохшее от бега и волнений горло потекла приятная прохлада.

«Вот это да! – подумал Боря, глотая большие куски. – Ведь это потрясающе! Теперь у меня всегда-всегда, когда захочу, будет мороженое!»

А может, удастся взять и книгу? Ну хотя бы вон в том киоске...

Боря подошел к киоску, прозрачному, как аквариум, только вместо золотых рыбок или меченосцев в нем сидел лысый мужчина в больших очках и байковой куртке. Сидел в пестром окружении газет, журналов и книг.

Боря стал разглядывать книги. Что бы взять? Вон ту можно, толстую, с павлинами на обложке.

Боря направил на киоскера карман. Киоскер нахмурился, ойкнул, недоуменно завертел головой и стал крутиться на сиденье. Покупатели, бойко разбиравшие газеты, сразу разбежались от киоска, и Боря подошел к окошечку и попросил:

– Дайте, пожалуйста, книгу с павлинами на обложке !

Киоскер подергал плечами, схватил книгу и поспешно подал Боре.

– Спасибо.

Боря сунул книгу за пояс. Значит, и с книгами теперь у него все в порядке – любую бери!

И не успел он это подумать, как ему опять захотелось мороженого...

К своему дому Боря возвращался часа через три. Карманы его куртки сильно оттопыривались.

Вот и их дом – громадный, десятиэтажный, двухкорпусный, в лентах длинных балконов. Тетя Феня подметала перед домом тротуар. Заметив Борю, она замерла, стала оглядываться и, наконец выронив свое основное холодное оружие, юркнула в подъезд.

А думала, самая грозная!

Когда Боря подбегал к лифту, из него как раз выходила Александра Александровна в своей неизменно ветхой шляпке, с тросточкой-зонтиком в одной и с книгой в другой руке, конечно же иностранной, с синим обрезом...

Увидев его, старушка отпрянула назад, захлопнула дверь кабины, и пальцы ее стали прыгать по доске с кнопками разных этажей... Что с ней?

Ах, опять приборчик? Боря мгновенно повернул ся боком.

– Простите... Я нечаянно... – Он густо покраснел и – этого он раньше не делал никогда – открыл перед ней металлическую дверь лифта.

Александра Александровна вышла из кабины, окинула его быстрым взглядом и низким голосом спросила:

– А что это, Борис, капает из тебя?

– Из меня? Ничего! – Голос Бори слегка осип.

– А из кого же? Посмотри – Она показала глазами на пол.

Боря смутился:

– Ой, и правда! Это мороженое!

– Сколько проглотил? Десять порций или двадцать пять?

Боря прямо поразился: не один Гена волшебник в их доме!

– А вы откуда знаете? – Он вдруг испугался. – Ходили за мной? Видели?

– Не видела, а слышу... По голосу!

Боря встревожился: ну и слух у нее! Еще подслушает, что он думает о ней! И он изо всех сил старался как можно лучше думать о ней в эту минуту.

– А тряпку бы надо принести... Смотри, что с полом стало.

Боря молчал.

Старушка вздохнула:

– Не повезло тебе, Борис... Бедный, разнесчастный мальчик!

Боря угрюмо нахохлился:

– Почему?

– Потому, что я рядом живу... Злей ведь старухи на свете не бывает... Правда?

Боря не крикнул «правда», хотя это было сущей правдой. Он нажал кнопку и поехал на свой этаж. Она ошибалась, никакой он теперь не бедный и не разнесчастный. Утром был таким, а сейчас – нет! Сейчас он самый счастливый! У него лодка, и приборчик, и мороженое, – никогда так не везло!

Вот будет рад Костик – когда еще ел столько! И Наташке, пожалуй, можно дать. Чтоб отстала и не преследовала его по пятам... Жалко, что ли?

Наверно, мама не пришла еще с работы, и хорошо: не будет ворчать, что во всем надо знать меру. От двух десятков съеденных порций у Бори побаливало горло, но это пустяк, пройдет.

Боря неслышно открыл дверь – брата, к счастью, в их комнате не было, – спрятал под кровать коробку и только тогда побежал на кухню и закричал:

– Кость, питайся! – и перед изумленными глазами брата начал вываливать на стол из глубоких карманов куртки крепкие, мягкие и совсем жидкие эскимо, трубки, стаканчики и

пачки мороженого.

– Ого сколько! Кто дал? – Костик взял шоколадную трубку и стал разворачивать, а Боря все время старательно следил, чтобы Хитрый глаз смотрел в сторону от него.

– Люди дали... Да ты ешь, ешь... Надо все съесть до мамы, а то не позволит...

– И ты помогай мне... А то растает... Может, ребят со двора позвать? Давай позовем? Всем хватит!..

– Если сами не съедим – тогда, – сказал Боря и подумал: «Не хватало еще... Расскажут всем, и тогда объясняй маме с отцом, откуда взял... И Наташке лучше не давать: тоже может проболтаться...»

Полчаса они жевали, глотали и лизали мороженое – сливочное, молочное, фруктовое, шоколадное, – хрустели вафельными стаканчиками пломбира, обсасывали палочки эскимо. Костик был в восторге. Он и не думал отказываться и убегать. Не то что во время военных игр. Он участвовал почти во всех наземных сражениях и морских баталиях в ванне, и Боря даже иногда присваивал ему звание контр-адмирала и всегда выигрывал. Но однажды смышленность брата сильно огорчила Борю. Костик провел хитроумную операцию и стал одерживать верх, и тогда во избежание полного военного поражения пришлось срочно разжаловать Костика в рядовые и отпустить щелчок в лоб – ведь на четыре года моложе его. Даже в самых яростных сражениях не должен забывать он этого! Костик, разумеется, заревел на весь дом

и никогда больше не играл с ним, а убегал...

– Только чтоб маме ни слова, – предупредил его Боря, когда было покончено с последним мороженым.

– Понятно, – хитро улыбнулся брат, так хитро, что Боря на миг подумал: а может, рассказать ему про подводную лодку и приборчик?

– «Понятно»!.. А у кого подбородок и нос в шоколаде? – И Боря стал носовым платком вытирать лицо брата, потом подобрал мокрые обертки и палочки.

Нет, ни в коем случае нельзя рассказывать Костику о приборчике! И лодку испытывать при нем нельзя... Еще ляпнет кому-нибудь по доверчивости. Он вроде и смысленый мальчишка, вон как глаза светятся умом, да такие они чистые, прозрачные, все в них видно – и когда говорит правду, и когда при вирает...

– Ну иди, иди погуляй, – сказал Боря. Сытый и довольный, Костик убежал во двор, а Боря тут же нырнул под свою кровать и коснулся рукой синей коробки.

ДЕНЬГИ НА ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ

Но в это время хлопнула наружная дверь – пришла мама, сняла у двери плащ и, что-то напевая, понесла па кухню – в холодильник – покупки. Боря еще глубже задвинул коробку, выглянул из комнатки и пошел за мамой.

Вдруг он услышал звон – у мамы что-то выпало из рук. Боря побежал на кухню: на полу валялась разбитая банка со сметаной, а мама стояла у газовой плиты – глаза закрыты, лицо посерело, волосы вздыбились – и держалась за сердце.

Борю поразил ее вид. Он испугался:

– Что с тобой?

– Сама не знаю, сынок, – сказала она, задыхаясь, – но мне.., мне не по себе... Я.., я очень боюсь... С тобой ничего не случилось? Ничего? – Ее глаза пристально и жалобно смотрели на него.

– Мама, все в порядке.

– А с Костиком? Где Костик? Скажи, где Костик!

– Ну что ты, мама... Он во дворе... Позвать?

– А папа? Как там папа?

Боря стал к ней боком, и мама слегка успокоилась.

«Раззява! Тупица! Бестолочь! Так ты следишь за приборчиком? – выругал себя Боря. – Ты должен всегда помнить,

что он у тебя, что мама – это не Глеб и не Андрей!»

С тяжелым сердцем смотрел Боря, как мама выбирает из густой лужи сметаны острые осколки.

И тут в дверях звякнул ключ. Обычно Боря с Костиком, услышав это звяканье, с шумом вылетали навстречу отцу, смеялись, прыгали, висли на его руках, и, случалось, отец доставал что-нибудь из карма-па: новую книжку, блестящий значок с космонавтом или шоколадки в ярких обертках. Шоколадок он обычно покупал не меньше трех и первую всегда давал Костику: «Жуй, малыш номер один!», вторую протягивал Боре и называл его малышом номер два, а третья... Третья предназначалась для мамы – она тоже числилась у него малышом под третьим номером...

Но сейчас Боре ничего не было нужно, ничего! Впрочем...

Он бросился к отцу и выпалил:

– Пап, дай мне деньги на подзорную трубу, ты ведь обещал...

Отец так посмотрел на Борю, что он съежился.

– Я только что встретил тетю Феню, она мне сказала...

«Накапала! – мелькнуло у Бори. – То Александра Александровна, то она...» Он так огорчился, что забыл обо всем, и повернулся к отцу грудью.

– А ты верь ей, верь!

И тотчас с отцом что-то произошло: лицо смягчилось, лоб разгладился и глаза стали испуганно-подвижными. Он бес-

покойно оглянулся и встал спиной к стене.

– Что с тобой? – спросила мама, вышедшая с мусорным ведром из кухни.

Отец ничего не ответил. Он еще плотней прижался к стенке коридорчика, точно хотел втиснуться, войти в нее, стать незаметным.

– Что-нибудь случилось?

– С-с-случилось, – прошептал отец.

– Но что же? Что? Что с тобой случилось?

– Я.., я сам не пойму...

Отец был большой, сильный, говорил всегда спокойным ровным басом, но сейчас его голос звучал тихо и жалобно.

«Опять! Опять я...» Боря бросился к себе в комнатку, упал на кровать и зарылся головой в подушку – так ему было плохо.

Вошла мама и негромко сказала:

– Ну что ты, Боря... Не переживай так... Вот возьми, папа дал...

– Не надо, не хочу! – сдавленным голосом прошептал Боря.

– Ну возьми и не расстраивайся...

Боря оторвал от подушки голову, с минуту колебался, затем взял из рук мамы три синеньких бумажки.

– Большое спасибо... – И потом спросил:

– А папа сам дал?

– А как же не сам... Я попросила для тебя, он и дал... Как

же могло быть иначе?

Боре стало очень грустно: ведь мама ничего не понимала...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Боря не знал, как ему быть. Хорошо, что он нашел этот чудо-приборчик или не очень? Он получил таки наконец подводную лодку и деньги, и досыта наелся мороженого, и класс теперь, наверно, опомнится, оценит его, подobreет к нему, но сколько волнений, сколько страхов натерпелся он!

Боря ждал, когда уснет брат, и как только Костик тихонько засопел, достал из кармана коробочку с системой кнопок и циферблатиком, босиком пробрался в ванную и стал изучать их. Как бы приборчик на время выключить? Нажать этот рычажок внизу? А может, он предназначен для другого? И почему утоплена только одна кнопка? И что означает цифра «1» на ней?

Нажать на какую-нибудь другую кнопку Боря боялся: приборчик мог испортиться, перегореть.

Нет, ничего трогать в приборчике нельзя!

Теперь Боря ждал, когда уснут родители. Он готовился к важнейшему эксперименту – испытанию подводной лодки. Он должен пройти совершенно секретно. Мама всегда ложится рано – устает за день, – а вот отец иногда долго сидит: читает или разбирает какие-то чертежи, и тогда темный коридор пересекает узенькая полоска света из-под двери.

Боре пришлось лечь, погасить свет и притвориться, что он спит.

Но он не спал. Ни в одном глазу его не было сна!

Время от времени он вскакивал с постели, босиком выглядывал в коридор и смотрел, не погасла ли желтая полоска на полу.

Наконец она исчезла.

Боря подождал, пока отец уснет, достал из-под кровати коробку и прокрался в ванную. Там он вынул лодку, погладил ее, тронул трехлопастный, красиво изогнутый винт и низкую – чтоб не мешала ходу под водой – рубку с плотно закрытым люком. Он-то, наверно, и распахивается по приказу извне, и из него вырывается ракета.

Но как отдавать ей приказы?

Боря попробовал открыть люк, просунул в тонкую щель ноготь, посопел, но открыть не смог. Он обнаружил еще люки – в носу и в корме, и они тоже не открывались. А ведь где-то внутри, в одном из них, находился крошечный пульт управления, такой же примерно, как и в лайнере. Но где? Где?

Боря поднес лодку к уху и долго слушал. Ни звука. Тишина. Точно и не было там живого экипажа: ловких мотористов, ракетчиков, штурманов и самого командира... А они там были, были! И только по каким-то своим сугубо секретным соображениям не подавали признаков жизни, притаились, наглухо замкнулись в герметической оболочке лодки, чтоб, когда надо, ожить и привести в действие все свои сложнейшие механизмы и системы...

Но как приказать экипажу? Это один Гена знает.

Ведь не пойдешь к Цыпленку и его брату со слезной просьбой: «Объясните, пожалуйста, как работает лодка, которую у вас так ловко выманил Попугай, а у него – я...» Так и будет лежать она у него без дела, как лежала у Глеба...

Нет, не будет! Уж он что-нибудь придумает.

Боря бесшумно набрал в ванну воды и опустил лодку – может, как замороженная рыба из магазина, она оживет в воде и заплывает?

Ничего подобного. Погрузившись на две трети, лодка и винтом не шелохнула. Но стояла строго вертикально. Боря протянул руку и не смог оторвать лодку от воды – такая она вдруг стала тяжелая. Внутри нее что-то щелкнуло, и лодка заработала винтом, двинулась вперед, свернула, обогнула всю ванну и замерла на прежнем месте.

Боря слегка ошалел. Он боялся коснуться ее. Минут десять он ждал, что будет дальше.

Лодка и не дрогнула. Тогда он прокрался вдоль стенки к тому концу ванны, где был кран, за цепочку вытянул пробку из сточной дыры, и вода начала быстро убывать. Лодка оседала все ниже, коснулась килем эмалированного дна и стала заваливаться на левый борт. И наконец совсем легла.

Боря потер кулаком лоб, осторожно приподнял лодку, и она, лишенная воды, опять не выказывала никаких признаков жизни. Не дыша от волнения, Боря спрятал лодку в коробку, осторожно прошел в комнатку и задвинул коробку

под свою кровать. В дальний угол...

Утром Боря шел в школу, и приборчик лежал в кармане его непромокаемой куртки с десятком «молний». Шедшие перед ним люди отскакивали вбок, переходили на другую сторону Весенней улицы. Вдруг Боря увидел впереди Вову с Геной и вздрогнул. И пошел медленней. Гена был широкий, в больших квадратных очках и коротко подстрижен. Вот он, главный волшебник их дома, изобретатель и мастер! Ох небось и злится на него! Сильней, чем в прошлом году на Глеба, – ведь лайнер, если говорить честно, не совсем добровольно перешел в Борины руки...

Боря стал прислушиваться к разговору братьев.

– Ну не надо, – говорил Гена, – я ведь не хотел... Не хотел, понимаешь?

– Чего это он не хотел?» – мелькнуло у Бори.

– Я и не думал, что ты такой обидчивый, – продолжал Гена. – Ну давай мириться. – Он потормошил Цыпленка за плечо. – Слышишь?

Только теперь увидел Боря, что Вова шел свесив голову и, возможно даже, похныкивал. Ага, все ясно:

Гена всыпал ему хорошенько за вчерашнюю дурость, а теперь извиняется.

Ну точно! Стал бы иначе Гена говорить ему:

– Нельзя же, чтоб любой обводил тебя вокруг пальца...
Ведь правда?

– Правда. – Вова приподнял голову. – А может, он и при-

ведет еще собачку... Сегодня обещал.

– Жди! Он наглец, твой Борька! – сказал Гена.

Обида захлестнула Борю:

– Не правда, я не наглец! И.., и...

– Что «и»? – спросил Гена, быстро повернувшись к нему.

– И я давно мечтал об этой лодке! Во сне видел целый год! – И Борю понесло, понесло, и он сам уже не понимал, что и зачем кричит.

И тут он увидел, что Гена с Цыпленком отскочили в стороны и пригнули головы, точно Боря собирался бросить в них камень. И с ошалелыми лицами, с виновато-бледными улыбками крутили они головами и не могли сойти с места, будто вросли в асфальт.

Приборчик помог! Хитрый глаз выручил!

Обогнав ошеломленных Цыпиных, Боря зашагал к школе.

И тут же понял, что сглупил. Опростоволосился. Надо было наоборот как-то подкатиться к братьям Цыпиным, а он что сделал? Дуралей! Заржавеет его чудо-лодка от полного бездействия, и ее уже не починишь...

Вот и школа. У двери в это время всегда толпится народ. Но сейчас словно рукой всех смахнуло. Боря вошел в сразу опустевший вестибюль и двинулся по опустевшей лестнице вверх.

Вошел в класс. И сразу увидел Андрея.

– Эй, ты! – сказал Андрей и пошел на него. – Ты еще ответишь за лайнер...

Боря побледнел и повернулся к нему вместе с приборчиком, лежавшим теперь в нагрудном кармане ковбойки под ученической курткой. Андрей прикусил язык, стал медленно приглаживать вставшие торчком волосы, а они не хотели ложиться и снова вставали, точно были провололочные; когда же Боря отвернулся от него, они опустились и – волосок к волоску – заняли свои места.

«А почему он вспомнил только лайнер? – подумал вдруг Боря. – Про лодку забыл? Я ведь сказал ему вчера, что выменял ее... А про мои угрозы тоже забыл? Почему не накинулся на меня сразу с кулаками? Странно. Очень странно! Или приборчик так действует, что никто потом ничего не помнит?»

Скоро в класс вошел Вова. Кинув на Борю беглый взгляд, он тихонько сел за свою парту. Он был сейчас самым нужным Боре человеком, но как к нему подступиться?

На переменке ребята высыпали из класса. И Боря вышел. Повернулся в одну сторону коридора – она сразу опустела, подвернулся в другую сторону – и оттуда все убежали.

Так теперь все и будут от него бегать?

Потом Боря пошел домой. Шел один. И раньше, после случая с лодкой, когда только он не захотел ссориться с Глебом, не всегда удавалось ему по дороге из школы к кому-нибудь примкнуть, а если и удавалось, ребята старались избавиться от него или шли молча. И это еще сильнее обижало Борю. Одна Наташка после уроков топталась возле него в

раздевалке – очень хотела пойти с ним. Да он убежал от нее. Так же, как мальчишки от него. Но сегодня было еще хуже – все прямо шарахались от Бори, точно он псих или прокаженный, и на десять шагов не подпускали...

И он пошел один.

Вдруг впереди он увидел ярко-красное Наташкино пальто. И так встрепенулся, так обрадовался.

– Наташа, – крикнул он, – подожди! Дело одно есть!

Наташка обернулась, косички ее с белыми бантиками встали, как две палки, над головой, она странно дернулась, подпрыгнула и пустилась от него со всех ног. Боря чертыхнулся, опустил голову и ни к кому не пытался больше пристать.

Что ж это получается? У него есть чудо-приборчик, а ему так грустно. Так одиноко. И деньги, полученные от отца, не радуют, и лодка не плавает, и даже Наташка убегает...

Боря прислонился плечом к забору, не таясь быстро достал из кармана приборчик и в который уже раз посмотрел на утопленную белую кнопку с черной цифрой «1». Что ж теперь делать? Другую надо нажать. Но какую?

Рядом с утопленной кнопкой белела кнопка с цифрой «2».

Боря поежился, нахмурился, закрыл глаза и, замирая от страха, нажал эту кнопку.

ЧТО ЭТО ЗА КНОПКА?

И услышал легкий щелчок. Что теперь его ждет?

С приборчиком ничего не сделалось, но Боря держал его с опаской. И очень боялся заглянуть в Хитрый глаз. Потом спрятал приборчик в карман и зашагал к дому.

Навстречу, смеясь, шли старшеклассницы и на всю улицу обсуждали кого-то. Боря незаметно повернул к ним карман. И вот диво – они не шарахнулись в сторону, что сделали бы пять минут назад, но сразу прервали смех и даже разговор. И стали застегиваться на все пуговицы, а руки, как по команде, нырнули в карманы плащей и принялись лихорадочно шарить в них. И с лиц исчезли улыбки, и глаза превратились в щелочки – ну совсем как у Глеба!

Что с ними?

Боря прибавил шаг. Открыв дверь своей квартиры, он, даже не скинув куртку, стал набирать на диске телефона Наташкин номер. Надо успокоить ее, чтоб не боялась.

Боря набрал ее номер и затаил дыхание, услышав длинные гудки. И приготовился говорить. Внезапно в трубке появился голос Наташкиной мамы.

Этого Боря не ждал. И все же трубку не бросил.

– Будьте любезны Наташу, – попросил он, стараясь говорить басом, чтоб ее мама не узнала его: наверно, жаловалась, когда он стукнул ее.

– Сейчас, Боря, – сказала Наташкина мама.

А ведь как изменил голос – собственная мать не узнала бы!

И не успел он как следует огорчиться, как в трубке радостно зазвенел комариный голосок:

– Здравствуй, Борь, хоть и виделись уже... Что это ты стал какой-то другой? Ходишь словно проглотил аршин и отворачиваешься от всех. Нарочно?

Вот любопытная! И, не видя ее, можно догадаться, что у нее длинейший нос! Но Боря был доволен: она ничего не помнит, значит, и вправду действие приборчика довольно быстро проходит, не оставляя следа, и ему нечего бояться мести, и она, конечно, поможет ему убедить Вову.

– Нарочно отворачиваешься? – все допытывалась Наташка.

– Нарочно, – сказал Боря – Слушай, ты не можешь выйти на минутку? Ты, кажется, хотела мне какую-то книжку принести...

– Ну конечно! – воскликнула Наташка. – «Маугли»... В школе на нее очередь! Не оторвешься! А когда? Хочешь, сейчас? Через три минуты!

– Хочу, – сказал Боря и опустил трубку. И не через три, через одну минуту услышал, как распахнулась по ту сторону лестничной площадки дверь.

Но Боря сдерживал себя и ждал. Он слышал, как Наташка, что-то напевая, ходит по площадке – от двери к двери;

раз двадцать, наверно, прошла, потом остановилась под их дверью и замерла. И стало так тихо, что Боре показалось, что он слышит, как стучит ее сердце.

Пожалуй, можно было и выходить.

Он потопал ногами, полязгал замком и услышал, как Наташка отпрянула от двери.

Боря вышел. Плечом прислонившись к стене, Наташка в безучастной позе стояла возле лифта. Она была в коротенькой черной юбке и серой кофточке с отложным воротником – собралась куда-нибудь? – и держала в руках книгу. Глаза ее смотрели на него настороженно, исподлобья, но все равно восторженно. Боря все медлил, все не решался направить на нее Хитрый глаз, хотя знал уже, что ничего страшного с Наташкой не будет. Карман куртки смотрел в сторону. Но с чего, с чего начать?..

Все равно с чего, только б не молчать.

– Ты куда так разоделась? – брякнул Боря.

– Как – куда? – Наташка немножко растерялась, почесала книжкой подбородок и печально посмотрела на него из-под челочки, которая, честно говоря, очень ей шла. – Никуда.

Боря старался не смотреть в ее русалочьи глаза.

– Я тебе книгу принесла.

– Вижу... Не ахинея какая-нибудь?

– Что ты! Она...

– Про что? – оборвал ее Боря.

– Это про то... – начала рассказывать Наташка, но тут из

их двери высунулось такое же, как и у нее, длинноносое, зеленоглазое, только старое лицо ее мамы, тети Лены, и она пригласила их домой. Боря сразу насунился:

– Да нет, не могу... Я спешу: подзорную трубу пойду покупать...

– Ого! – удивилась Наташка. – Говорят, у тебя теперь тот лайнер, который вчера...

– Да нет его у меня! – ответил Боря и подумал: неужели Андрей не сказал ребятам, что он уже обменял лайнер? – У меня теперь лодка, подводная лодка... Была у Попугая, стала у меня! Разве сравнишь ее с лайнером! Я их здорово проучил...

– Борь, – сказала вдруг Наташка и как-то чудно улыбнулась. – Ты раньше никогда так не хвастал, ты стал совсем другой! Не от Глеба ли нахватался? Тебя не узнать...

Боря на миг онемел.

– Какой же я стал?

– Ты был раньше добрый, звал всех к себе поиграть, говорил, как строить модели, и помогал, а теперь задаешься и грозишь...

– Ничего я не задаюсь! – крикнул Боря.

– Задаешься.

– И никому я не грожу!

– Грозишь... Ты не сердись, Боря, не для этого говорю...

– Наташка с грустной улыбкой посмотрела на него. – Лодка ведь не твоя. Не твоя, правда? И ты.., ты должен...

– Ничего я не должен! – вспыхнул Боря. – Моя она теперь – и все, никому не отдам ее! – Подумать только, она опять суется в его личные дела. Она хочет, чтоб Боря остался прежним, чтоб Андрей презрительно стрелял в него глазами-пулями, чтоб из него можно было вить веревки, чтоб...

– Не обижайся, Борь... – продолжала Наташка, но он больше не мог ее слушать.

– Давай книгу! – Он повернулся к ней левым карманом. Лицо Наташки сразу как-то осунулось, глаза уменьшились, лоб сморщился, пальцы, с силой прижимавшие к груди книгу, побелели, а вторая рука нырнула в карман кофточки и стала что-то искать там, выворачивать его.

– Дам... Я, конечно, дам... Для того и принесла... Но ее так трудно было достать... Папа купил совсем случайно, – затынула вдруг Наташка нудным, постным голосом, – и, пожалуйста, ничем не залей ее, не закапай и получше мой перед чтением руки, и еще...

– Значит, не дашь почитать? – Боря с тоской смотрел на нее.

– Почему не дам? Дам...

Но Боря видел, как не хочется Наташке давать ему «Маугли» – книгу, на обложке которой рядом с каким-то большим хищным зверем – не то львицей, не то леопардом – бежал голый мальчишка, видел, как подрагивают от скупости ее тонкие пальцы, а глаза уже не вспыхивают прежним восторгом... Где там!

Это сильно задело Борю.

– Не нужна мне твоя книга! – сказал он. – Как-нибудь без нее обойдусь... Всего! – Он резко повернулся и побежал по лестнице вниз, и тотчас вслед за ним полетел полный мольбы голос:

– Борь, Боречка, ну возьми... Тебе же принесла!

– Можешь подавиться ею! – Боря побежал дальше, но где-то уже на уровне пятого этажа пожалел: напрасно обидел ее, она ведь не виновата, что так вела себя, а виноват он и его приборчик...

И что за странная кнопка! «А на меня она подействует?» – подумал вдруг Боря.

Он остановился у окна между третьим и четвертым этажом. Вокруг – никого, все ездят на лифте. Он отвел в сторону «молнию» на кармане куртки и вытащил приборчик. И долго не решался заглянуть в Хитрый глаз. Никто ведь не мог выдержать его взгляда – Хитрый глаз не знал жалости и действовал мгновенно.

И подумать только – вроде обычная пластмассовая коробочка с двумя рядами кнопок и циферблатиком, а какая нечеловеческая силища в ней!

Боря повертел ее в руках, погладил и на мгновение глянул в Хитрый глаз – живой, глубокий, коварный, прямо-таки втягивающий в себя. И не ощутил никаких перемен, будто и не смотрел. Он только почувствовал смутное беспокойство: на месте ли коробочка с лодкой, спрятанная под кровать?

Не утащил ли ее Костик? А деньги, что дал отец, он не потерял их? Боря поставил приборчик на подоконник, сунул руку в карман и стал пересчитывать бумажки... На месте. А мелочь? Боря лихорадочно пересчитал ее – ни копейки не потерял.

Что это он вдруг вспомнил про деньги?

Боря подольше задержал взгляд на Хитром глазе, и опять ничего не случилось. Только руки без его согласия снова бросились в карманы пересчитывать деньги. А что их пересчитывать – все на месте! Но Боря ничего не мог поделать с собой и опять принялся пересчитывать... До чего же неприятная кнопка!

Хватит! Боря схватил приборчик с подоконника, сунул в карман и побежал вниз, не зная, нажать ли другую кнопку или пока что подождать...

ОЛАДЬИ

Боря вышел на Черемуховый проспект и внезапно увидел Вову – Вову Цыпленка, от которого теперь все зависело. Ведь что получалось: лодка уже вроде его, Бори, и в то же время она не слушалась его, не подчинялась ему и, значит, была не совсем его...

Вот, наверно, почему, когда Боря увидел Вову, в горле у него застрял ком и стало трудно дышать. Цыпленок шел с лопоухим рыжим щенком на ремешке, что-то говорил ему, и они громко смеялись – в основном, конечно, смеялся Вова, а щенок только радостно подлаивал ему.

– Проголодался? – спрашивал Вова. – Потерпи, малыш, сейчас вернемся домой, и я устрою тебе пир горой и дам еще свежей колбасы из холодильника... Только не выдавай меня... Хорошо?

«Веселится, – подумал со вздохом Боря, – лишился таких вещей, и еще веселится!...» И, зная, что эта кнопка не в силах ему помочь, Боря все же, прячась за спины прохожих, пошел за Цыпленком.

И сразу Вова стал тише, и руки его тотчас скользнули в карманы. Да и щенок уже не припрыгивал так резво, и его торчащий вверх хвостик чуть опустился и вел себя не так легкомысленно. И смеяться они перестали.

– Вов! – окликнул его Боря – Подожди...

Цыпленок вдруг резко обернулся, и Боря не узнал его: доброе, большеглазое лицо сморщилось, а глаза стали не шире отверстия для монеты в телефоне-автомате.

– Чего тебе? – глухо спросил он.

– Вов... Ну не сердись... Глупо вышло... – начал Боря – Будь другом, попроси у Геннадия бумажку... Чтоб написал, как пускать лодку...

– Не попрошу и не дам! – крикнул Вова. – Ничего не дам! Ничего! Ничего!..

– Вов! – взмолился Боря. – Что хочешь Возьми взамен! Еще одного щенка получишь...

– А первого ты дал? Дал? Скажи? – У Цыпленка совсем пропали на лице глаза – лишь две тоненькие черточки, – и одна рука его все наматывала на себя крученный поводок, чтоб крепче держать собачонку, а вторая непрерывно обыскивала все карманы, будто из них что-то пропало, а рука не верила этому.

И Вова ушел от него, утягивая щенка. Боря тоже поплелся домой.

Мама жарила на сковородке оладьи. Боря подошел к столу с горкой оладий на тарелке и протянул руку.

– Боря, не смей! – Глаза у мамы сузились, пальцы скользнули вниз по платью, что-то ища в том месте, где обычно бывают карманы.

Никаких карманов на платье не было, но рука ее упорно продолжала искать их.

– Но я.., я умираю с голоду!

Мама посмотрела на него через плечо:

– По тебе этого не скажешь...

– Мам, правда... Я очень хочу есть!

– Подожди. Сейчас придет папа.

– Но они стынут! Я хочу свеженьких!

– А больше ты ничего не хочешь?

У Бори приоткрылся рот. Он перестал дышать, горло что-то сдавило.

Это мог сказать любой – любой, но не мама! Она понимала его, и куда больше, чем отец или Костик, не говоря уже о мальчишках; ей было интересно все, что он говорит, что он делает и думает. И деньги-то чаще давала она – она, а не отец! – на все его танки и торпедные катера... И когда он болел, брала больничный лист и не отходила от его постели; касалась своей прохладной шершавой ладонью его лба и словно вбирала весь жар, и голова не так болела, и он скорее выздоравливал. Случалось даже, когда в самый разгар «войны» Костик удирал от него во двор, мама принимала на себя командование бронетанковыми или морскими силами противника и так азартно играла, ползая по полу или сидя на краю ванны, мокрая от брызг, с растрепанными волосами – на дне валялись шпильки, – что Боря забывал, что она старше его. Не мама, а малыш номер три! Но несмотря на это и на ее боевой азарт, Борины соединения всегда одерживали верх, и мама не расстраивалась, как Костик, и он после сра-

жений чувствовал себя настоящим полководцем.

И вдруг мама сказала такое...

Горка поджаристых оладий на тарелке росла, из большой банки на столе тянуло душистым клубничным вареньем, и Боря едва успевал глотать слюнки.

Он стоял посреди кухни и не знал, что делать. Надуться? Заплакать? Уйти?

Внезапно появился отец. Боря был так раздосадован и обижен, что не услышал, как звякнул в двери ключ. Отец пристально посмотрел на Боря, лицо его потемнело, на лбу и на щеках обозначились морщинки, а глаза его все уменьшались, словно тонули, прикрываясь веками. А руки медленно, как черепахи, поползли к карманам.

– Подойди сюда, – сухо сказал отец, и Боря понял, что кто-то опять пожаловался на пего.

Боря не смог стронуться с места. Ему вдруг стало не по себе.

– Ты, я вижу, совсем не знаешь, как достаются деньги... Ловко ты вчера подкатился ко мне!..

– Я.., я не подкатывался. – Боря поперхнулся и отступил от отца.

– А кто у меня деньги выклянчил?

И не успел Боря пикнуть, как отец сгреб его и поставил перед собой. Руки нырнули в его карманы – вначале в брюки, потом в куртку, – и в них очутился Борин кошелек.

Боря застыл. Отцовские пальцы быстро извлекли стара-

тельно сложенные драгоценные бумажки, подделка которых, как о том написано на них крошечными буквами, преследуется по закону, и спрятали деньги в бумажник.

Лицо Бори напряглось, сморщилось, покраснело – вот-вот брызнут слезы.

Он вырвался из отцовских рук, бросился в ванную и заперся на щеколду. И крепился. Изо всех сил крепился, чтоб не зареветь. Нечаянно он наткнулся локтем на что-то твердое на груди: приборчик...

Так вот что виной всему!

Боря тут же вытащил его из кармана и наугад с силой нажал белую кнопку с черной цифрой «6».

ШАГИ В ВОЗДУХЕ

И спрятал приборчик в карман ковбойки, застегнул клапан на пуговку и глянул в зеркало над полочкой. На него смотрело грустное, несчастное лицо.

Боря глубоко вздохнул и..., и побежал в комнатку, где Костик рисовал цветными карандашами. Другого выхода не было: лишь на секунду, на миг посмотрит на Костика Хитрый глаз...

Однако мама помешала Боре.

– Мальчики, ужинать! – позвала она.

Боря переложил приборчик в задний карман брюк: в этом положении он совершенно безопасен, даже нечаянно не заденет он теперь маму с отцом...

Ужин прошел легко и весело, точно и не случилось ничего. Глаза отца уже не прятались под веки, а смотрели открыто и добро, а мама только и успевала подкладывать на их тарелки горячие еще, похрустывающие, пропитанные маслом оладьи. Боря взял уже, наверно, десятую оладью и, макая в пахучее варенье, с превеликим удовольствием съел ее. Время от времени он искоса поглядывал то на маму, то на отца – особенно на отца: как мог он отобрать им же данные деньги! Попросить бы их обратно, но язык не поворачивался: ведь отец-то, собственно говоря, и дал ему эти деньги нехотя, под воздействием приборчика, и отобрал их по приказу Хитрого

глаза... Кто же виноват?

Ел Боря быстро, торопливо. Он даже в варенье макал не очень старательно. Скорей, скорей узнать, что это за цифра «6»! Наконец он оторвался от оладий и встал. Между тем Костик и не думал вставать. Его губы были вымазаны вареньем, и он весело заглатывал очередную оладью, точно пеликан лягушку, только с еще большим аппетитом. Боря даже немножко рассердился: сколько же можно?

– Смотри, лопнешь.

– А тебе жалко? – спросил отец.

– Вот еще! – Боря примолк.

Когда мама с отцом вышли, Боря сказал:

– Кончай! Слышишь?

– Я сейчас.

И Боря еще минут пятнадцать глотал слюну, глядя, как этот хитрец в отсутствие мамы загребает прямо из вазочки ложку за ложкой варенье и толстым слоем размазывает на оладьях. И когда все терпение вышло, Боря схватил брата за руку и повел из кухни в их комнатку. Костик со смехом стал вырываться, и в коридоре Боря отпустил его. Брат очутился против кармана с Хитрым глазом.

– Борь, а Борь! – крикнул Костик и подпрыгнул, и у Бори от испуга екнуло сердце и отдалось где-то в лопатке: брат взлетел чуть не на метр. Боря спросил в смятении:

– Что, что, Костик?

И увидел сияющее курносое лицо и большие серые глаза,

из которых так и брызгало веселье.

– Идем посмотрим, что я нарисовал! Ну идем же, идем же! – Костик схватил его за руку и силой потащил в комнату.

И это было так странно. Значит, этой кнопки нечего бояться!

– Ну идем же! Идем же! – Костик втащил его в комнату, все время высоко подпрыгивая, и раза два даже Боря взлетел с ним в воздух.

Чему он так радуется?

– Смотри! – Костик протянул ему раскрытый альбом, на страницах которого цветными карандашами были нарисованы какие-то круглоголовые фигурки с гибкими прутиками вместо хохолков на голове.

– Что это? – спросил Боря – Головастики какие-то! А что это у них за прутики?

– Ничего не понимаешь! – Костик забегал вокруг Бори – нет, не забегал, он, точнее сказать, стал летать вокруг него в воздухе, слегка перебирая ногами.

– А что ж это?

– Это жители Венеры, а на голове у них не прустья, а антенны для радиосвязи. Они могут переговариваться с другими планетами!.. – Крикнув это, Костик опустился рядом с Борей.

– Может, и с пашей планетой? И с тобой лично?

– А то как же! Я часто переговариваюсь с ними, и знаешь,

о чем они все время спрашивают?

– Знаю, – сказал Боря.

Ему почему-то вдруг стали неприятны эти прыжки в воздухе и восторги брата, может, потому, что сам он не мог так прыгать, да и восторгов особых пока что не испытывал. Какие там восторги – сплошные неудачи преследовали его.

– Давай лучше испытаем нашу установку и запустим ракету с ядерной боеголовкой! – предложил он Костику, и тот не отказался, а еще радостней запрыгал, залетал по комнате:

– Давай!

– И знаешь куда?

– Куда? – На него смотрели полные удивления и восторга глаза.

– Хоть на твою Венеру!

– А если там живут люди?

– Чудак! Это ведь игра! – Боря достал из угла серебристую трубу на круглой подставке; труба была жестяная, с сильной пружиной и кнопкой для пуска – Хочешь нажать? Ракета уже внутри и установка на взводе... Давай палец. – И Боря потянул маленький, испачканный синей краской палец брата к кнопке.

Но Костик отдернул руку.

– Не хочу! – Он отпрыгнул от него, взвился в воздух, и Боря сам нажал кнопку.

В потолок ринулась ракета, раздался оглушительный звон, на них дождем посыпались осколки электрической лампоч-

ки, и они вобрали головы в плечи.

– Хорошо! Хорошо! – закричал Костик и так высоко подпрыгнул, что Боря едва не поймал его за туфлю.

– Чего ж здесь хорошего? Лампочку раскокали, и, если у мамы нет запасной, будем сегодня сидеть во тьме... Ты чему радуешься?

– Люди на Венере будут живы!

– Нет там людей, – сказал Боря, – Там такая температура, что все люди погибли бы...

До чего ж Костик еще бывает глуповат! Все у него перемешалось в голове. А какие восторги зато! Не понимает, что, если у старшего брата неважное настроение, нельзя так веселиться и прыгать...

Толку от этой кнопки не было. Ни малейшего! Вот если б у Наташки было такое настроение... Боря даже засмеялся, что ему пришла в голову такая счастливая мысль! Ведь и правда же, если б у нее было такое настроение, сама бы захотела ему помочь... Только намекни, и упрашивать не надо было бы!

Медлить нельзя было ни минуты.

– Костя, – сказал Боря, – ты бы не мог позвать сюда Наташку?

– Пожалуйста! – Костик бросился из комнатки. – Она сейчас играет в мячик у дома...

– Постой, не нужно! – Боря вернул брата и сам побежал к Наташке.

Он вышел из подъезда. Навстречу шли несколько чело-

век с усталыми лицами и о чем-то спорили. Боря повернулся к ним, и в ту же секунду они преобразились: с лиц исчезла усталость, плечи выпрямились, раздался смех. И они уже не шли тяжело и медленно – где там! – они, словно потеряв вес, огромными шагами понеслись вперед, взлетая над тротуаром, перемахивая через лужи; Боря увидел подметки их туфель и металлические подковки у одного...

Ну просто чудо какое-то! Волшебство, и только! Ведь и крыльев-то нет, а как взлетают!

А он еще боялся этой кнопки, и у него прямо тряслись поджилки, когда нажимал ее.

Вон и Наташка с девчонками играет в мячик об стенку, и смешное длинноносое лицо ее серьезное-пресерьезное.

– Эй, Наташк! – крикнул Боря, поточнее наставляя на нее Хитрый глаз. – Тебя можно па минутку?

Наташка, подпрыгнувшая за мячиком, вдруг застыла в воздухе и, повернув к нему голову, засмеялась и звонко крикнула:

– Можно! Конечно, можно! Иду!

И не только она повернулась к нему и засмеялась – девчонки, игравшие с нею, тоже, как по команде, посмотрели на него, засмеялись и высоко запрыгали, замахали руками, точно страшно обрадовались, увидев его. И оглушительно, на всю улицу, закричали, прямо захлебываясь от счастья:

– Боря! Боря пришел! Сам Боря! Верный, преданный рыцарь!

Боря так и присел от страха. Кровь бросилась ему в лицо. Он не знал, что делать, как быть.

А Наташка уже летела к нему, веселая, смеющаяся, едва касаясь носками туфель асфальта. Боря так испугался, что в животе похолодело, и бросился от нее. Он бежал, и ему не хватало дыхания. Он бежал и слышал сзади смех ее подружек. Он догонял его, хлестал по ушам, по щекам, по сердцу...

– Рыцарь! Преданный рыцарь!..

Да как они смеют издеваться над ним?

Через минуту Наташка догнала Борю – она ведь летела по воздуху! – и очутилась впереди, и он увидел перед собой ее лицо.

– Ну что, Боря, что? Я сделаю все, что ты попросишь!

Он оттолкнул ее, кинулся в подъезд, но она уже стояла перед дверью лифта.

– Какой же ты, Боря... Говори!

Он прыгнул в кабину, заперся и поехал на свой шестой этаж и видел через стеклянную дверь, что и она летит по лестничным маршам вверх, обгоняя кабину. И когда лифт остановился и Боря выскочил из него, она стояла у их двери и смотрела на него, и лицо у нее покраснелось и прямо-таки сверкало радостью и дружелюбием... Очень нужны ему ее радость, ее дружелюбие!

– Борь, ну что ты? – улыбнулась Наташка – Скажи, что тебе сделать?

– Уйди! – Боря ринулся в дверь, с грохотом захлопнул ее и тут же, в коридоре, тяжело дыша, вытащил из кармана приборчик и нажал пальцем новую кнопку с цифрой «3».

УШИ, УШИ, УШИ

Несколько минут Боря приходил в себя.

Кто бы мог подумать, что эта невредная, эта, можно сказать, веселая и смешная кнопка так его подведет! Как она полетела за ним! Как птица! А как смеялись девчонки! И вся улица слышала.

Дождется своего! Даром он давал клятву, когда у него еще не было Хитрого глаза? Теперь он есть у пего, но клятва остается в силе: нельзя быть мягкосердечным и бесхарактерным... Иначе и лодка его не будет ходить! И ребята не будут уважать! У пего такой могучий Хитрый глаз, а он ведет себя, как последний хлюпик...

Раз десять прошелся Боря по коридорчику, успокоился и твердо решил отныне и навсегда быть храбрым и ловким.

Боря заглянул в комнатку, где они только что испытывали пусковую установку. Костик сидел на полу и плоскогубцами выпрямлял ось вагончика.

Боря присел на корточки перед братом. Так присел, что Хитрый глаз смотрел на него.

– Ты чего это делаешь?

Лицо Костика оставалось прежним, но... Но что это такое? Что происходит с его ушами?! Они всегда были маленькие, его уши, а сейчас вдруг стали увеличиваться, разрастаться. Вначале вширь и в длину, а потом только в длину...

Ну совсем как у зайца... Нет, как у осла... Точно, как у осла!

– Что я делаю? А ничего! – Костик подмигнул ему, скривил нос и уже не выпрямлял тонкую ось вагончика, а потихоньку сплющивал само колесо.

– Ты что это? Хочешь испортить его?

– Хочу!

– Не смей!

Тогда Костик поднес плоскогубцы к кончику собственно-курносого носа и, кажется, хотел зажать его. Боря испугался и вырвал из его рук плоскогубцы.

– Делать больше нечего?

– А ты сам говорил, что у меня толстый нос.

– Да мало ли что я говорил!.. Прекрати! Или ты спятил?

– Ага, – сказал Костик.

– Что «ага»?

– Спятил! – Костик расхохотался, откинулся на спину, упал на пол и задергал в воздухе ногами, точно ехал на велосипеде и всюю жал на педали.

– Встань, – велел Боря, – выпачкаешь рубашку... И вообще ты мне перестаешь нравиться.

– Ты просто дурак! – Костик показал ему язык. – Ты глупый, преглупый, наипреглупый дурак, – и опять расхохотался и потрянул длинными ушами.

Борю ударило в краску:

– А разве можно быть умным дураком?

– А вот ты и есть умный дурак, ты и еще Вова, и его Гена,

и Наташка – все вы умные дураки...

– А ты знаешь, кто я? – спросил Боря.

– Кто ж этого не знает?

– Ну кто?

– Ты? – Костик мучительно собрал на лбу складки.

– Да, я... Я ведь командир боевой подводной лодки...

Правда?

– Ну конечно!.. Это все знают, что ты командир...

– А лодка моя сверхсекретная, и никому не известно, в какие рейсы она пойдет... Ведь верно?

– Ну конечно!.. Ты скоро будешь генералом всех подводных сил...

Боря встревожился. Раньше Костик не принимал все на веру, не повторял, как попугай. А эти уши! До чего ж нелепые уши! Костик то и дело хмурил свой маленький лобик, точно силился вспомнить что-то очень важное и никак не мог.

Боря отвернулся от брата.

Костик минут пять еще молчал несусветный вздор, потом его речь стала более связной и в ней можно было кое-что понять и уши стали понемножку уменьшаться. А когда мама велела им ложиться спать, он стал почти нормальным, а уши – прежними. Укладываясь, Боря сунул приборчик под подушку, у самого края ее, к стенке, и направил Хитрым глазом вниз.

Боря долго не мог заснуть. Вдруг вспомнил лайнер – за-

чем отдал его Глебу? Ведь валяется у него без деда. «А у меня лодка не валяется?» Потом Боря подумал о Костике: как быстро поддался, до чего изменился! А уши! Ужас просто... А ведь кажется, не должен бы – он ведь смысленый мальчишка. Может, оттого, что не подозреваешь, что перед тобой Хитрый глаз, быстрее поддаешься? А если заранее знаешь обо всем и сам не глуп, поддашься или нет?..

Утром Боря встал пораньше, поел, собрал учебники и тетради и, как вчера, не поехал вниз на лифте; а добежал до площадки между третьим и четвертым этажом и, чувствуя слабый озноб, пристроил на подоконнике приборчик так, что Хитрый глаз смотрел прямо на него. И только он это сделал, как исчез озноб и все заботы и опасения – стало легко и даже как-то смешно. И ничего страшного! Он увидел в оконном стекле свое сосредоточенное лицо и растущие вверх уши. Лицо было такое важное, задумчивое, что Боря состроил ему рожицу. Стекло ответило тем же. Оно издевалось над ним.

– Ну, ты! – крикнул Боря. – Как стукну сейчас – разлетишься! – Он даже руку занес.

Второй Боря – на стекле – тоже занес руку.

Боря ударил, костяшки кулака заныли. Стекло не разлетелось, но рожица в нем скривилась от боли и страха. «Тотто! Будет знать, как издеваться и гримасничать». Потом Бо-

ре захотелось петь и хохотать. Он попытался даже сделать стойку на руках, но мешал портфель под мышкой, и Боря не знал, как от него избавиться.

Потом он слегка стукнул головой стену – не пробьешь! Стукнул покрепче – голова загудела. Он так обиделся, что ударил стену ботинком, сморщился и запрыгал на одной ноге: даже во время игры в футбол, когда его однажды подковал Глеб, не было так больно.

– Я тебе покажу! – во все горло заорал Боря на стену, трахнул по ней кулаком и еще пуще взвыл. Все они – и стена, и стекло, и подоконник – сговорились против пего и хотели отомстить.

А за что ему мстить? Что он сделал им плохого? Ну бежал по бульвару, а за ним гнались; ну увидел в траве под кустами что-то вроде... Да, что это он увидел в траве? Что?..

Боря уставился на подоконник. Ему в глаза глядело что-то черное, очень-очень черное, сверлящее, холодное, и оно все увеличивалось, становилось все более черным... Ой, что это? Борю вдруг зашатало, и он схватился за перила лестницы. Что с ним? Как очутился он здесь и почему боится этого черного, лежащего на подоконнике? Куда он шел? И зачем? Почему у него под мышкой зажат портфель? Он шел и даже спешил, но куда? Куда-то туда, где шумно, где свист, гам, смех и много ребят, и среди них зазнайка Анд... Ах, вон оно что! Тот очень боялся его из-за... Из-за чего? Из-за какого-то Хитрого... Из-за чего-то, что помешалось в его кар...

А что это такое? Боря стал усиленно двигать кожей лба, напрягаться, ухватывая какую-то мысль, но она все ускользала от него... Ага, у него в кармане был, был, был... Кто был? Боря взмахнул рукой, и вдруг пальцы его наткнулись на что-то длинное, холодное, выроставшее из его головы... Уши! Он крикнул, затрясся, вспомнил и рывком схватил с подоконника что-то узкое, гладкое и по привычке стал заталкивать в карман куртки. И совсем обессилел от своих мыслей или оттого, что они так перемешались, перепутались – ничего нельзя понять!

Все-таки поддался... Поддался Хитрому глазу!

Боря прислонился к стене, и потихоньку все в нем приходило в порядок, и странный туман рассеивался, и все становилось более или менее ясно: он шел в «школу с этим приборчиком, в котором была нажата новая кнопка, и...

Как же он с такими ушами выйдет на улицу, пойдет в школу?

Боря стал ощупывать уши – они были чуть не в полметра, раза в три больше, чем у Костика! Боря попробовал пригнуть их и прикрыть фуражкой, но разве спрячешь такие ушищи! Такие безобразно громадные ушищи! Да и больно их пригибать...

Ага, ничего... Все-таки уменьшаются! Уши и в самом деле медленно теряли величину, словно убирались внутрь, и Боря трогал и пробовал их до тех пор, пока уши не стали (примерю) такими, какими были десять минут назад.

Вдруг Боря услышал сверху Наташкин голос:

– Хорошо, мамочка, спасибо! – И вслед за тем загудел лифт: кабина пошла вниз.

«Сейчас я тебя награжу ушами! – подумал Боря. – Такие ушки приделаю тебе – не будешь больше летать в воздухе и гнаться за мной! Стыдить перед всеми! Пусть все увидят, какая ты красивая!» И, подождав кабину, направил на нее Хитрый глаз и побежал следом. Он бежал очень быстро – лишь руки касались перил, а ноги летели над ступенями.

У второго этажа он обогнал кабину, и, когда она спустилась вниз, Боря уже ждал Наташку.

– Здорово! – Он увидел, как возле ее косичек уже заострились и уверенно росли вверх ушки. – Пойдем вместе в школу?

– Пойдем, пойдем! – Наташка хихикнула. – Я очень рада! – Она опять хихикнула, закатила глаза, завертелась на одной ноге и совсем неожиданно хлопнула себя по голове портфелем.

– Почему рада? – Боря помрачнел.

– Ты ловкий, ты энергичный, ты быстрый, ты...

– Храбрый, – вставил вдруг Боря: ему так хотелось всегда быть храбрым.

– Храбрый! – охотно повторила Наташка, и Боре очень приятно было слышать это, и он добавил:

– И ты молодец, что выменял подводную лодку, и Вова с Геней должны помочь тебе...

Она и это повторила, слово в слово!

Почище Костика...

Теперь ему бояться нечего: ребята будут делать все, что он прикажет им, и никто не посмеет поколотить его за лайнер и лодку...

Наташка всю дорогу тараторила, крутилась перед ним то на одной, то на другой ноге, вонзала в воздух свой длиннющий нос, точно хотела протаранить муху, потряхивала ушами. Ее красное пальто металось перед его глазами, и Боре было очень смешно. А потом стало жаль ее: и она это вроде, Наташка, его давняя знакомая – сколько живет он, столько и помнит ее, – и вроде совсем не она... Разве была она когда-нибудь такой глупенькой и с такими ушами?

– Не дурачься! – Боря удержал ее за руку.

Наташка с такой силой снова уколола носом воздух, что едва не упала.

Боря отвел Хитрый глаз в сторону. У школы им повстречался Стасик.

– Эй, куда скачешь? – крикнула Наташка этому коротышке. – Постой! Ты знаешь, как мы теперь дружим с Борей?

– Ты дружить с Борей? – удивился Стасик, и Боря, слегка бледнея, повернулся к нему.

Стасик подскочил, прыгнул через школьный порог и, двинув высоченного десятиклассника головой в живот, метнулся в вестибюль. Даже уши его не успели увеличиться.

– Что это он? – Наташка хихикнула на всю школу, и Боря

отошел от нее. Но она тут же поймала его за полу куртки и со смехом задержала:

– Не пущу, не пущу!..

Боря залился краской:

– Дай раздеться!

Он снял куртку, переложил приборчик в карман ковбойки под пиджаком и, пока Наташка, нелепо подпрыгивая, выдергивала руки из рукавов пальто, побежал на второй этаж.

Да, Наташку ему было жаль. Но других? Они отворачивались от него, презирали, не считали за человека, убегали, чтоб не идти вместе домой, грозили, а он будет жалеть их? Уж эта кнопка должна помочь ему...

МЕСТЬ

В дверях стоял Глеб. Его всегда бодрое, надменно-толстое лицо сейчас было вялым и безнадежно кислым. «Жадина, хитрец, все мои беды из-за тебя!» – подумал Боря и увидел, как под прямым взглядом приборчика узкие глаза Глеба мгновенно расширились – вот-вот выскочат из глазниц! А уши стремительно полезли вверх.

И Боря безжалостно приказал:

– А ну, Попугай, покажи классу, как ты можешь кричать по-попугайски!

Глаза Глеба блеснули готовностью, тонкие губы улынулись, и он резким, птичьим голосом прокричал на весь коридор:

– Ко-ко-ко... Я Попка-дурак, Попка-дурак, Попка...

– Хватит, – прервал его Боря, испуганно озираясь. – Ты не в коридоре, ты в классе покричи.

– Пожалуйста! – Глеб ворвался в класс.

Он бегал по рядам и оглушал всех птичьим воплем. Боря тем временем повернулся к Андрею. Тот зашевелил, задергал бровями, надвигая их на самые глаза, потом принялся сжимать губы, силясь изобразить на лице свирепое мужество, и его уши нехотя, но тоже начали увеличиваться.

– Андрей, ты слышишь меня? – спросил Боря.

– Ну? – Андрей ни на миг не прекращал сжимать губы,

выпячивать нижнюю челюсть, хмуриться, нагонять на лицо отвагу и свирепость, точно ему было очень важно уж если не испугать кого-то, то, во всяком случае, убедить в своей силе и мужестве.

– Выжми стул! – сказал Боря.

– Да это мне плюнуть! – Андрей решительно подошел к стулу, стоявшему у стола, взял его за заднюю ножку и на вытянутой руке легко оторвал от пола.

– Молодец! – сказал Боря. – А ты можешь поднять стул, посадив на него Цыпленка?

– Чтоб все смеялись? – Вова надулся.

– Иди к нему! – сказал Боря.

– Не хочу! Ты отдай мне сначала лайнер...

– Значит, не хочешь, чтоб этот храбрый и мужественный человек...

– Вот именно! – Андрей внушительно стукнул себя кулаком по груди.

– ...поднял тебя со стулом одной рукой и пронес по всему классу?

Вова завертелся на парте и нехотя подошел к Андрею.

И тут Боря опять спохватился: ну зачем прицепился к Цыпленку?

Прозвенел звонок.

В класс вошла Нина Петровна, учительница русского языка, и начался урок. Боря сидел на парте криво, полуобернувшись карманом к окну, чтоб никого больше не задеть Хит-

рым глазом. И так ребята не пришли еще в себя: переговаривались, посмеивались. Но уши у всех почти достигли обычных размеров.

– Что с вами, приятели? – спросила Нина Петровна. – Бас как подменили!

– Нет, – гордо заявил Андрей, – нас никто не мог подменить, – это мы, и мы не отступим и не покоримся ему!

– Кому? – поинтересовалась учительница.

– Тому, кто хочет с нами что-то сделать... Не отступим!

– Я что-то не очень понимаю тебя... Нельзя ли ясней?

«Он еще не совсем в себе, – подумал Боря, – но о чем-то догадывается».

– Нельзя.

Нина Петровна уставилась на ребят.

– А ты, Крутиков, чего скособочился? Боря не сдвинулся с места.

– Почему ты не смотришь в лицо, когда с тобой говорят?

Боря до боли в шее повернул к учительнице голову, а корпус с приборчиком в кармане оставался повернутым к окну.

– Я.., я.., я.., не могу! – вырвалось у него, и Андрей засмеялся; ага, значит, действие Хитрого глаза уже кончилось!

Лишь только учительница отвернулась, Боря соскользнул на пол, вытащил из кармана приборчик, положил в парту Хитрым глазом вверх и снова сел.

В школе было тихо, шли занятия, но вот вверху, над головой, где был седьмой «В», стал нарастать непонятный шум.

Он становился все громче – кто-то резво прокричал петухом, застучал крышкой парты, засвистел, забил ногами в пол, точно отплясывал чечетку. С потолка на Борину парту упал кусочек побелки.

– Да что они там? – спросила Нина Петровна. – Ведь так нельзя вести урок. Учитель заболел?

– Не знаю, – сказал Вова.

– А ну-ка, Цыпин, сбегай проверь.

И Вова исчез за дверью.

Минут через пять он вернулся, очень бледный. Только уши его – обыкновенные маленькие уши – были красные.

– Что там? – спросила Нина Петровна.

– Не знаю, – пробормотал Вова. – Они там все кричат, и пляшут, и бросаются учебниками. Я открыл дверь, и в меня чуть не попали... И уши у них...

– Но учитель? – спросила Нина Петровна. – У них есть в классе учитель?

– Есть, – сказал Вова и замолк, проглотив слюну.

– Что же он смотрит?

– Он... Он тоже пляшет с ними, и у него тоже...

Сердце у Бори екнуло, и он мгновенно положил приборчик Хитрым глазом вниз. Шум над головой пошел на спад, и уже можно было продолжать урок. Но странное дело: чем спокойнее становилось над головой, тем громче давал себя знать шестой «В» – класс, расположенный под ними; оттуда доносился хохот, визг.

Брови Нины Петровны сошлись на переносице.

– А там что творится?

Боря тут же переложил приборчик из парты в карман брюк, и шум внизу стал затихать. Больше всего Боря боялся, что его вызовут к доске: сможет ли он стоять так, чтоб Хитрый глаз ни на кого не смотрел? Да и уроки он не сделал.

Боря не вызвали. Он сидел и думал: как быть дальше? Ну хорошо, он отомстил – ох как отомстил всем за свои страдания! – но ведь через час они обо всем забудут и все останется по-прежнему: неприязнь к нему и.., и его лодка по-прежнему не ходит и не погружается... Какой же ему от всего этого толк?

ПОТРЯСАЮЩАЯ ДОГАДКА

И Боря стал думать, что бы такое ему предпринять.

Никогда еще не думал он так много. И так тяжело. Прямо голова вспухла.

Он сунул руку в карман брюк и вдруг наткнулся на маленького парашютиста, опутанного стропами, – забыл дома спрятать, – и тут его пронзила одна мысль... Как только раньше не догадался! «А что, если... – подумал он, и сердце его часто-часто забилося. Так просто и необыкновенно было бы это... И так потрясающе!

Если, конечно, получится. А для этого надо было забыть про всякую жалость и заняться Глебом. Он колотит маленьких, обманывает всех, боится дать на пять минут велосипед. А его еще жалеть?

Глеб сидел впереди, и Боря весь последний урок держал его под Хитрым глазом. Глеб, к счастью, вел себя прилично: не кричал, не бросался ни на кого с кулаками, а только непрерывно кривил свои узкие язвительные губы и подмаргивал Коле, сидевшему перед ним.

Как только прозвенел звонок с последнего урока, Боря очутился возле него.

– Попугай, – сказал он, – ты должен немедленно вернуть мне мой лайнер.

– Хоть сейчас! – тряхнул ушами Глеб.

– Тогда беги за ним, и чем быстрее, тем лучше... Принеси к нашему дому, к Вовиному подъезду... Ты не забыл, где мы живем?

– Нет.

– Ну так беги!

И Глеб побежал. Он забыл даже положить в сумку учебники и тетради. Боря так торопил его потому, что опасался, что действие Хитрого глаза кончится, пока Глеб добежит до дому и с лайнером помчится назад. Ведь если Глеб хоть на треть лишится этого действия, он ни за что не отдаст ему лайнер! А если действие будет продолжаться, у Бори будет еще одна великолепная вещь.

Но это была только часть плана...

Главное – не робеть. Боря подошел к Воле и спросил:

– Слушай, ты умеешь запускать подводную лодку?

На него исподлобья глянули глуповато-ясные глаза.

– А тебе что?

Боря сразу понял: не умеет, иначе зачем же звал он тогда брата на пруд? Боря стал нервничать.

– Геннадий сегодня работает?

– А тебе зачем? – Вова, стоя на одной ноге, коленом другой попытался почесать подбородок: все сильнее действовал на него Хитрый глаз.

«Видно, он дома», – подумал Боря и не стал объяснять, зачем ему нужен Гена.

Поняв, что больше от Цыпленка толку не добиться, Боря

провел карманом по мальчишкам.

– Ребята! – крикнул он. – Я хочу еще раз показать вам удивительное зрелище... Помните, как ныряла подводная лодка? Сейчас будет еще удивительней! Идите же за мной! Вперед!

Боря ринулся к дверям. И почти все, кто был в классе, кинулись за ним. Они бежали с криками радости и восхищения, толпой вырвались из класса, с тяжелым, слоновьим топотом пронеслись по коридору и затопали по лестнице вниз, не обращая внимания на учителей, шедших из классов с журналами и картами в учительскую.

У раздевалки Боря окриком остановил ребят, потому что все они забыли про свои пальто и куртки и даже Андрей – про черную кожанку.

– Одевайтесь!

Потом они помчались к его дому. Они бежали с такой скоростью, что Боря не мог угнаться за ними – а уж он-то как бежал! – и скоро очутился в хвосте, а потом отстал метров на десять.

Вот и их дом. И Вовин подъезд. Чтоб ребята не разбежались, выйдя из-под влияния Хитрого глаза, Боря не сразу пошел с Вовой за его братом, а минут десять, собрав всех в подъезде, где они тесно сбились, и повернувшись к ним грудью, подробно разъяснял предстоящее зрелище.

Вдруг сильно стукнула дверь, и в подъезд, обливаясь потом, ворвался Глеб с коробкой в руках. Лицо у него было та-

кое же, как всегда, и тонкие губы почти не кривились, и уши стали обычными. И глаза смотрели по-прежнему – холодно и зло.

Боря растолкал ребят и выхватил из рук Глеба коробку. Удалось! Получилось! Обе вещи теперь у него! И громко сказал:

– Ждите нас здесь. Через пять минут мы с Вовой и Геннадием выйдем... Ура!

– Урра! – подхватил класс.

– Веди, – сказал он Цыпленку и подтолкнул его к двери.

Вова постучал. Открыла Вовина мама. Она сразу заметила перемену в сыне.

– Ты что так улыбаешься? А уши? Боже мой!

– У него сегодня хорошее настроение, а уши – временно, – тут же ввернул Боря, скромно стоявший с коробкой под мышкой за Вовой. – Он хочет спросить, не ушел ли Геннадий...

– Mamочка, Гена не ушел? – спросил Вова и расхохотался. – Где он?

– У себя. – Мама недоверчиво посмотрела на Боря.

Боре было не по себе: ведь не к кому-то идет – к Геннадию!

Идти к нему было страшно. Очень. Удрать? Но тогда все пропало!

И тут Вова схватил Боря за руку и, подпрыгивая на одной ноге, потащил его в другую комнату, где он еще не был, и рас-

пахнул дверь. Здесь некогда помещалась комнатуха-чулан, а сейчас... Сейчас это было великолепное конструкторское бюро и завод одновременно: полки с инструментами, сильная лампа на шарнирной ножке и даже маленькая чертежная доска. Гена, в синем халате с засученными рукавами (совсем не похожий на седобородого волшебника из сказок, но все равно волшебник!), сидел за верстаком и напряженно рассматривал внутренности неведомой, перевернутой машины: путаница многоцветных проводков, крошечных сопротивлений, полупроводников, конденсаторов. Не повернув к ним головы – не заметил? – Гена стал что-то паять тонким электропаяльником. С серебристого кончика его шел острый запах и вверх раскручивалась синяя спираль дымка.

Здесь уже пахло не щенками, птицами или водорослями из аквариума. Здесь замечательно било в нос краской, жженой резиной, кислотами и плавящимся металлом.

Гена сидел к ним боком, и Боря видел его широкий, сложенный над верстаком лоб, острый блеск его квадратных очков и жесткие короткие волосы. И боялсядохнуть.

– Хи-хи, – произнес Вова. – Ха-ха-ха!

– В клоуны решил пойти? – сказал Гена, не отрываясь.

– А это тоже почетная профессия, – выжал из себя Боря, и Вова, очевидно довольный его ответом, расхохотался, запрыгал и нечаянно поддел головой одну из полок; на ней что-то угрожающе задребезжало.

– Тебя по мозгам чокнули? – спросил Гена.

– Что вы! У него просто такое настроение...

– Ты уверен?

Боря весь съезжился. Ох как было опасно! Геннадий все видит и чувствует. Куда больше Андрея... И нельзя больше медлить.

– Геннадий... – начал он, весь вспотев. – Скажите, пожалуйста, как приводится в действие двигатель подводной лодки, как она управляется и как...

– Выходит из воды ракета?

– Ага. Я хотел у Вовы...

– У кого сейчас лодка? – строго спросил Гена.

И Борю облил холод; он понял: добром тут ничего не решить, и медленно повернулся к нему карманом. Дымок сразу перестал струиться из-под кончи-ка паяльника.

– Я.., я хочу, чтоб вы помогли мне завести лодку...

Гена, видно под влиянием Хитрого глаза, поднял к нему свое широкое, уже не такое сосредоточенное лицо... И уши... И у него медленно полезли вверх уши!

– Зна-зна-значит, она у тебя?

– У меня. – Боря все ближе пододвигался к Геннадию, отдавая его потоком невидимой энергии, бьющей из Хитрого глаза.

– У-ух ты! – тяжело сказал вдруг Гена и скрипнул, точно от злости, зубами. – Придется... Что это у тебя такое? – Встал и пошел к двери.

Боря совсем перепугался. Даже сердце вдруг закололо.

Стиснув губы, двинулся он за ним.

– Что с вами? – спросила мама – Куда вы? И в халате?

В подъезде все так же толпился их класс. Боря попросил ребят выходить и двигаться к пруду. А сам помчался домой, нырнул на животе под свою кровать, задвинул подальше коробку с лайнером и достал другую коробку. В лифте обдул с нее пыль.

ЛОДКА УХОДИТ В ГЛУБИНУ

Ребят перед домом уже не было, и ему пришлось поднапрячь все силы, чтоб догнать их. Они толпой валили по улице, ведущей к пустырю с прудом, и при этом хохотали и пели. И над ними молодой рощей упруго покачивались большущие уши. Сзади всех понуро брел Гена в своем синем халате с закатанными рукавами, и вид у него был почти обычный. Сбоку от него мчалась ярко-красная длинноухая Наташка – уж вот кто мгновенно поддавался действию Хитрого глаза! – и еще несколько девчонок из их класса.

Проходившие мимо люди неодобрительно косились на эту шумную толпу.

– Тише вы! – крикнул Боря и заткнул уши, единственно нормальные уши во всей этой компании, и слегка отвернулся. И пошел боком. Но долго идти отвернувшись было рискованно: ребята могли выйти из повиновения.

Минуты через две они были у большого пруда, берега которого поросли мелкой травкой. Боря подозвал Гену, достал из коробки лодку и с боязнью подал ему. Гена положил ее на колени, вынул из кармана складной ножичек, открыл узенькую лопаточку, просунул в щелочку носового люка, и люк откинулся.

Боря стоял рядом и наблюдал: хотел запомнить все.

Он заглянул в люк и увидел крошечные циферблатики

со стрелочками, какие-то винтики и рычажки. Гена что-то сделал там, что-то переставил, передвинул; делал он все так быстро, что Боря не мог уследить и запомнить, а это было так важно. Что за лодка, которая не плавает? Что за лайнер, который не летает?

Наконец Гена закрыл люк. Лицо его хмурилось, очки подрагивали на носу.

– А вы.., вы напишете мне на бумажке?

– Чего тебе написать? – Как она заводится... По порядку все...

Лицо Гены сердито напряглось.

– Тебе мало того, что заставил меня прийти на этот пруд? Тебе еще бумажка нужна? Бумажка нужна? Бумажка... И может, с печатью? И на бланке? На блан...

– Нет, что вы! – заверил его Боря. – Можно без печати...

– Бери! – Гена протянул ему лодку.

– Значит, можно пускать? – робко спросил Боря, беря лодку.

– Пускай.

Восторженные крики вокруг не умолкали: «Ур-ра Крутикову!», и это раздражало Борю, потому что он готовился сейчас к ответственныйшему моменту – пуску лодки...

Боря спустился к самой воде, и так ему стало вдруг жалко расставаться с ней, так жалко... Он вытянул руку с лодкой над водой, обернулся к Гене и еще раз спросил:

– Значит, пускать?

Гена кивнул.

– Ур-ра Крутикову! – доносилось из-за спины.

– Хватит вам! Будьте людьми! – крикнул Боря и вынес руку с лодкой вперед. Киль ее с винтом на корме коснулся воды, и лодка вдруг чудесно ожила – загудела, и тонкая, умная дрожь ее передалась его пальцам, руке, всему телу.

Боря разжал пальцы.

Лодка ринулась вперед. У острого носа ее закипел маленький бурунчик, у кормы заходила, завихрилась вода. Лодка летела вперед, и в оба конца пруда пошли от нее волны, все ширясь и ширясь, и минуту назад мертвый, неподвижный пруд оживился: по нему заплясали зайчики, он весь заискрился, заиграл, заулыбался.

Вот лодка почти достигла того берега и помчалась вдоль него, а за пей – ребята, топая ногами, хлопая в ладоши и подпрыгивая. А лодка уже мчалась от того берега сюда, покачиваясь на собственных волнах...

Вдруг она исчезла, пропала.

Боря беспокойно обернулся к Гене:

– Где она? Ее нет! Нет ее!

– Она же подводная! – сказал Гена и вдруг плюнул в него сквозь туго сжатые зубы, и Боря едва успел отпрыгнуть в сторону.

Это так было непохоже на него. Или Хитрый глаз подействовал на Гену таким образом, что ему хочется плевать? Но почему он плюнул именно в него? Ведь не плюнул же в

своего брата или в Андрея... Нет, не совсем, видно, потерял он власть над собой.

Боря отошел от Гены и опять уставился на пруд. Лодки на нем не было, но еще чувствовалось на воде волнение. Может, лодка носилась в глубине?

Вдруг Боря увидел, как из воды вынырнуло что-то узкое, тонкое и врезалось в воздух. И взорвалось. И лопнуло ярко-синим фейерверком. От взрыва даже уши слегка заложило. И Боря понял: лодка не пропала.

– Ура, – закричал он, – ура! – и запрыгал по берегу.

И вслед за ним, в точности повторяя его движения, запрыгали все двадцать пять ребят из его класса. Все, кроме Гены, который и не думал прыгать, а как-то мрачно поглядывал вокруг. От радости Боря не заметил, как из воды, уже в другой части пруда, вырвалась новая ракета. Он только услышал взрыв над прудом и увидел, как разлетаются во все стороны зеленые искорки, и еще пуще принялся отплясывать на берегу.

Внезапно к пруду вышел незнакомый человек с большой собакой на поводке.

– Ой, – вскрикнул Вова, – дог, какой замечательный дог!

И тут раздался третий взрыв, совсем в другом месте, – значит, лодка продолжала двигаться! В воду, шипя, полетели ярко-желтые огоньки.

– Мальчики, что это? – поразился незнакомый мужчина, а дог сердито тьякнул.

– Секрет! – Боря отвернулся от него. – И, пожалуйста, не мешайте нам!

Минут десять ждал Боря появления лодки, потом не выдержал и подошел к Гене.

– Геннадий, – запинаясь, спросил он, – почему она не всплывает?

– А куда ей торопиться?

Затем Гена глянул на часы и с силой хлопнул себя ладонью по лбу, словно хотел прикончить присевшего комара.

– Идиот я! – Лицо его мучительно скривилось.

– А что?

– А то, что я включил двигатели, задал направление и пуск ракет, а вот возвращение на базу не поставил. И всплытие... Что-то нашло на меня... А ребята... Разве это прежние ребята? Ты что-то...

– Нет, что вы! Нет, – поспешил Боря, – это не я... Я ничего..., я ничего такого не делал.

– Не лги.

– Я не лгу, Геннадий... Как же теперь быть с лодкой?

– Никак... Может, сама еще выбросится на берег. Впрочем, нет, я задал ей круговой курс... Пиши пропало!.. А ты скажи мне честно...

– Что? – с испугом спросил Боря и попятился. Он уже знал, что спросит Гена, но не знал, как ответить ему на это. Ведь Гена, кажется, догадался, в чем дело.

И Боря, не медля больше ни секунды, повернулся к нему

карманом.

Гена еще сильнее насупился, положил руку на лоб и вдруг снова плюнул в Боря, но и на этот раз Боря успел отскочить.

И тут он страшно разозлился. На Гену, на себя, на всех ребят. Они паясничают, вытворяют черт знает что, а ведь лодка, лодка почти пропала... Он думал, она надежнее лайнера – он мог улететь куда-то или разбиться, – и совсем не подумал, что подводная лодка может утонуть... Ведь не подумал же! И вот она лежит где-то на дне – и попробуй достань ее! Вода холодна, пруд илист, и в нем, кроме карасиков, наверно, водятся и пиявки. Брр!.. Но надо достать лодку... Надо! Может, она еще движется, и ее удастся поймать на ходу. А может, она легла где-то недалеко...

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

– Слушайте! – крикнул Боря. – Нужно спасти лодку... Вы понимаете? Пруд неглубок.

И тут он увидел, что Наташка, сбросив свое огненное с деревянными пуговицами-палочками пальто на траву, подбежала к пруду и ладонями принялась вычерпывать воду па берег. И другие ребята, особенно девчонки, стали делать то же.

– Вы что это? – крикнул Боря. – Очумели?

– А мы сейчас всю воду выльем! – ответила Наташка. – Вот увидишь!

Вода между тем благополучно стекала обратно в пруд.

– Прекратите! – напряг голос Боря. – Кто из вас умеет плавать, немедленно раздевайтесь и ищите лодку...

Наташка первая стала стаскивать с себя платье.

– Стоп, только не ты! – испугался Боря. – Все, кроме девчонок!

Мальчишки как в лихорадке принялись снимать туфли, скидывать куртки и рубахи. Боря посмотрел на небо: солнце грело сильно, пожалуй, не простудятся... Да и вода в пруду непроточная и уже, наверно, успела прогреться.

Первым, скинув кожанку, брюки и рубаху, нырнул Андрей, за ним, весь белый, полноватый, но плотный, плюхнулся Глеб, потом, как лягушата, сиганули Митя с Витей, затем

другие ребята, и все они, баламутя воду, стали барахтаться, хохотать, хватать друг друга за ноги, фыркать, подныривать друг под друга.

«Не утонули бы», – подумал Боря и крикнул:

– Занимайтесь делом, а не балуйте! Поглубже ныряйте!

В воздухе раздался вдруг новый взрыв. Ребята бросились врассыпную к берегу, и над ними медленно опадали фиолетовые хлопья.

– Что я натворил! – Гена стукнул себя кулаками по лбу. – Я не помню, сколько запрограммировал выстрелов! Лодка вышла из повиновения и стала неуправляемой... И это все ты, ты! – Он показал пальцем на Борю, а Боря на всякий случай отпрыгнул еще метров на пять от него.

– Куда вы, вперед! – напустился на ребят Боря, опасаясь, что из-за этих ракет прекратятся спасательные работы. – Вперед! На поиски!

– А сам чего не идешь? – крикнул вдруг Андрей, выскакивая на берег, облепленный трусами, в пупырышках гусиной кожи, с дрожащими посиневшими губами. – Ребята, за мной!

И не успел Боря опомниться, как его схватили, подняли, и он, качаясь, поплыл в воздухе.

– Что вы делаете?! – взвыл он, дергаясь и плача. – У меня же приборчик!..

Но вокруг были сердитые глаза, мокрые, слипшиеся челки па лбах, сведенные холодом трясущиеся губы. И уши...

Уши, уши, уши! Его схватили за руки и за ноги и, не с самого берега, а метрах в трех от него, стали раскачивать, считая вслух: «Раз, два...» На счет «три» Боря взлетел в воздух и, прежде чем зажмуриться, увидел на мгновение, как к нему бежит мужчина с собакой, и со всего размаха шлепнулся в воду. И пошел на дно. Холод скрутил дыхание. Стал задыхаться. Схватился за горло... Выдохнул! И сразу вскочил. Руку – на карман с приборчиком: на месте! И, утопая в вязком илистом дне, весь заоченевший и тяжелый, побежал к берегу. С него текло, от холода и страха зуб не попал на зуб, фуражки на голове не было – утонула, видно, – одежда жала, связывала движения, а с берега на него наступали мальчишки, и рты их были разинуты в крике, уши напряжены, глаза вытаращены. Они что-то кричали и, кажется, не хотели выпускать его на берег, а требовали, чтоб он сам искал свою лодку, чтоб он нырял, шарил по дну руками и глотал пиявок...

Боря побежал от них вдоль берега, по воде... С разгона хотел одолеть небольшой откос, но здесь на него налетел Глеб, крича что-то бессвязное, и руками стал толкать в грудь. И, наверно, столкнул бы, если бы не тот человек с догом.

Человек дернул Глеба за руку, Боря выбрался из пруда и побежал с этого пустыря к улице, к своему дому. Там было спасение. Он несся изо всех сил, а за ним бежали они. Он летел, не чуя под собой ног и собственного веса. И уже увидел впереди людей.

Но что это? Люди, заметив Борю и мальчишек, преследовавших его, остановились, захохотали, показывая на него пальцами, и один даже бросил па землю, в лужу, свой портфель и в приступе смеха запрыгал в туче брызг по воде. Хитрый глаз – он опять виной всему! Все страдания из-за него!

И, не снижая скорости, Боря вытащил из кармана мокрый приборчик и, тяжело дыша, можно сказать, задыхаясь, нажал другую белую кнопку – с черной цифрой «4».

УРА, СПАСЕН!

Спасет его эта кнопка? Или будет еще хуже? Да может ли быть хуже?!

Боря па огромной скорости сунул в карман приборчик. И удивительное дело: люди, показавшиеся впереди, стали потягиваться, позевывать, а головы их клониться к плечам. А один прислонился к забору и, сдвинув на глаза кепку, чтоб солнце не било в глаза, и, поплеывая, принялся с любопытством наблюдать, как Боря, чуть не падая от усталости, с перекошенным лицом проносится мимо, и голова его тоже прилегла на плечо...

А топот сзади не умолкал. Он летел за ним. Был все ближе и ближе. Голоса Андрея и Глеба били его по ушам:

- Стой! Держите его!..
- За пятки ловите! За уши!..
- Ты не уйдешь!..

Андрей – он раньше терпеть не мог Глеба, а теперь он заодно с ним...

Что делать? Как уйти? Обмануть бы их! Успеть бы на красный свет перебежать проспект. Далеко до проспекта – догонят.

Но почему стоящие впереди не хотят ему помочь? Преградили б им путь, вызвали б милицию...

Или... Или опять все дело в Хитром глазе?..

И Боря с ослабевшими ногами и колотящимся сердцем вдруг резко повернулся лицом к преследователям. И сразу мальчишки – в мокрых трусах, босые, взъерошенные – умерили бег, и бежали они теперь, судя по всему, только по инерции. И головы их клонились то вправо, то влево. Боря – бледный, трясущийся, тоже весь мокрый – па всякий случай пятился, отходил назад.

Скоро толпа мальчишек и девчонок остановилась. А когда Боря увидел, что они потеряли к нему всякий интерес и не кучно, а вразброд, поодиночке поплелись обратно к пруду, где лежала их одежда, показал им спину и помчался домой.

Ура, спасен! Приборчик чуть не погубил его, но он же и спас. Уж, видно, новая кнопка ничем не грозит ему. А не поможет ли она ему в чем-нибудь?

В чем? Нужно достать подводную лодку, и это главное!

И Боря решил не идти домой, а тайком, в обход, сбегать на пруд и посмотреть. Может, и правда, лишенная точного управления, выбросилась она где-то па берег, и ее могут увидеть и забрать мальчишки или даже тот человек с собакой. Но от холода ногу его сводила судорога, и Боря побежал к своему подъезду.

Хорошо хоть, никого, кроме Костика, не было дома.

Боря шел по коридору, и с него сильно текло на паркет.

– Угодил под поливалку, – сказал он Костику. – Чтоб маме ни слова. И подотри, пожалуйста.

И стал переодеваться. Быстро выкрутил над ванной одеж-

ду и, чтоб не сразу бросилась она маме в глаза, свернул в узел и сунул на дно ящика для грязного белья. Вместо любимой куртки с «молниями» Боря надел тесноватый старый пиджак, переобулся, переложил приборчик и выбежал из дому.

На пруду – ни души, только босые ребячьи следы да отиснутые на свежем песке собачьи подушечки. Озираясь по сторонам, Боря стал обходить пруд. Он всматривался в воду у берега и, где поглубже, в водоросли: может, лодка запуталась в них, как в войну запутывались подводные лодки в специально расставленных стальных противолодочных сетях.

Нашел палку и стал ковыряться в этих водорослях... Напрасно!

Ни волнения, ни даже ряби на пруду – тихая мертвая гладь. Наверно, лодка перестала двигаться. Где она сейчас лежит? Как ее экипаж – ракетчики, штурманы, командир? Не задохнулись?.

Боря присел на берег, Ох и дела... Ох, ох, ох! Лучше б дома лежала, в коробке под кроватью...

А что, если самому понырять? Он вскочил с земли. Ведь он будет нырять с толком, с умом!

Боря сунул в воду кончики пальцев – их обожгло холодом. У-у-ух!.. Он стал растирать пальцы.

И все тело его стало ломить от одной мысли, что он снова полезет в воду – уже ведь искупался.

Боря походил вокруг пруда, повздыхал, по-прежнему при-

глядываясь к воде, и побрел к дому. Он был убит. Хотелось плакать, но не было слез.

Придя домой, Боря прикрыл дверь комнатки и нырнул под кровать – коробка с лайнером была на месте. Боря задвинул ее подальше, в угол. В горле запершило: опять одна коробка осталась! Только с час, не дольше, было у него их две...

Скоро пришла с работы мама, разделась у вешалки и зевнула.

Что это сегодня все такие сонные?

– Мам, я хочу чаю, – сказал Боря.

– И я не прочь. – Мама снова длинно зевнула. – На, отнеси па кухню – покупки – Она протянула ему сумку с хлебом и какими-то кулками. – И поставь, пожалуйста, чайник...

Боря насупился: вот еще новости – он должен ставить чайник!

– А ты что?

– Что-то глаза у меня закрываются и разморило всю – едва голову держу. Пойду-ка я полежу немножко. Ты позови, когда будет готов...

Надув губы, Боря поплелся на кухню.

Вечером, укладываясь спать, Боря, как всегда, положил приборчик под подушку. Когда он проснулся, Костик ворочался на кровати, громко зевал и потягивался, точно был под прицелом Хитрого глаза, а когда Боря в самом деле направил на него через одеяло приборчик, зазевал еще громче и за-

явил маме, что не пойдет сегодня в школу – надоело; что она должна принести ему в постель завтрак – лень подыматься, а если она хочет, чтоб он соизволил встать, пусть оденет его и зашнурует туфли, потому что он ненавидит эту процедуру из-за слишком узких дырочек.

– Ого, – возмутился Боря и тотчас убрал приборчик, – барин какой! Тебе лакеи нужны?

– Могу обойтись и без лакеев, – сказал Костик, – если ты согласишься завязывать мне бантики на шнурках и подносить еду.

– Да знаешь, что я с тобой сделаю! – Выскочив из-под одеяла, Боря легонько двинул его по заднему месту голой пяткой.

Утром Боря едва плелся в школу. Впереди, как всегда, шли ребята с портфелями, ранцами, сумками. Было поздновато, и они торопились. Но Хитрый глаз заставил их поубавить шаг; воздух огласился зевотой, и Боря быстро обогнал всех. В классе его поразило вот что: со всех сторон доносились кашель и чиханье. Громче всех кашлял Андрей.

Глеб не расставался с носовым платком, так сильно текло у него из носа. Митя во время разговора усиленно чихал на Витю, а Витя на Митю, и они сердились.

А Стасик совсем не пришел в школу: уж очень он был худенький, слабенький, и, видно, простуда свалила его в постель. На Наташку он не смотрел – просто неловко было вспоминать, как старалась она вчера для него...

И вообще все было очень плохо.

ОТЧАЯНИЕ

Ясное дело, ребята ничего не помнят. Смотрят обычно, не очень, конечно, нежно и ласково – этого никогда еще не было! – но и не очень сердито. В общем, равнодушно. И ни о чем не догадываются.

Ну хорошо, он вроде бы сильнее их... А толку? Чего он добился? Лодка, его великолепная лодка до сих пор лежит па дне этого проклятого пиявочного пруда! А то, что все они кашляют, сморкаются и вздыхают, а Стасик совсем слег – разве это победа? Бить его за это надо, и хорошенько бить!

Внезапно к Боре подошел Глеб.

– Слушай, ты не знаешь, где мой лайнер? – тихо спросил он.

– Откуда же мне знать?

– Весь дом перерыл – нет. Он мне так нужен. И тут Боря не вытерпел:

– Зачем нужен? Чтоб ржавел?

– Нет. И запомни: если он у тебя, жалеть потом будешь! – зло блеснул глазами Глеб и сжал кулаки.

Он еще грозит ему, он, которого Боря с такой легкостью превратил в последнего труса!

И Боря слегка провел по Глебу карманом, и кулаки у того сразу разжались и губы растянулись от длинной зевоты.

И Андрей, наверно, не страшен ему теперь.

Боря спросил у него с наигранной веселостью:

– Ну, как делишки?

– Так себе. – Андрей с вялой улыбкой потянулся, хотя обычно не только не вступал с Борей в разговоры, но и вообще старался не смотреть па него. А теперь он говорил доверчиво, дружелюбно. Вон как потеплели его глаза! И с лица исчезла всякая натянутость. Хоть возьми и расскажи ему, в чем дело... Но разве можно! А если подтрунить над ним – не обидится?

– А как твоя куртка? – спросил Боря.

– А что?

– Ты счастливеец, что имеешь ее.

– Почему?

– А потому, что если вдруг будешь когда-нибудь умирать с голоду, сварить ее в котле с водой, она как-никак немножко съедобная, и будешь жевать – надолго хватит!

Андрей расхохотался.

Его губы утратили твердость, стали мягкими, беспечно добрыми, и это было так непривычно, что Боря даже огорчился: Андрей немножко перестал быть Андреем – поскуучнел, поглупел. А Наташка... Подумать только, Наташка посапывала на своей парте, и довольно громко, и ее никто не будил.

И они ничего не помнят, ничего-ничего! Они даже забыли про вчерашнюю катастрофу на пруду! И, вспомнив о лодке, Боря так расстроился, вот-вот слезы потекут... Но плакать,

владея таким мощным Хитрым глазом, – разве это не позор?

– А вы знаете, – крикнул он в отчаянии, – что подводная лодка не вернулась на базу и утонула в пруду?! Вы это знаете?

– Ты разыгрываешь нас! – сказал Глеб и обернулся к Андрею, точно тот был его лучшим другом.

Неужели этот проклятый Хитрый глаз так смягчил, сгладил, отменил их вражду?

– Честное слово, нет! – Боря ударил себя кулаком в грудь. – Она утонула. Утонула, потому что Геннадий забыл запрограммировать возвращение ее и не правильно передвинул какие-то рычажки управления...

– Ну и остряк ты стал! – Андрей зевнул, подмигнул Глебу, положил голову на плечо и, кажется, уснул.

– Захотел нас подурочить? – сказал Митя. – Но...

– Но не выйдет! – продолжил Витя.

Боря отошел от них. Он говорил им правду, а они не верили. Дурачил – верили, а сказал правду – не хотят верить, и еще засыпают у него на глазах. А ведь без них не достать лодки!

– Вы люди или нет? – крикнул Боря.

– А ты? – спросил кто-то.

– Она на дне пруда, эта лодка, – устало, со вздохом сказал Боря, – и надо достать ее... Помогли бы... Одному ведь трудно. Понимаете?

В классе раздался хохот. Боря схватил с парты портфель и

выскочил из класса, потом из школы. Он больше не мог. Им даже лень противоречить, спорить! Ненавидеть! Они ничему не верят, ничего не хотят. И даже если ты будешь погибать, им, наверно, лень будет шевельнуть пальцем!..

Боря бежал по тротуару. Люди перед ним едва тащились и мешали ему, а одна старушка, с картошкой в авоське, почти остановилась, преградив ему путь. Боря хотел обойти ее справа, но она тоже подвинулась вправо, он подался влево, и она передвинулась влево.

Боря чертыхнулся, прыгнул с тротуара на проезжую часть улицы и побежал. У подъезда столкнулся с тетей Феней. Дворничиха энергично подметала тротуар, пока не попала под Хитрый глаз. А как попала под него, метла ее точно застыла в воздухе и ветер понес в лицо Бори пыль. Он чихнул и отскочил в сторону.

Уже в кабине лифта Боря вытащил из кармана приборчик и решительно нажал кнопку с цифрой «5».

«5»-ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Боря водворил на место приборчик и вошел в квартиру.

– Костик, ты здесь? – и прислушался к тишине.

– Здесь, – донеслось из их комнаты, и Боря заглянул в нее.

Костик сидел за маленьким столиком и, по-взрослому подперев кулачками лоб, рассматривал какую-то сложную радиосхему на листе бумаги. Вид у него был страшно задумчивый. Углубленный.

– Это что еще такое? – спросил Боря, больше привыкший к его художествам.

– Да вот Гена нам предлагает...

Боря прямо вздрогнул, услышав это имя.

– Ты... Ты был у него?

– Был... А что?

Его встречи с Геной пугали Борю. Нет того, чтоб Костику дружить с этим собаководом, птицеводом и черепаховодом, так ему понадобился сам Гена...

– Ну и что он тебе предлагает?

– Провести в нашу квартиру телефон, и он будет не обычный, а с каким-то усовершенствованием...

Не хватало еще! Гена подкатывается к нему, чтоб забрать назад свои вещи... У Бори так и заныло все, только он вспомнил, что подводная лодка на дне грязного пруда; у нее, может, уже вышли из строя сложнейшие механизмы, открыва-

ющие люк и пускающие ракеты, регулирующие работу двигателя. И еще было неприятно, что Глеб завел разговор о пропавшем из дому лайнере. Не миновать драки...

– Не надо, – сказал Боря.

– Почему?

– Занимайся рисованием, это у тебя больше выходит...

– Нет, не больше!

Это вывело Борю из себя, и он повернулся к Костику, к его глазам с точечками зрачков – хитрющим и веселым.

И сразу исчезла из глаз брата хитрость, растаяла живость, и они стали холодные, почти ледяные. Точно крепкий мороз застудил журчащую воду ручейка. Личико все задергалось, зрачки еще больше сузились. А нос... Его нос, маленький курносый нос, начал быстро краснеть.

Боре стало не по себе от его голоса, от его красного носа.

– Я буду делать, что хочу! – Личико Костика злобно скривилось, и он, встав с табуретки, надвинулся на Борю.

Боря слегка отступил.

– Но-но, – сказал он, – потише.

– А чего потише? Вот как стукну сейчас., тогда будешь знать, как потише...

– Что-то ты сегодня разошелся?

И вдруг Костик схватил Борю за куртку и так потряс, что голова его мотнулась из стороны в сторону и он едва не прикусил язык. Ого сколько, оказывается, силы в этом малыше!

Боря стал поспешно отрывать от себя его руки.

– Но-но, ты... Хочешь заработать?..

– Хочу. – Костик еще крепче ухватил его за куртку, ухватил так, что она туго натянулась, сжав все тело, и Боре даже стало трудно дышать. И тут он рассердился:

– Уходи, ну? Я не хочу с тобой шутить!

– И я!

Боря ткнул его, правда не очень сильно, кулаком в грудь и получил затрещину. Боря обомлел. Лицо его пылало.

Костика так и распирало всего от злобы к нему, и нос его, как гребень у индюка, еще больше покраснел.

– Слушай, я не хочу с тобой ссориться, – сказал Боря. – Чего ты на меня вдруг взъелся?

– И не один я! И не вдруг!

– Замолкни! – сказал Боря, а сам подумал: «Неужели это Гена подговорил его?» – Ты ничего не понимаешь!

– Зато ты все понимаешь! – Костик кинулся на него, но Боря выставил колено и не подпустил его к себе. Тогда Костик схватил с Бориной полки маленький жестяной истребитель и швырнул в него – Боря едва успел прикрыть ладонью глаза.

Больше он не мог. Он выскочил из комнаты и побежал на кухню.

И все это из-за кнопки, которую он нажал пять минут назад? Не может быть!

В дверь позвонили. Боря открыл и увидел тетю Лену, Наташкину мать.

– Мама дома? – спросила она.

– Нет.

– А газета с таблицей лотереи у вас сохранилась?

– Пожалуйста. – Боря принес ей газету и спросил:

– А Наташа дома?

– Дома... Простыла вчера... Может, навестишь ее?

Через минуту он увидел Наташку – в синем халатике и, видно, в наскоро надетых тапочках.

– Входи, Боря, входи...

Боря вошел, и тут, судя по всему, карман его глянул на Наташку. Она примолкла, отошла в глубину комнаты, села на тахту и посмотрела на пего исподлобья. И..., и нос ее тоже стал слегка краснеть.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

Боря пожал плечами и вымученно улыбнулся:

– А..., а..., а что тебе сказать?

– А то, как ты Вову обманул! Как колотишь Костика! Как насмехаешься над Александрой Александровной! А сам боишься всех! Тебе верят, а ты... Бессовестный!

«Что она говорит? Ведь это все не правда, почти не правда!» – подумал Боря и все-таки обмер от ее слов. Ему стало не по себе: кто-кто, а Наташка никогда не обижала его, говорила ему и о нем в классе только хорошее, и даже гораздо больше, чем он заслуживал.

– Откуда ты взяла? – спросил Боря. – Совсем я не смеюсь и не боюсь. А вот ты, ты мне даже немножко... – И тут

же Боря осекся: нечего ей это говорить. – Откуда ты взяла?

– Оттуда! И не прикидывайся овечкой, я вижу тебя насквозь!

Из-под ее челочки Борю жгли круглые, огромные, занимавшие половину лица глаза, и, говоря все это, Наташка выбрасывала вперед свою маленькую тонкую руку, и чувства ее были так сильны, что длинный и красный, как перец, нос ее подрагивал, а худые коленки подскакивали над краем тахты – то одно, то другое.

Боря съежился, прижался спиной к стене и, не выдержав, выбежал из квартиры. За ним захлопнулась дверь.

«Что мне теперь делать? – подумал Боря. – Кто меня защитит? У кого попрошу почитать книгу?»

И все из-за кнопки. Ни одна не хочет помочь ему. Не хочет, и все. И сколько же будет лежать па дне пруда лодка?

На улице было тепло и солнечно.

У дома два их жильца прогуливали на поводках собак: одна – белая, мохнатая, как овца, вторая – совершенно гладкая, черная. Собаки дружелюбно обнюхивали друг друга, и морды у них при этом были улыбочивые. «Умницы», – подумал Боря и уставился на них.

И в ту же секунду собаки зарычали, бросились друг на друга, залазгали зубами, и в стороны полетели клочья шерсти – белой и черной. Боря отскочил к подъезду, а хозяева закричали на них, натянули поводки и, упираясь каблуками в тротуар, стали растаскивать разъяренных собак.

«Пойду-ка я лучше домой», – подумал Боря, вспомнив вдруг огромные, полные ненависти Наташкины глаза и крики Костика. Он твердо решил ни на ком больше не пробовать приборчик. Никогда. Ни за что. Хватит того, что было!

Переступив порог квартиры, он переложил приборчик в задний карман. За столом, как и вчера, было шумно. У мамы, отца и Костика было хорошее настроение. И только мама слегка рассердилась на Борю за то, что уже пятый день не может он вымыться в ванной, – неужели и об этом надо просить?

– Мама, ну хоть сейчас! – сказал Боря.

– Очень хорошо... Я прошу тебя.

Боря раньше других допил чай, взял чистое белье и побежал в ванную. За стеной слышались шутки отца, смех мамы и Костика. Боря повесил брюки на крючок, влез в ванну, задернул прозрачную занавеску, чтоб вода не брызгалась по всей ванной, и встал под душ.

Теплый дождик уперся ему в голову. Боря блаженно зажмурился и слушал, как тугие струйки бьют в макушку, в плечи, в спину и, щекоча кожу, сбегают вниз. Внезапно смех на кухне прекратился.

За стеной затопали ноги, кто-то крикнул, и у Бори упало сердце: приборчик! Он потянулся к брюкам, чтобы взглянуть на его положение в кармане.

Не успел. Дверь в ванную, с шумом отворилась.

– Так вот ты где! Опять ты всех задираешь! – отец отдер-

нул занавеску.

И не успел Боря что-то сообразить, решить, сказать, как отец замахнулся. Но тут появилась мама. Она вцепилась в отцовскую руку и стала вытаскивать его из ванной:

– Не смей, Витя, не смей! Я сама его накажу!

Дверь захлопнулась, шум продолжался в коридоре. Борю вдруг прорвало, слезы хлынули двумя потоками по щекам. Он заревел в голос, – так было горько и обидно.

Он выскочил из ванны и повернул брюки так, чтобы Хитрый глаз смотрел в другую сторону. Нет, этого было мало. Дрожащими руками он вытащил из кармана приборчик и, роняя на него слезы, посмотрел на кнопки, уже знакомые ему и совсем новые... Скорей, скорей другую! И Боря, коротко вздохнув, нажал маленькую белую кнопку с черной цифрой «7».

ЗВЕЗДЫ

И с ужасом посмотрел на приборчик: Хитрый глаз казался сейчас особенно черным и ядовитым...

Страшно было и краем глаза глянуть в него, даже на его отражение в зеркале: а вдруг оно обдаст его волной и подействует?

Боря с величайшей осторожностью засунул приборчик в карман брюк так, что Хитрый глаз был направлен в пол. И быстро смыл с себя мыло. В квартире было тихо, семейство благополучно допивало на кухне чай, и никто уже, конечно, не помнил о том, что было только что.

Весь вечер Боря ходил в нерешительности по дому. Опять попробовать? Нет, ни за что, ни за что! Потом, услышав во дворе визг и смех, высунулся из окна. Ребята играли в прятки.

А если на полсекунды?..

Ни за что!

Но ведь совсем безопасно... Нельзя!

Скоро уснул и слабенько засопел Костик, и Боря просто не знал, что делать. Ведь он наставит приборчик на такой короткий срок, что и произойти ничего не успеет...

Боря незаметно направил приборчик в сумеречный двор. На полмига! И если б за эти полмига Хитрый глаз подействовал на ребят как-нибудь не так, они бы ничего не сделали

Боре. И никому другому.

Однако ничего не случилось. Только смеха чуть поубавилось.

Вдруг Костик перестал сопеть. Не проснулся ли?

Боря спрятал приборчик и покосился на брата.

Глаза у него были закрыты, а голова на подушке неудобно повернута к нему, точно он специально подсматривал за ним. Не сказал ли ему Гена о своих подозрениях?

Ох как надо его остерегаться!

Утром Боря проснулся раньше брата и направил на него – ведь совсем неопасно! – из-под подушки приборчик. Костик и не шелохнулся, только брови его дрогнули на переносье и кожа на лбу нахмурилась, а губы сжались.

Внезапно он зашевелился и проговорил:

– Нет! Я вам сказал – нет! Я приказываю изменить курс!

Боря так и присел па кровати, услышав это.

– До земли не дотянуть... Сядем на льдину! – Глаза Костика были туго сомкнуты, лоб по-прежнему мучительно напряжен. – Что-что? Ничего, выдержит! Вы слышали? – крикнул Костик, так крикнул, что кровать его скрипнула и пошатнулась. – Я начальник экспедиции и все беру на себя!

Вдруг он открыл глаза, и Боря чуть не вскрикнул. Глаза брата ослепительно вспыхнули и ярко засветились, точно в них горело по звезде. И еще в них была отвага и решительность. И губы его еще не успели разжаться.

Вот так кнопка!

Боря пристально смотрел на брата. Костик оглядел комнату, залитую солнечным светом, теплую, уютную, с книжными полками и картинками на стенах, и па лице его появилась досада.

– Ты куда это летел? – спросил Боря. – Самолет вышел из строя?

– Да, – угрюмо ответил брат. Куда делась его беспечность, вечная готовность улыбнуться и нашалить. В лице его – спокойствие, во взгляде – новая, непонятная цель. словно он знал что-то такое, чего Боря не знает и не в силах узнать.

– Как же вы теперь? – спросил Боря. Костик отвернулся к стенке: 9 – Меня еще могут вызвать отсюда телеграммой...

– Чудак! Во сне же все... И твой самолет, может, лежит уже на дне Ледовитого океана...

Сказал это Боря и вспомнил про свою лодку, настоящую лодку, которая лежит сейчас в настоящем или настоящего пруда. Водить самолет и отдавать во сне храбрые приказы – это каждый сможет, а вот вытащить лодку...

Вдруг Костик рывком откинул одеяло и сел на кровати. Глаза его снова вспыхнули, да так, что Боря моргнул.

– Долго будешь валяться? – В голосе брата зазвучало презрение. – Долго, я спрашиваю?

Только этого не хватало! А что, если схитрить, притвориться, что он во всем готов слушаться малыша?

– Кость, а ты мог бы включить меня в свою экспедицию? – робко попросил Боря.

– Тебя? – Костик пристально посмотрел на него своими горящими глазами. – Пожалуй, нет.

– Что так? Я бы так хотел!

– Не подойдешь. Нам нужны верные и твердые люди...

– Ну, Кость, – взмолился Боря. – Я исправлюсь... Даю тебе слово!..

– Тогда и будем говорить. – Брат вскочил с кровати и пошел мыться.

Ничего себе, у Костика просто мания величия!

На кухне все было готово. Отец, обжигаясь, торопливо пил чай, спешила и мама. Приглаживая после умывания мокрые на макушке волосы, Боря легонько задел ее Хитрым глазом. Мамино лицо оставалось прежним, только глаза, как и у Костика, засветились и тоже ярко вспыхнули. И все. Значит, эта кнопка ничем ему не грозит! Боря осмелел и задержал Хитрый глаз на отце. И опять – вспышка! И лицо отца стало суровой, и чай он пил медленней и не обжигаясь. И в глубине его глаз тоже ярко горели две спокойные, уверенные звезды. И это было так красиво, так неожиданно и загадочно!

И у Наташки, наверно, вспыхнут!

Первым ушел отец, потом мама, за ней Костик. Боря надел куртку с Хитрым глазом, собрал портфель. Но он не уходил. Чуть приоткрыв дверь, он ждал, когда выскочит Наташка. Тогда-то и он выйдет, и они будто случайно встретятся, и он разыграет удивление... Ждать пришлось долго, в куртке было жарко, и даже глаза заболели смотреть на ее дверь –

темную, молчащую, с синим почтовым ящиком. Ну что она там? Опять выскочит в последнюю минуту и они рысью помчатся к школе? Или захворала?

Но Боря ждал.

Потом он набрал на телефонном диске ее номер и услышал тоненький голосок: «Да, я слушаю».

Ух как хотелось крикнуть: «Ну выходи же! Выходи, я устал тебя ждать!»

Но Боря ничего не крикнул, а быстро положил трубку на рычаг, словно она жгла его руку. Значит, здорова. И не успел Боря это подумать, как скрипнула ее дверь, и, не убедившись даже, что это Наташка, а не ее мама или папа, он прыгнул через порог и захлопнул свою дверь, отрезав все пути к отступлению.

И, суетясь, дергая руками, шмыгая носом, подбежал к кнопке вызова лифта и нажал. Так сильно нажал, что чуть не раздавил. И вот появилась Наташка. Боря повернулся к ней, к ее огненно-красному пальто, к ее широкой – до ушей и даже шире – улыбке.

– Здравствуй. – Боря открыл перед ним тяжелую дверь подошедшего лифта.

– Доброе утро.

И он увидел в ее глазах звезды. Да, да, звезды! Две яркие и зеленые, они так и сияли, освещая ее лицо, и тоже вспыхнули! Лицо ее странно преобразилось; Боря не мог выдержать ее взгляда. Минуту еще ничего, можно, а потом ему

становилось вдруг почему-то так совестно, так стыдно, — и он упирали глаза в землю.

Почему?

Они вышли из подъезда и зашагали вдоль дома к Весенней улице.

Наташка держалась сегодня более прямо, чем всегда, и не старалась заглянуть ему в глаза, и не посмеивалась своим мелким частым смешком. Что-то в ней стало другим, будто, как и Костик, она узнала какую-то тайну, которую не знал он, и не торопилась поделиться ею, И куда-то исчезла ее суета. И нос хоть и оставался по-прежнему длинным, но он уже не стремился так лихорадочно вперед, чтоб первым все пронюхать...

А может, она оставалась прежней, просто он не замечал раньше?

Боря шел с Наташкой и не знал, о чем с ней теперь говорить, и она не лезла, как обычно, с расспросами, со своими девчоночьими охами и ахами, не жалела его и не предлагала новых книг. И так странно было идти с ней, совсем другой Наташкой, и ему почему-то показалось, что, шагая вместе, уже не он, а она делала ему одолжение...

И все, все это потому, что в глазах у нее горели звезды, которые время от времени вспыхивают, а у него нет этих звезд!

А ведь, если разобраться, звезды у нее не совсем настоящие, их дал ей Хитрый глаз. Ей дал, а ему нет. И у него вдруг появилось странное чувство, что эта кнопка насмехается над

ним, слегка предает его...

В школе Боря сел за парту и перевел дух.

Спрятать приборчик подальше? Еще попробовать?

Вот вошел Андрей. Боря повернулся к нему.

У Андрея тоже вспыхнули карие звезды. Он оглядел класс и тотчас спросил у Вовы:

– Получил свой лайнер?

Вова промолчал.

– А собачку? – Ну чего молчишь?

Вова почесал круглую голову, вздохнул и отвернулся от Андрея.

– Ну говори, не бойся... Получил?

Боря на всякий случай отвел от Андрея Хитрый глаз: как бы опять не помешал.

– Получил, – промямлил Вова.

– Что? – не отставал Андрей.

– Мяч и ручку со стержнями... Лайнер теперь его, что там говорить...

– Я кого-нибудь другого подыщу ему, – отозвался Боря, – дядя Шура раздумал давать того щенка...

– Врать ты горазд! – опять вспыхнул звездами Андрей. – И умеешь играть на слабых струнках человека. «Собачку дам»... У Попугая научился?

– А тебе что? – обиженно спросил Боря и грудью лег на парту, потому что не хотел, чтоб Хитрый глаз зажигал у других эти звезды. Ведь против него действует! Они еще хуже

относятся к нему, и Наташка, Наташка все это слышит...

Боря лежал на парте и смотрел на классную доску. И думал. В нем собиралась обида и боль: вон какие все стали храбрые... Уж лучше б никогда не находил он этого приборчика! Уж лучше бы...

Что лучше бы? Нет, не лучше! Это здорово, это замечательно, что нашел он его!

Да, да. Сейчас они все убедятся в этом.

НАКОНЕЦ-ТО!

Они храбрые? Хорошо! А не могут ли они стать еще храбрее?

Весь последний урок Боря старательно водил по ребятам Хитрым глазом. Класс изменился: ни подсказок на арифметике, ни кривлянья девчонок, ни шушуканья, ни обстрела друг друга из стеклянных трубочек жеваной промокашкой... Только звезды, звезды сверкают у всех в глазах!

Тишина. Спокойствие. Внимание, А когда прозвенел с урока звонок, никто не запрыгал, не захлопал партами. И только ушел учитель, Боря встал – заставил себя оторваться от сиденья! – и открыл рот – заставил себя открыть его! – и громко – заставил так зазвучать свой голос! – сказал:

– Андрей, слушай меня!

И не только Андрей, весь класс притих.

– Недавно на пруду, – продолжал Боря, – произошло кораблекрушение – погибла лодка.., подводная... Чудо, а не лодка!..

– Неужели? – Звезды еще ярче разгорелись в глазах Андрея, вспыхнули, как магний, и взглядом, полным иронии и удивления, он посмотрел на Борю. – Что ж ты не достал ее?

Боря растерялся. И не один Андрей, весь класс жег его прямыми и беспощадными звездами.

– А как? Как ее можно достать?

– Нырять.

– Но ведь еще холодно! И неизвестно, где она лежит...

Боря с новой силой стал водить Хитрым глазом по Андрею, по мальчишкам и даже по девчонкам, чтобы не визжали, не отговаривали мальчишек.

– Ребятки, вы слышали? Ему прохладно! – повернулся к классу Андрей.

И класс покатился со смеху.

– А может, нырять еще и мокро? – едко спросил у Бори Глеб, тускло мерцаая глазами-звездами: ярче, ярче – вспышка! Подумать только: Глеб, Попка-дурак, вспыхивает...

От нового взрыва хохота качнулась люстра.

– Тише вы, сейчас я нарисую его! – Стасик выскочил из-за парты к доске. – Нарисую его храбрую физиономию...

– Не надо! – сказала вдруг Наташка, и Боря со страхом посмотрел на ее разгоревшееся лицо, в ее необыкновенно яркие зеленые глаза. – Разве это по-мужски – смеяться над одним? Вот увидите, и Боря скоро не будет бояться нырять в холодную воду, и будет сам принимать трудные решения, и лучше понимать, с кем надо дружить... Но ведь он так любит технику!

– Ну и что? – сухо спросил Андрей. – Какое это имеет отношение ко всему, что случилось?

– Самое прямое! – крикнула Наташка. – Как ты не понимаешь? И вы тоже, – она обратилась к классу, – вы тоже не понимаете?

Класс не отвечал.

– Знаете, что я предлагаю? – в полной тишине спросила Наташка.

– Знаем, – сказал Андрей, – можешь садиться... Итак, ровно через тридцать минут всем быть у пруда. Захватите с собой полотенца, маски для ныряния. Ты, Наташа, возьми одеколор для обтирания, ты, Вова, принеси надувной матрас, а с вас, Коля и Стасик, по полушубку... Итак, ровно через тридцать...

Боря молчал, прятал глаза. Ну и Наташка!..

Все решится сегодня, и все зависит от него, Бори, от его терпения и выдержки. И от Хитрого глаза!

Все стали выходить из класса, но и теперь Боря посылал вдогонку им невидимую энергию приборчика. Ребята шли по коридору спокойно, совсем не так, как в тот день, когда он направил их к пруду испытывать лодку, – тогда это была разноголосая толпа длинноухих...

Боря ни к кому не подходил, он издали направлял на ребят Хитрый глаз. Он даже прошел часть дороги за Андреем – к его дому: он – главный, и что будет, если он не придет?

Потом Боря повернул к пруду. Туда уже сходились ребята. Боря тихонько стоял в сторонке. Плохо было ему. Хоть сам лезь в воду! И полез бы. Но кто же, кто же тогда поддержит в них храбрость и решимость?

Хорошо все-таки быть храбрым, независимым! Но без Хитрого глаза, а самому по себе. Тогда не надо было бы все

время хитрить, мучить себя и других и бояться каждой кнопки...

У воды на травке лежали два больших полушубка. Рядом с ними Андрей качал ногой насос, и гигантский синий матрас для плавания оживал, расправляя складки, и каждую минуту толстел и приподымался над землей. Стасик с Вовой протирали стекла масок.

Митя и Витя деловито ходили вокруг пруда и пытались проникнуть взглядом в воду.

– Начнем? – Андрей кончил качать. – Нырять будем вчетвером, каждый в своем квадрате, и чтоб не баламутить воду...

– А как же Боречка? – неожиданно спросил Глеб. – Так и будет стоять в сторонке?

– Это его личное дело, – резко прервал его Андрей. – Ты будешь нырять в правом углу пруда.

– А Боречка? Ради него ведь стараемся...

– Надевай маску и иди первым! – приказал Андрей, и Боря, глотнув обиду, направил на обоих Хитрый глаз.

Надо было терпеть и не поддаваться. Терпеть до последнего.

– А я предлагаю силой раздеть его и заставить пырять! – не унимался Глеб.

– Какой принципиальный! – со смехом сказала Наташка и потрясла бутылочкой, в которой забулькал тройной одеколон. – Отправляйся скорей в пруд и не бойся! Уж потом я

так разотру тебя...

– А кто боится? – запетушился Глеб, кольнул Борю глазами-звездами и стал сбрасывать с себя одежду.

«Ну и Наташка! – опять подумал Боря. – Как все-таки по-разному действует эта кнопка на ребят! Одни его ругают, другие – наоборот. И Глеба терпят. Забыли про его обман, что ли? Или простили?»

– И чтоб воду не баламутил! – повторил Андрей. – Ничего тогда не найдем.

Мальчишки, в ластах и масках, вошли в воду, поплыли и стали осторожно нырять. И сквозь воду светились их звезды!

– Ну, есть? – спрашивал Вова, когда кто-нибудь из ребят выныривал.

– Нет!

Ребята снова погружались.

И тут Боря впервые подумал, и эта мысль обожгла его болью: а что, если они найдут лодку и Андрей отдаст ее Вова? Ведь отдаст... Отдаст, и дело с концом! А потом Вова вернет ему тот мяч и трехцветную ручку с запасными стержнями...

Точно. Так оно и будет. А он-то, дурак, думал, строил планы.

Лучше уйти отсюда, убежать!

Но его ноги словно приросли к земле, и он не уходил, не убегал. С горьким упрямством продолжал он водить Хитрым глазом по ребятам, по тем, кто был на берегу, на воде и под водой, кто, отдыхая, придерживался за матрас.

– На берег! Новая очередь в воду! – отдал команду Андрей, и все четверо поплыли к берегу. И пока они вытирались полотенцами, делали зарядку, кутались в полушубки и давали Наташке растирать свои замерзшие спины и грудь, в воду вошли другие ребята и стали прочесывать новые квадраты пруда.

И вдруг Боря увидел лодку. Это была она, она! Она высунулась из воды и приподнялась вверх – узкая, грозная, с острым носом и маленьким винтом на корме. Ее держала над водой чья-то рука, – Урра, урра! – закричал он и запрыгал по берегу. – Нашли! Ур-ра!

– А что здесь такого? – направил на него свои карие звезды Андрей. – Иначе и быть не могло.

С лодкой в поднятой руке к берегу плыл Митя, а за ним быстро гнал надутый матрас Витя, чтоб Митя положил на него лодку. Но Митя не хотел показать, что устал, и продолжал держать лодку на весу.

«Что теперь делать? – в смятении думал Боря. – Как поступить?»

Вова уже стоит у самой воды и даже наклонился вперед.

Подойти сзади? Подойти, вырвать лодку – и деру?

Нет... Не годится так... Нельзя...

Надо попросить, и получше! Они сейчас странные. Могут отдать просто так.

Вот уже все ныряльщики на берегу. Наскоро вытираются полотенцами, растираются, одеваются. Все уже потрогали

лодку. Она высохла, и солнце сверкает на ее боевой рубке, а Боря все не решается приблизиться к ней.

Потом решился, потянулся к ней одним пальцем.

– Ребята, можно?

– Чего тебе? – спросил Андрей, и Боря глотнул слюну. сказать или нет?

И вдруг решился – скажу!

– Можно взять ее?.. Она ведь...

Внезапно к лодке прыгнул Глеб, вырвал ее из Митиных рук и бросился от пруда. Ребята и опомниться не успели, как Боря тремя прыжками догнал его и повис на толстой спине, пытаясь повалить на траву, а Глеб задергал плечами, чтоб стряхнуть его с себя.

Тотчас их окружили ребята, и Андрей без всякого труда выдернул из судорожно сжатых пальцев Глеба лодку и так его стукнул, что Глеб перекувырнулся через голову.

– Ты опять за свое? – сказал Андрей. Глеб поднялся и вытер ладонью нос. В глазах его уже не было и намека на звезды, а была одна злость.

– Я еще покажу вам!.. – процедил он. – И особенно тебе! – Он ткнул пальцем в Борю. – Обманщик, подхалим, трус!

Боря прямо задрожал весь от обиды и ненависти.

– У меня и лайнер исчез из дому... – продолжал Глеб. – Не у тебя ли он?

– У меня! – крикнул Боря. – А ты еще больший трус и обманщик... Я хоть отдал Воле мяч и трехцветную ручку со

стерженьками, а ты что? И лайнер тебе не нужен, и лодка не нужна... А я... Я мечтал! Всю жизнь мечтал!.. Ребята!..

Сильный удар сбил Боря с ног. Он вскочил весь в слезах, с ссадиной на щеке, в испачканной куртке и с грязными от земли руками, вскочил и бросился на Глеба. Но того уже крепко держали за руки ребята, и Андрей швырял в него слова:

– Так... Хватит... Вон отсюда! Ну? Услышав эти слова, Боря подскочил к Глебу и замахнулся, но Андрей повернул к нему свое лицо.

Глеб медленно побрел от них.

– Ребята, дайте мне лодку, – жалобно попросил Боря. – Ну дайте...

– Вова, твое слово! – сказал Андрей. – Что тебе дороже: мяч и ручка или лодка?

– Собачка... Да ладно, пусть берет.

Боря схватил лодку обеими руками и прижал к куртке.

– Жаден до чего, – сказал Стасик, – «Мечтал»! А для кого мечтал? Для себя ведь.

– И ты уходи, – проговорил Митя.

– И не попадайся нам больше, – добавил Витя.

– Что вы... – с волнением сказал Боря и глянул на Наташку, которая держала в руках почти пустой пузырек и смотрела под ноги. – Я ведь не хотел... И вы..., вы не знаете меня!.. Не понимаете!

И увидел, как погрузнело, осунулось, потемнело от стра-

дания ее лицо.

– Иди, – сказала она. Тихо так сказала, беззлобно, с участием, даже с болью, и это было хуже всего. – Иди, Боря...

Боря отвернулся от них и пошел. Сначала он шел быстро, еще не осознавая всего, что произошло, а потом пошел медленнее, труднее, спотыкаясь на каждом бугорке.

Потом он увидел впереди себя Глеба. Он шагал, посвистывая и ногой отбрасывая с дороги камешки, точно и не случилось ничего. Услышав Борины шаги, Глеб обернулся.

– Ах, и тебя поперли! – радостно крикнул он. – Поздравляю! – Глеб остановился, потер кулак о кулак. – Иди сюда, получай добавку... Обещаю оставить в живых!

Боря замедлил шаг.

– Ну ладно, не буду бить. Пожалею. Так сказать, друзья по несчастью... Иди же сюда!

Боря пошел еще тише, потом остановился.

– Иди же! – бодро повторил Глеб. – Не буду бить... И лодку не буду отбирать, и лайнер просить... Даю слово!

– У тебя нет слова, – сказал Боря.

– Ну не сердись... Давай знаешь что? – Глеб посмотрел на пруд, и глаза его блеснули холодной злобой. – Я ненавижу их! А ты?

– А я... А я... – Боря выбирал слова, чтоб покрепче задеть Глеба. – А я люблю.

– Их? Нет, ты серьезно?

– Серьезно.

– Врешь! – закричал Глеб.

Конечно, Боря и вправду немножко врал. И не так уж немножко.

– Не вру, – сказал он.

– А я-то хотел тебе предложить...

– Уходи от меня, – сказал Боря, сжал кулаки и пошел на него, и Глеб, тяжелый, толстощекий, отпрыгнул от него и побежал, и у него при этом сильно тряслись щеки.

И вот тогда, когда Глеб исчез и уже не было видно ребят у пруда, из глаз Бори вдруг брызнули слезы и он заревел от обиды и горя. Все у него ушло, все пропало, исчезло... Все-все! Как он теперь посмотрит ребятам в глаза? Что скажет? И Наташке, и другим...

И тут Боря вспомнил о Хитром глазе. Много от него толку? Не было бы его – не на что было бы надеяться, а то ведь все время на что-то надеешься, думаешь, ждешь... Выбросить его надо! Швырнуть в пруд. Разбить об стену дома... Но... Но что, если среди этих кнопок все-таки есть хоть одна счастливая, которая сможет все изменить?

Но какая? Какая? В последний раз нажмет.

И он наугад нажал кнопку с цифрой 8».

МОЖЕТ, ЭТА СЧАСТЛИВАЯ?

Боря шел домой, ощущая под мышкой округло-твердую лодку, но радости не чувствовал.

Какая там радость! Он не знал, куда деться, и слезы текли по его лицу. Уж лучше б не искали лодку. И он не просил. И они б не отдали... А то ведь как все получилось... Даже Наташка... А Глеб..., вот наглец!.. Ах, как все плохо!

Вот и его дом. Боря вытер рукавом куртки глаза и двинулся к своему подъезду. По тротуару медленно прогуливалась Александра Александровна – ну конечно, где ж ей еще быть! – и на ходу читала книжку с красным обрезом. Воздухом дышит. Это Врачи ей прописали, по словам мамы, побольше дышать свежим воздухом. Увидев Борю, она оторвала от книги голову и, слегка поклонившись, улыбнулась ему краешками своих старых, бесцветных губ и поздоровалась.

Боря ответил и поспешил к подъезду, потому что боялся сказать или сделать что-нибудь не так – сам потом рад не будешь. И вспомнил про Хитрый глаз: может, и улыбается только по его приказу?

– Как дела, Борис? – спросила вдруг старушка и, видя, что он не останавливается, вздохнула и с грустью сказала:

– Запомни: вырастешь, будешь в отъезде, и надолго, – не ленись писать домой письма...

Что это она?

Боря еще больше испугался и, не решаясь расспрашивать у нее, почему он должен будет не лениться писать, сказал: «Ладно», и побежал к лифту. А ведь лицо у нее было ничего, она улыбалась... Что с ней такое?

«А Костик улыбнется?» – подумал он в лифте.

В их комнате был шум и гам: опять нагрянули сверстники брата.

Боря стал в дверях. Ребята лепили из пластилина большого, вставшего на хвост кита. Взбрело же!

– Уйти? – Голос брата прозвучал так мягко, на губах его застыла такая виноватая и неловкая улыбка, его приятели посмотрели на Борю такими чистыми понимающими глазами, что Боря ответил:

– Оставайтесь...

– А мы тебе не будем мешать? – спросил Костик. – Или ты хочешь позаниматься?

– Ничего-ничего, – сказал Боря. (Что это брат стал такой странный?) – Лепите...

Он ушел в комнату родителей с лодкой и стал оглядывать ее со всех сторон. Вроде в целости-сохранности: ни царапины на корпусе, ни ржавчины на винте, сверкает никелем, только несколько тоненьких, как волоски, водорослей опутало винт. Боря снял их. И снова ему захотелось открыть люки – и тот, в котором находится крошечный пульт управления, и тот, большой, который по приказу извне автоматически открывается под водой, чтоб выпустить ракету.

И опять не сумел. Видно, без Гены и лодка не поплывет, и лайнер не взлетит...

Скоро ребята ушли. Боря слышал, как Костик провожал их до лифта, потом вернулся и сунул в комнату голову.

– Боря, ты опять принес лодку?

– А что?

– Просто так. – Он посмотрел на Борю ясными, слегка жалующими глазами, и это Боре не понравилось. – И как это Геннадий их мастерит?

– У него опроси. Ему лучше знать... Опять бегал к нему?

– Ходил... Знаешь, какой он замечательный! Однажды я сказал ему, что...

– Что у тебя с ним общего? – перебил брата Боря. – Разве ты товарищ ему?

– А он сказал, что от меня в технике больше толку, чем от Вовы, и я несколько раз помогал Геннадию... – И глаза Костика опять пожалели Борю. Почему?

– Поиграем в войну? – спросил у него Боря, но тут же раздумал: расхотелось. Как, бывало, уговаривал брата принять участие в игре, давал ему даже танки и артиллерию новейшего образца, а сейчас вдруг сам расхотел.

– Давай! – Глаза у Костика загорелись готовностью. Что это он?

– В другой раз, – сказал Боря. – Можешь идти... И не советую больше шататься к ним... Занялся бы ты разведением золотых рыбок... Купить тебе аквариум?

– Не надо, Боря... Я...

– Иди. – И тут же Боря постыдился своей резкости, потому что глаза Костика, как никогда, светились добротой и доверием.

Брат ушел, мягко, словно в укор ему, прикрыв за собой дверь, и Боря вздохнул.

Что это за новая кнопка? Надо ее остерегаться или нет?

На Костика она, можно сказать, не подействовала, а если и подействовала, то каким-то непонятным образом – сделала более обходительным, понимающим.

Позвонить бы Наташке – сразу бы все стало ясно. Но вернулась ли она с пруда? Да и как звонить ей после всего, что случилось...

И тут пришла мама, а часа через два и отец. Однако на родителей приборчик совершенно не подействовал. Правда, они улыбались больше обычного и как-то очень мягко, очень сдержанно, и глаза их смотрели на него открыто, внимательно и.., и слегка жалеюще. Да, да, в глубине их глаз, как и у Костика, появилась непонятная жалость к нему, и это опять очень задело Борю.

Что ж это получается? Всегда, как только люди попадали под Хитрый глаз, с ними делалось что-то такое, что внезапно отделяло их от него, и он вдруг переставал понимать их, а вот они его – не переставали, они еще больше понимали его. И это было мучительно...

ПРОПАЖА

Костик, как всегда, лег спать пораньше, Боря – часом позже. Укладываясь, он положил приборчик под подушку.

Боря долго не мог уснуть. Он ворочался, скрипел пружиной и все думал, думал: что ему теперь делать, как быть? Как вести себя с Наташкой, с Глебом, с Андреем, с Вовой?

Проснувшись, Боря по привычке сунул руку под подушку.

Приборчика там не было. Пальцы полезли глубже. Но и там его не было. У Бори перехватило дыхание. Он принялся шарить еще глубже – напрасно.

Упал? Разбился?

Свесив голову, Боря с тяжело бьющимся сердцем стал осматривать пол., нет. Тогда Боря соскочил с кровати и сунул под нее голову... Пусто!

Лоб его покрылся испариной. Пропал? Но кто ж мог его взять?

Боря глянул на кроватку Костика. Брат спокойно посапывал, одеяло на его спине слегка сбилось, и виднелся краешек зеленой пижамы.

Боря сел и провел рукой по лбу.

И вдруг ему в голову пришла шальная мысль: а что, если ночью он так сильно ворочался, что направил на себя Хитрый глаз и нечаянно нажал годовой какую-то кнопку и она так повлияла на него, что приборчик стал невидимым?

Боря быстро поднял подушку – даже вмятины от приборчика не осталось.

А может, его и не было у него и все это чистейшая фантазия? Сон? Куда бы он делся иначе?

Из кухни доносился шум воды из крана – мама готовила завтрак, а из ванной легкое жужжанье электробритвы – отец брился у зеркала. Боря подпер кулаком подбородок. Как теперь быть? Что делать? Может, самые лучшие кнопки еще не были нажаты, кнопки, которые принесли бы все-все, чего пока что так не хватает ему...

Боря пошел на кухню.

– Ты что такой? Не заболел? – спросила мама.

– Какой? – вяло спросил Боря и тут же ответил:

– Нет.

Вот отец вышел из ванной. Свежий, довольный, гладко выбритый.

– Ты что?

– Ничего! – Боря отвернулся от отца и пошел в свою комнату.

Не скажешь же им, в чем дело!

Костик сидел на кровати и одевался, Боря уставился на Костика.

Брат не смотрел на него. Он зашнуровывал туфли и, как показалось Боре, слегка улыбался. Внутри у Бори что-то сдвинулось, и он не спускал с брата глаз. Костик не поднимал лица.

– Доброе утро, – выразительно сказал Боря.

– Утро доброе. – Костик поднял голову, и по его мордашке, большеглазой и сметливой, опять пробежала подозрительная улыбка.

– Ты что? – тяжело спросил Боря.

Костик в недоумении приподнял брови.

– Улыбаешься почему? – уточнил Боря.

– Хочешь, чтоб я плакал?

– Ты ничего не находил в комнате? – напрямик спросил Боря.

– А что я мог найти? – Костик еще более подозрительно моргнул ресницами.

– Ну что-нибудь.

– Ничего.

– Тогда иди умываться, и быстро!

Костик быстро, подозрительно быстро выбежал из комнаты. Боря запер дверь на крючок и принялся обыскивать его кровать, потом все углы, ящики, книжные полки. Приборчика нигде не было. Исчез, пропал приборчик с его глубоким, с его живым и опасным Хитрым глазом.

Не было приборчика, и все!

Нигде не было.

В школе Боря был хмур и неразговорчив. Ребят сторонился и побаивался больше прежнего: а вдруг помнят все, что он с ними проделывал? Нет, кажется, не помнили... Они, как и раньше, мало обращали на него внимания, точно и не было

его в классе.

Одна Наташка ела его на уроках глазами, будто и не случилось ничего, и не вставали у нее кверху дыбом волосы, не вырастали громадные уши, и не превращался в огненно-красный перец ее нос. Она даже улыбалась ему. Но Боря тотчас упирает глаза в парту: она-то все забыла, а он помнил, ах как хорошо он помнил все, что она говорила ему, как помогла Андрею прогнать его с пруда...

От кого теперь ждать помощи и спасения? Карман под пиджаком был пуст, и при резких поворотах тела ковбойка не натягивалась на груди на том месте, где лежал приборчик...

После уроков Наташка подошла к нему.

– Борь, пойдем домой вместе? – тихо и как-то сочувственно, точно он перенес тяжелую болезнь, спросила она.

– Мне надо еще в магазин! – Боря выскочил из класса и ринулся домой.

И когда он вбегал в свою комнатку, ему показалось вдруг, что может произойти чудо: сейчас он откинет подушку и увидит там...

Ничего он там не увидел.

Ничего.

Боря нехотя разогрел обед, кое-как пожевал и стал ходить по пустой квартире и вздыхать. Потом сел и застыл. Ничего не хотелось делать, даже думать. Скоро в дверь позвонили – брат. Боря но тронулся с места: не хотелось вставать. В дверь снова позвонили.

«Опять забыл ключ?» – Боря бросился к двери.

И в самом деле на пороге Костик.

– Разиня! – в сердцах сказал Боря, – Бол... – и не докончил. Не хотелось больше кричать: ну забыл и забыл, подумаешь...

Костик смотрел на него и улыбался, маленький такой, а уже серьезный. И откуда он взял, что у брата всегда хитрющие глаза? Ничего подобного. Очень ясные, добрые, верящие и в твою доброту. Но не такие наивные и жалостливые, как у Цыпленка.

И с Борей стало что-то делаться. Что-то стало с ним не так.

– Заходи. – Он пропустил брата в коридор и запер за ним дверь, хотя раньше только открывал замок, недовольно фыркнул и быстро уходил к себе.

Сейчас ему даже захотелось расспросить Костика про его жизнь. А что спрашивать, и так все ясно. А хотелось. «Не буду», – твердо решил Боря и тут же спросил:

– Как дела, Кость?

– Какие? Школьные? Рисовальные?

– Все сразу.

– Плохо.

– А чего?

– Так... – Ответил, а сам смотрит прямо в глаза.

– Что так быстро прибежал?

– Скучно стало без тебя...

– Сочиняй! – сказал Боря, и что-то новое вдруг хлынуло в его душу и стало разливаться по всему телу, по всем жилам. И жечь его. И он впервые понял, как часто обижал брата, кричал на него и даже бил, выгонял его приятелей. А ведь он не плохой, и не ябедник: никогда не рассказывал маме про его проделки. Даже просить об этом его не надо!

– Идем, я покажу тебе что-то, – сказал Костик, и они пошли в свою комнатку.

Боря достал из кармана спичечный коробок, приоткрыл его и высыпал на ладошку несколько медных полустертых монет.

– Мне Алик подарил. Смотри, вот эта времен Петра, а эта, тяжелая, – екатерининская...

Боря слушал, и его начинал жечь странный огонь, и что-то щемило, жало, и было не по себе.

– Кто подарил тебе? – спросил Боря.

– А я уже сказал – Алик. Хорошие, правда? – Костик поднял на него глаза.

Боря не вытерпел его взгляда, отошел к окну, раздавил о стекло нос и стал смотреть во двор. Но тут же вернулся к брату. И снова отскочил от него, от его глаз, и опять – к окну. Ну что им надо от него, его глазам? Чего уставились так?

Или он, Боря, в чем-то виноват?

НЕМЕДЛЕННО!

Боря вернулся к брату и неожиданно для себя бросился па колени, нырнул под кровать и вытащил из дальнего угла две покрытые пылью коробки.

– Ты знаешь, что в них? – спросил Боря.

– Знаю.

– И знаешь, как они мне достались?

– Не совсем, но...

– Так вот что... Я должен их сегодня..., сейчас..., немедленно отнести Геннадию. – А в голове пронеслось: «Что ты делаешь, опомнись!» Но Боря продолжал еще более уверенно:

– И отнесу, а Глебу – фигу с маслом!

– И не жалко? – спросил Костик. – Совсем не жалко?

– Но ведь они же его! Как я могу держать их у себя? Я не знаю даже, как они работают... – И только сказал это Боря, как жечь его стало чуть поменьше.

Он принялся вытаскивать из коробок лодку и лайнер.

– Ух какие! – Глаза у Костика разгорелись, прямо-таки раскалились. – Давай оставим их у себя? Ну давай!

– Нельзя...

И Боря подумал: к Геннадию надо пойти не одному, а с Костиком. Легче так. Они ведь вроде сдружились... Только с ним!

– Поможешь мне отнести? – спросил Боря.

– Ну, если ты так решил... – По лицу Костика скользнула довольная улыбка. – Ты еще подумай...

– Сейчас Гена дома? – спросил Боря.

– А ты позвони.

Геннадий оказался дома, и скоро они с двумя коробками под мышкой вышли из квартиры.

– Ну иди, иди вперед, а я за тобой, – сказал у Вовиноного подъезда Боря, которого вдруг охватила робость: отдавать было очень трудно – надо было что-то говорить, оправдываться...

– Нет, ты иди вперед.

– Нет, ты! – проговорил Боря.

– Но ты ведь старший, а старшие идут впереди, – упрямился Костик, отставая от Бори. И тут уж с ним ничего нельзя было поделать.

Не станешь же ему объяснять, что идти вторым чуточку легче: можно успеть кое-что обдумать и проще решиться сказать все, что надо. А если ты идешь первый, можно не найти нужных слов и напутать.

Дрожащей рукой дотянулся Боря до кнопки звонка и нажал.

И замер – что будет? И не дышал – как встретит? И язык прилип к небу – сбежать?

Открыла мать Гены, и опять в нос ударил резкий запах водорослей и птичьего помета.

– Здравствуйте, – уверенно пискнул Костик из-за Бори-

ной спины. – Пожалуйста, Геннадия.

К ним вышел Гена, волшебник в знакомом рабочем халате с закатанными выше локтя рукавами. Сквозь квадратные стекла остро смотрели карие глаза. Боря сразу забыл длинную речь, которую приготовил за дорогу, глотнул слюну, поперхнулся, покраснел и протянул ему сразу обе коробки.

Но руки Гены и не двинулись к ним.

– Узнаю, – сказал Гена, – мое производство... Зачем при-
волок?

– Они ведь ваши.

– Наши? – удивленно и даже сердито спросил Гена. – Были наши! Разве ты даром взял лайнер? Да и тот парень... Как его?

– Глеб, – произнес Боря.

– Ну точно, Глеб... Вовка мне говорил... Он разве даром? Братец захотел... Пусть сам все и расхлебывает, я тут ни при чем. И я бы на твоём месте не отдавал ничего... Эй, Вовка, встречай приятелей! – И Гена необидно щелкнул Борю по носу, а Костику улыбнулся.

И ушел.

А Боря стоял у двери, неловко подхватив руками коробки, и не мог даже вытереть носа, из которого вдруг сильно побежало. Он громко шмыгнул им. Все начиналось не так. Не так, как он думал. Он думал, Гена обрадуется, схватит обеими руками свой чудо-лайнер и чудо-лодку, а они ему вроде и не нужны. И даже советует не отдавать! Ничего нельзя попятить.

– Заходи! – долетел из комнаты Вовин голос, и Боря шепнул Костику:

– Ну давай двигайся.

– Нет, ты первый...

Эх, Костик, раньше он был расторопней!

Боря первый вошел в комнату, в мир аквариумов, клеток, лая, щелета и рыбьих всплесков. Вова не выбежал к ним сразу, потому что стоял на стуле и чистил подвешенную к стене клетку с какой-то крохотной серенькой птичкой.

Увидев Борю с коробками, он сделал большие глаза и прыгнул на пол:

– Ты что это?

– И не обижайся, пожалуйста, за то, что я...

– Потащишь обратно, – предупредил Вова и стал поглаживать щенка, который минуту назад с ликующим визгом носился по комнате.

Тогда Боря положил коробки на пол, подвинул к стене, и, странное дело, расставаясь с ними, не ощутил никакой жалости. И только сказал:

– Все... Теперь полный порядок.

– Ну что же, если так, – ответил Вова и выкатил из-под кровати синий мяч с синтетической, в бугорках, покрывшей, который дал ему за лайнер Боря, и достал из письменного столика трехцветную ручку:

– Забирай.

– Не надо, – отрезал Боря и сам удивился своей резкости

и тому, что не берет то, что теперь по праву принадлежит ему. – Я не возьму... Спасибо.

– Но это ж ведь твое! – вскричал Вова, так вскричал, что рыбки в аквариуме стремительно шарахнулись в темный гротик.

– Не возьму...

Ему в самом деле не очень нужны были этот мяч и эта ручка, пусть останутся у Вовы: ведь он необычный мальчишка – стал бы другой возиться с этими увечными щенками и птахами?..

Вова громко позвал Гену, и тот явился с отверткой в руке.

– Ну чего тут?

– Он ничего не берет, – сказал Вова. – Даже своего не желает брать!..

– Безобразие! – Гена блеснул очками.

– Нет, – сказал Боря.

– Что «нет»? – Гена, крутнув, подкинул и лихо поймал отвертку.

– Никакого безобразия... Пусть Вова играет.

– Но ручку ты можешь взять?

– А вам не пригодится? Для каких-нибудь чертежей, где нужны разные цвета...

Геннадий внимательно посмотрел на него, и Боре захотелось смеяться. От глаз ли Геннадия, от этих ли рыбок и птиц, оттого ли, что он вот так запросто взял и принес лайнер с лодкой.

– Ведь пригодится ручка? – умоляюще спросил Боря.

И Гена кивнул в знак согласия. Глаза у Бори загорелись.

– А можно когда-нибудь помочь вам? Подержать деталь, когда вы паяете, завинтить какой-нибудь шуруп, очистить провод, просверлить дырочки...

– Почему ж нельзя? – Гена даже поворошил своей твердой рукой Борины волосы.

И тут Боря впервые заметил, что пальцы у него особые, совсем не такие, как, скажем, у Василия – слесаря из домоуправления, – хотя тоже имеют дело с инструментом, не кургузые и красные, а длинные, тонкие и чуткие.

– А когда? – спросил Боря.

– Нетерпеливый! – сказал Гена. – Хорошо, приходи послезавтра. Ведь этого субъекта и клещами не оторвешь от собак и рыб: то кашку им варит, то меряет рыбкам температуру (здесь Костик хмыкнул), то смазывает разными мазями... Как только находит время ходить в школу...

– Слушай ты его, – сказал Вова.

– А мы с тобой, Боря, одну штуковину сделаем через месяц-другой...

– Какую?

– Тогда увидишь... Лайнер и лодка по сравнению с ней прошлый век... И не прошлый – пещерный!

Боря даже немножко испугался:

– Правда?

– Разумеется... Так зайдешь?

– Конечно! Только долго ждать... – вздохнул Боря и понял, что ничего бы этого не было, если бы он не решил вдруг вернуть им лайнер и лодку.

А Костик все еще стоял на порожке комнаты и глядел на них, и особенно на него, Борю, щурился на солнце, и лицо у него было светлое и хитрющее-прехитрющее! И это было хорошо: ведь хитрость его всегда была такая добрая, такая нехитрая.

Боря понял: надо уходить, у Гены, наверно, дел по горло.

– Ну, мы пошли, – сказал он, – до послезавтра. – И Гена протянул на прощание руку, небольшую, сильную, с тонкими точными пальцами, и Боря с удовольствием пожал ее, а потом пожал Вовину руку – маленькую и почему-то липкую, не то от какой-то мази, не то от маминого варенья. В первый раз пожал он их руки и заметил, как Гена подмигнул Костику: когда успели так подружиться?

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА

Братья вышли на улицу, и сразу Борю покинула легкость, и что-то задергало, защицпало внутри, будто кому-то он что-то обещал и не выполнил, провел, обманул...

Ну что бы это могло быть? А что, если все это из-за нее?

Нет, вряд ли... А все-таки?

– Кость, – сказал Боря, – как там Александра Александровна?

– А что? – спросил Костик.

– Ничего.

Ну что он понимал, Костик, в жизни? Ведь прожил-то столько, что никому не успел сделать плохого.

– Нет, ты что-то хотел сказать.

– Ничего!

Боря и в самом деле не знал в точности, почему подумал вдруг об Александре Александровне, но уж слишком ныло и дергало внутри. Он проговорил:

– Плохо получилось у меня с ней... И что меня толкало? Зачем?

– Ну возьми тогда и зайди к ней, – просто сказал Костик. – Разве это трудно?

Это предложение прямо ошеломило Борю, и он с удивлением посмотрел на брата. А может, и правда зайти? Надо бы... Но это трудно, это так трудно, и Костик этого никогда

не поймет.

– И ты со мной? – осторожно спросил Боря.

– Могу, если хочешь, – безучастно сказал Костик.

Боря дернул его за ухо:

– Ты что отстаешь? Иди быстрее.

– Я устал, – заявил брат и продолжал идти, слегка отставая, но с большим достоинством.

Даже когда Боря открыл дверь лифта и подтолкнул в нее Костика, тот заартачился и пришлось войти первому.

Самое страшное было нажать кнопку рядом с дверью Александры Александровны. Куда страшней, чем к Геннадии. Ведь даже подумать дико – он идет к ней! Сам идет, не из-под палки... Она терпеть его не может за хлопанье дверями лифта, за того голубя, она требует, чтоб он мыл закапанный мороженым пол, велит почему-то, чтобы он, когда вырастет, не ленился писать домой письма, а он идет к ней... Ведь набросится же, накричит и такое потом наговорит отцу... Но идти надо. На душе лежала тяжесть, она ворочалась, давила, грозила совсем раздавить его.

– Сейчас позвоню, – сказал Боря, набираясь сил и оглядываясь, точно ища поддержку у брата.

– Конечно... Давай!

И Боря позвонил. И услышал за дверью шаркающие шаги.

– Только ты не убегай, не оставляй меня...

– Что ты!

Дверь открылась, и они увидели худое, морщинистое ли-

цо, маленькую, в седых кудряшках голову.

– Простите... – начал Боря, слегка запинаясь. – Это мы... Я и Костик...

– А-а, братья Крутиковы! – своим низким, хриплым голосом сказала Александра Александровна. – Вижу... В полном составе... Случилось что-нибудь? Заходите...

Они вошли и сразу очутились не в обыкновенной комнате, а в каком-то книгохранилище. Книги стояли везде, даже в коридорчике, стояли от пола до потолка на специальных стеллажах, лежали стопками на подоконнике и на столе.

«Ого, – подумал Боря, – неужели прочитала все? Возможно. Ведь ни разу не встречал ее возле дома без книги...» Он смотрел на это несметное множество книжных корешков, забыв про все. Про то, например, что нельзя же вот так неожиданно ворваться в квартиру и молчать...

Наконец он отвернулся от книг и взглянул на нее, на старое, усталое лицо с пристальными глазами. И эти глаза, не отрываясь, смотрели на него, и в них не было ничего осуждающего, едкого, но Боря еще больше смутился.

– Александра Александровна, – начал он, – я бы хотел... Мы бы с Костей... – Он совсем не знал, что бы он хотел с Костиком.

– Ага, я вас поняла, – улыбнулась Александра Александровна, – ты бы хотел с братом навещать меня... – и еще внимательнее посмотрела на Борю.

– Ну конечно! Очень! – поспешил Боря. – Правда, Костя,

мы давно хотели зайти к Александре Александровне?..

– Правда, – поддержал его брат, не расставаясь, однако, со своей странной улыбкой. – Вы живете совсем одна и, наверно, иногда...

– ...вам бывает очень грустно, – закончил Боря, и его понесло, понесло. – И здоровье у вас не очень...

– Не очень, – подтвердила Александра Александровна, – Сердце иногда так жмет – рукой не повернуть. В утиль бы сдала, да не примут... – и опять ее глаза замерли на его лице.

– Ну зачем вы так говорите, – краснея от этого взгляда, возразил Боря, – надо беречься... – И, не думая долго, предложил:

– Хотите, я сбегаю в аптеку? Хоть сейчас. Можем сразу в две: в одну я, в дру... – Ну зачем же в две? – Александра Александровна вдруг рассмеялась. – И в одну не нужно... Спасибо... Сейчас мне ничего...

– Тогда, может, в магазин? – Ему надо было спросить, почему она так смотрит на него, а он лез с какими-то пустяками.

– Благодарю... С утра все купила... В другой бы раз не отказалась...

– А вы позвоните тогда! – не унимался Боря. – Позвоните нам, и я сразу сбегаю... Куда хотите! А если меня не будет дома, Костя сбегает... Сбегаеть?

Брат утвердительно мотнул головой.

– Вы знаете наш телефон? Нет? Так запишите, пожалуйста-

ста, – захлебываясь от непонятного волнения, Боря продиктовал Александре Александровне номер своего телефона.

Она записала в книжечку и подняла на Борю глаза. И сказала:

– Борис... – Она так произнесла его имя, что он весь притих в ожидании чего-то неведомого. – Ты... Я тебя просто не узнаю сегодня!

– Почему? – глухо спросил он.

– Ты сегодня какой-то удивительный... – Я? Да что вы! Нет... Нет-нет...

– Не нет, а да, – неуступчиво сказала Александра Александровна. – Я ведь вижу.

И по ее тону Боря понял, что это хорошо, что он стал сегодня какой-то другой, он и по себе чувствовал: что-то случилось с ним, что-то произошло... Но что же? Что?

Спросить у нее об этом он не мог.

– Дочь у меня долго не пишет – три месяца ни слова, – сказала вдруг старушка, не глядя на Борю, и всхлипнула, но без слез. – Что бы это могло быть?

Боря оцепенел. Он не знал, что ответить ей, как помочь.

– Скажите, а вы любите читать? – внезапно спросила старушка, и голос и лицо ее уже были обычными.

– Еще как! – отозвался Костик.

– Так у меня же гора книг для вас... Еще мои дети с ними росли – смотрите, сколько! – Она показала рукой на восемь полок у двери: там были книги с разноцветными корешками,

потертые и новенькие. – Можете взять хоть сейчас!

– Что вы, – сказал Боря. – Мы в другой раз зайдем.

– Зачем в другой? Берите сейчас... И не думайте, что они устарели – хорошие книги никогда не устаревают. Вот «Алиса в стране чудес», вот «Маугли», вот «Бемби», вот «Таинственный остров», вот «Золотой ключик или...» – и она, не договорив, стала снимать с полок книги и давать им.

Боре вдруг стало грустно.

– Спасибо... Зачем так много?

– Читайте, читайте... Проживете не одну, а сотню жизней, и не на одном своем континенте, и не только сейчас, а и в прошлом, и в будущем, здесь и на других планетах, в сказке, в мечте, и не только в них... А когда вырастете – сами будете делать сказки...

– Конечно, будем! – не утерпел Костик, а Боря молчал.

Но у него даже лоб слегка взмок от ее слов.

Потом Александра Александровна проворно шмыгнула на кухню, вернулась и, когда Боря с Костиком уже собрались уходить, заявила, что никуда их не пустит, не напоив чаем.

А чай растянулся на час, и они энергично хрустели миндальным печеньем, московскими хлебцами, попробовали три вида варенья – из айвы, клубники и яблок – и слушали рассказы про ее «ребятишек»: сына, ныне доктора наук по кибернетике, и дочь, геолога, которая отыскивает какие-то редчайшие ископаемые в Африке, и даже показала письмо от нее. На конвертах были наклеены красивые марки – пу-

чеглазые полосатые рыбки плавают меж водорослей; из воды высовывает свою пасть крокодил; жираф, ростом с высотный дом, надменно озирает саванну с ее более низкорослыми обитателями...

– Какие марочки! – прошептал Костик, от восхищения почесал ухо и посмотрел на Боря. – А вон и обезьяны на хвостах висят...

– Цыпленок бы с ума спятил, – сказал Боря. – Ты как считаешь?

– Спятил бы...

– А вы возьмите их. – Александра Александровна принесла ножницы. – Вырежьте, а потом отмочите...

– Спасибо! – сказал Боря. – Отнесем Вове...

– Вместо той собачки, которую ты ему обещал, – сказал Костик.

Боря нахмурился и не ответил.

Еще через час, после рассказов об Африке, нагруженные книгами, братья вышли от нее.

– Эти книги, кроме «Алисы в стране чудес», можете оставить себе, – сказала Александра Александровна, провожая их до лифта, – а эту верните – муж подарил мне еще до революции.

ЧТО ЖЕ С НИМ СТАЛО?

– Ну и бабушка! – сказал Боря дома, разглядывая картинки в книге «Маугли» и марки. – Никогда бы не подумал!

– А я и раньше это знал.

– Ты все знаешь раньше других! – Боря провел ладонью по его круглой, теплой голове.

Брат улыбнулся.

– Смотри только, если она позвонит, чтоб все сделал... Понял? Чтоб все! А встретишь на улице – сам спроси, надо ли что... Обещаешь?

– Будь спокоен.

И тогда Боря спросил:

– Слушай, а почему Александра Александровна сказала.., ну, сказала, что я стал какой-то другой?.. Ну, ты помнишь это слово?..

– Удивительный?

– Ну да. – Боря поморщился от неловкости. – Что она имела в виду?

А кто ее знает! – Костик пожал плечами, но глаза его старательно скрывали улыбку.

Тогда Боря незаметно, чтоб Костик не догадался, пошел в ванную и, не зажигая света, встал у зеркала над полочкой, на которой стояли разные баночки, тюбики с мамиными кремами и пастами, а из стаканчиков торчали четыре зубные щетки.

ки – всего их семейства. И увидел в зеркале себя. Не изменился: лицо по-прежнему худое и глаза по-прежнему серые, но не такие лихорадочные, и губы стали спокойные... А все остальное как было!

Скоро пришла с работы мама. С узлом в руках. Ей открыл Костик. Он все время крутился возле и смотрел, как Боря примеряет пальто, перешитое из отцовского. Мама отошла от Бори, глянула на него, и глаза ее вдруг вспыхнули.

– Боря, что с тобой?

– А что? – Боря даже испугался немножко. – Что-нибудь не так, да?

– Нет, нет-нет, все так...

«Что ж это такое? – напряженно думал Боря. – Не только Александра Александровна, но и мама что-то увидела во мне... Но что? Что? Почему они не говорят, что с ним стало?»

Боря позволял себя в новом пальто вертеть в любые стороны, а сам украдкой поглядывал на маму, на ее лицо, на тоненькие морщинки у рта и носа. А вчера они были у нее? Не замечал. А под глазами у нее усталая синева. Да и сами глаза вроде бы помутнели от усталости.

«Мам, иди отдохай», – хотел сказать Боря, но не сказал: почему-то было очень стыдно сказать это – ведь никогда не говорил. И разве дело только в отдыхе? Он не знал, что делать. Он вышел на кухню и увидел ведро, полное мусора. Он схватил его и побежал на лестничную площадку к мусоро-

проводу. И услышал сзади мамин голос: «Ну что ты, Боря, я сама», – и ему стало еще хуже, ведь это была такая мелочь. А что же не мелочь? Что настоящее?

И Боря спросил:

– Может, купить надо чего?

– Все есть, – ответила мама, – и хлеб, и масло... Вот, правда, картошки маловато. Но ничего, авось до завтра хватит. Да и тяжелая она...

– Давай я сбегаю, – сказал Боря. – Хоть десять кило...

– Ну да! Не донесешь... Лучше отдыхай... Ты уроки сделал?

– А я ему помогу, – тут же вмешался Костик.

– Без тебя справлюсь.

– Ну возьми и меня, Борь, мне скучно без тебя, – захныкал Костик, и пришлось отправиться в магазин вместе с братом.

Боря приволок целых двенадцать килограммов картошки, и мама заохала, увидев, как глубоко врезались в его пальцы ручки авоськи, оставив белые следы.

– Жив еще? – Мама пристально посмотрела на него.

– Тоже скажешь! – немножко даже обиделся Боря. – За кого ты меня принимаешь? Что еще сделать?

– Ничего больше не надо, Боря... Что это с тобой?

– А что?

– Да я так... Ничего... Ну иди к себе, поиграй с Костей.

Уходить не хотелось, но Боря ушел: ничего стоящего ведь не сделал, а надо бы что-то сделать. Но что и как? Вон какое

у мамы замученное лицо; это не только потому, что у нее много дел... Боря ушел, и на сердце у него стало немного легче – совсем немножко! Но голова была ясная, спокойная. Однако не прошло и получаса, как опять в сердце пробилась и застряла какая-то тревога.

Боря уже догадывался, в чем дело. Но так не хотелось, так боязно было звонить в ее дверь – это ведь не к Геннадии и не к Александре Александровне... А надо было... Иначе не будет ему радости и веселья...

Надо!

И на следующий день, в воскресенье, Боря сказал брату:

– Может, к Наташке сходить?

– Идея! – закричал Костик. – Она так будет рада!

Боря слегка насторожился:

– Это почему же?

– Потому! – выпалил Костик. – Ты ведь давно у нее не был...

– А ты откуда знаешь?

– Хочешь, пойдем вместе?

– Нет, ты скажи, откуда ты знаешь, что я давно у нее не был?

– Да ничего я не знаю... Просто так сказал...

– А-а-а, – немного успокоился Боря, но решил ни в коем случае не брать с собой брата: не к старушке ведь идет и делать ему там нечего.

Но как пойти к ней? Что сказать? Как объяснить все? Мо-

жет, на улице случайно встретится. Там все проще...

– Пойду прогуляюсь, – сказал Боря.

– А мне можно?

– Иди.

В самом деле, пусть идет, на улице он не помешает.

Они вышли. Было свежо, солнечно и не очень шумно. Костик шел рядом с ним и не мешал думать. А внутри по-прежнему что-то жгло и жгло Борю, и ему казалось, что в жизни его все не так, что он черствый, жестокий и никчемный человек. Чего-то основного, большого и главного он не сделал и даже не знал, что это и как это можно сделать...

Наташка все не попадалась. «Ну и не надо! – подумал Боря, шагая к дому. – Если она не встречается мне, то я сам пойду к ней... Да-да, пойду!»

«ЭТО Я, БОРЯ...»

Дома Боря стал разыскивать во всех углах и на полках Наташкины книжки – набралась целая стопка, – бутылочку с чернилами для авторучки, которую вот уже месяц не возвращал, и чернил за это время уменьшилось ровно наполовину; сунул в карман ее складной ножичек с синей перламутровой ручкой, рогатого чертика на резинке и решительно пошел к двери.

– Ты куда? – догнал его голос Костика.

– Скоро вернусь.

– А я? Возьми и меня... Ну возьми!

– И не проси.

– Ну, Борь... Как шел к Гене и к бабушке, так я был нужен...

– Не могу.

Боря вышел из квартиры и пошел к Наташкиной двери. В одной руке он держал ее книжки, другой потянулся к кнопке звонка и услышал, что Костик вышел из квартиры и стал возле лифта.

– Борь... Всегда ведь брал... Возьми!

– Уйди!

– Кто там? – громко спросила Наташка.

Боря открыл рот, но что-то внутри заело, и он какое-то мгновение стоял с разинутым ртом и не мог произнести ни

звука. Потом произнес:

– Это я, Боря...

Дверь открылась, и он ступил через порог. Глаза его встретились с ее глазами, удивленными и немигающими. И в них блеснула радость:

– Борь, ты?

Как будто сама не видела – или не верила? – что это он. Или, черт побери, он все еще не похож на себя?

На кого же он тогда похож?

– А кто же? – спросил он. – Кто, если не я?

– Но ты., ты такой красивый! Ты...

– Откуда ты взяла? – сказал Боря. – Какой был, такой и есть!

– Нет, совсем не такой... Ты и раньше был., но сейчас
но сравнить... Я так и знала! Посмотри! – И она протянула
ему круглое зеркальце, и Боря не узнал себя: это был он –
и совсем не он! И глаза, и нос, и губы – все прежнее и все
другое! Встреть он себя па улице – не сказал бы, что это он,
Боря Крутиков: в глазах – блеск, спокойствие, сила, на губах
– улыбка, и никакой суеты в лице!

– Выдумываешь ты все, – сказал Боря.

– Нет, Боря, правда... Я ведь всегда знала, что ты такой...
Другой, чем кажешься, что Глебу далеко до тебя и что у вас
с ним все было случайно и не по-настоящему...

– Ты о чем?

– Сам понимаешь... Ты что так нагрузился?

Боря шел к столу, а она за ним.

Тихо шла, бесшумно. Удивленно.

Никого, кроме нее, в квартире не было.

Он положил на стол книги и стал выгружать карманы.

– Что это за ножик? – спросила Наташка.

– Уже забыла? Не сердись на меня... Он.., ну завалился...

И за чернила...

В ее глазищах вдруг появилась грусть.

– А зачем ты все сразу? Ну зачем?

Боря промолчал.

– Книжки-то хоть прочел?

Боря хотел соврать, но не смог. Он напрягся и, весь краснея, выдавил:

– Не все... Ты прости, что кой-какие потрепались...

– Какие пустяки! – воскликнула Наташка. – Они такие и были!

– Как-нибудь вместе починим... Заклеим... Хорошо?

– Хорошо... – Из ее глаз сразу исчезла грусть.

– И знаешь, что я хотел тебе еще сказать? – проговорил

Боря и вдруг запнулся.

– Что? – Наташка очень заинтересованно посмотрела на него, а Боря не знал, с чего начать, с какого слова, – совсем как начинающий шахматист не знает, с какой фигуры лучше пойти. И еще больше запинаясь и краснея. И Наташка не торопила его, не подгоняла, а терпеливо ждала.

– А то, – вдруг прорвало Борю, – ты не думай... Я.., я... Я

умею дружить, я не такой... И никому в обиду не дам... И...

– Ну конечно, – обрадовалась Наташка, и не скрывала этого, и тоже вся залилась краской. – Я всегда это знала...

И тут, конечно, Боре надо было немедленно что-то сказать, как-то условиться и уже начать дружить По-новому, по-настоящему, а не так, как раньше, но Боря опять не знал – как, с чего начать.

– Приходи к нам когда-нибудь, – выпалил он и понял, что говорит чушь: почему «когда-нибудь»? Надо точно сказать когда, и вообще пусть приходит, когда хочет...

– И ты приходи, – тут же вставила Наташка. Что это она? Ведь он уже пришел к ней... И вдруг он понял, что надо скорей уходить. Обо всем этом надо поговорить в другой раз и лучше всего на улице...

– Ну, я пошел, – сказал он. – Уже? – прямо-таки вырвалось из нее. – Я очень спешу сейчас.

Боря пошел – не пошел, а почти побежал к двери, распахнул ее, и она с размаху ударилась в кого-то.

ЛИЛОВАЯ ВСПЫШКА

–Костик? – вскрикнул Боря, – Ты что здесь делаешь? Зашиб тебя?

И, увидев, что Костик сморщился от боли, обнял его.

– Ну прости, братишка, я нечаянно...

Боря стал гладить его плечо, спину, и внезапно его рука наткнулась на что-то твердое – узкое, граненое и такое знакомое на ощупь – на груди брата. И почувствовал сильную дрожь: это было... Это было не что-то... Это был приборчик, его приборчик!

Боря захлопнул Наташкину дверь, запустил под рубаху брата руку и вытащил теплый от его тела приборчик. И сразу все понял: так вот почему Костик неотступно следовал за ним! Вот почему он стоял сейчас за дверью! Небось нажал какую-то новую кнопку, которая так изменила его, Борю...

Схватив Костика за руку, он повел его в их квартиру.

– Значит, это ты его стащил?

– Я... – Брови Костика дрогнули. – Я не мог иначе... Ты мне сам приказал...

– Я? Я приказал тебе?

– Да – Ты... – упрямо твердил брат.

Боря посадил его на кровать, а сам сел на табуретку.

– Как я мог приказать тебе?

По лицу брата вдруг побежали слезы:

– А там была нажата такая кнопка...

– Какая?

– С цифрой «восемь»...

– А что это за кнопка? Откуда ты это знаешь? – Боря стал ошалело вертеть в руках приборчик – тяжеленький, с двумя рядами кнопок и пронзительным Хитрым глазом, который был направлен в сторону. – Ты откуда знаешь все? Откуда? Сам дошел или кто-нибудь...

Борю трясло. Он положил приборчик на ладонь.

– А что это за рычажок внизу? – спросил он и сдвинул его.

– Включение.

– А что значит эта кнопка? – Боря нажал кнопку с цифрой 12», и раздался легкий щелчок.

– Не нужно, – попросил Костик, но Боря уже не слушал его.

– А эта? – Он нажал кнопку с цифрой 10», и опять приборчик слабо щелкнул. – А эта? – Он опустил указательный палец на кнопку с черным крестиком, расположенную под циферблатом.

– Не смей! – закричал Костик, изменившись в лице. – Эту не смей!

Но Боря уже нажал. И оба они зажмурились от лиловой вспышки, сильной и резкой, как молния. Костик закрыл рукой глаза, Боря тоже долго не мог открыть свои. Он держал приборчик на ладони и внезапно почувствовал, что тяжесть его пропала. Он стал легкий, как пустая мыльница.

Боря разжал веки.

– Все, – сказал Костик, – все. – Он больше не плакал.

– Что «все»?

– Пережег.., уничтожил... Это было величайшее изобретение!

Боря глянул на приборчик, и холод подрал его по коже: Хитрый глаз перестал быть черным. Перестал быть живым, глубоким, язвительным, загадочным. Он стал плоским, бесстрастным, пепельно-серым, точно в самом деле подернулся пеплом...

– А ты откуда знаешь, что он был величайшим изобретением? – закричал Боря. – Кто тебе сказал это? Он?

– Он, – ответил Костик.

– Так вот зачем ходил ты к Геннадию, а потом конвоировал везде меня!.. Сделал своим подопытным кроликом? Сделал, да?

– Ты не кролик, – сказал Костик. – Ведь я выключил приборчик. После того, как мы ушли от Александры Александровны.

Боря обалдело смотрел на него.

– А зачем таскался везде со мной?

– Наблюдал, – признался брат.

– И под дверью торчал, чтоб подслушать?

Глаза Костика стали наполняться слезами:

– Не обижайся на меня... – Костик моргнул, и слезинки скатились по его щекам.

– Ладно, прощаю... Но скажи: почему приборчик был с тобой? Боялся, что пропадет?

Костик кивнул.

– Как же ты у меня все-таки стащил его?

– А кнопка с цифрой «восемь»?

Боря ничего не понимал, и его опять стало трясти.

– А что это за кнопка?

– А ты прочитай.

– Где?

– А вот здесь есть «Инструкция». Отодвинь дощечку и прочитай. – Костик показал на боковую стенку приборчика.

Боря, оглушенный случившимся, неуклюже вертел в руках приборчик и плохо понимал брата. Костик взял из его рук приборчик, привычно, точно делал это не один раз, нажал большим пальцем его стенку, тонкая щечка приборчика поехала вперед, и Костик извлек изнутри аккуратно сложенный листок прозрачной бумаги. Развернул.

– Читай.

Боря поднес листок к глазам и стал читать:

ИНСТРУКЦИЯ

По эксплуатации ЭМЧ-1 – экспериментального микрогенератора чувств.

Кнопки на пульте управления генератора обозначают:

1 – Страх

2 – Жадность

3 – Глупость

4 – Лень

5 – Ненависть

6 – Радость

7 – Мужество

8 – Благородство

9 – Доброта

10 – Ум

11 – Юмор

12 – Трудолюбие

X – уничтожение ЭМЧ-1.

Буквы на циферблате обозначают продолжительность действия генератора: О – нерабочее положение, Ч – час, Д – день, М – месяц, Г – год, Н – навсегда. Рычаг под циферблатом – включение и выключение микрогенератора.

Работа с ЭМЧ-1 требует крайней осторожности и добросовестности, нажимать кнопки с недостойными целями строжайше запрещено.

– Слушай, – спросил Боря, обмирая, – неужели все это правда?

– Да, – сказал Костик.

«А я... Я нажимал кнопки с недостойными целями? – неожиданно подумал Боря. – Кажется, нет... Но ведь я хотел с помощью приборчика получить лодку и лайнер, хотел ис-

пользовать в собственных целях его мощь, которой нельзя сопротивляться, и при этом иногда страдал не только Глеб, а и хорошие люди. Но и на Глеба, наверно, нельзя было наставлять его, а если и можно было, то очень осторожно, во всех тонкостях зная устройство приборчика, понимая его действие... Нет, если уж говорить напрямую, цели мои были не очень достойны, и, наверно, поэтому приборчик и погиб...»

– Слушай, Костик, – спросил Боря, – значит, кнопка с цифрой «восемь» – Благородство?

– Да. А что?

– А то, что эта кнопка была нажата на генераторе и Хитрый глаз направлен на тебя в тот последний вечер...

– Так вот потому-то я взял его! – сказал Костик. – Ну не мог я не взять его, не мог! Ведь всю ночь приборчик приказывал мне: «Возьми, возьми меня, ведь я работаю впустую».

– Значит, ты стащил приборчик из благородства?

– Выходит. – Костик уткнул глаза в одеяло.

– А как ты об этом догадался?

– Гена как-то учуял и велел мне понаблюдать за тобой, ну, а потом, когда я взял приборчик, он исследовал его у себя, нашел «Инструкцию», испытал, нарисовал какую-то схему...

– И велел тебе подействовать на меня Хитрым глазом?

– Ну не велел... Сказал, что было бы очень хорошо, очень важно...

– И какую же кнопку он нажал?

– Кнопку с цифрой «девять».

– Доброту?

– Да.

– И от этой кнопки я стал такой, что все обратили на меня внимание?

Костик кивнул:

– Геннадий сказал, что люди, делающие добро, даже внешне становятся красивыми...

Боря молчал. Подавленно. Убито. Он не мог даже вообразить, что было в его руках! Какая вещь! И как не правильно вел он себя... Эх, если б он раньше узнал про эту «Инструкцию»... Теперь ведь так все ясно: и почему при нажатии кнопки с цифрой «1» все его так боялись и вставали дыбом волосы, – от Страх; и почему при нажатии кнопки с цифрой «2» все вокруг стали такими мелочными и скупыми и непрерывно проверяли свои карманы, – от Жадности; и почему толпой длинноухих бежали ребята на пруд и даже Гена позабыл, как правильно пустить подводную лодку, – от Глупости (кнопка «3»), И только из чувства Ненависти, которое приборчик внушил окружающим (кнопка «5»), лез в драку Костик и едва не ударил его отец... А кнопка «6» – это ведь Радость! Радость, когда люди, не чувствуя под собой ног, отрывались от земли...

Как теперь все понятно! А кнопки с цифрами «7» и «8» – это же Мужество и Благородство! Выходит, он мог навечно

сделать благородным даже Попку-дурака – Глеба, а Стасика – мужественным, Андрея – более мягким и терпимым... И всем-всем другим мог дать то, чего им не хватало, – а всем чего-то не хватало! Навсегда дать, стоило только стрелку на циферблате поставить на букву «Н»...

Мог, а не дал!

И все потому, что вне себя от волнения нажал он эту кнопку с крестиком и погубил приборчик – странный, удивительный, волшебный!

Чего только не было с Борей в эти дни! Как колотилось его сердце от страха и восторга! Сколько неожиданных мыслей приходило на ум, сколько чувств распирало его! Прошли, навсегда прошли эти семь дней, и каких семь дней!

Семь дней чудес!

Что ж теперь делать? Может, Гена исправит приборчик?

Нет... Перегорел его живой, его мудрый и опасный Хитрый глаз, и ничего теперь не сделаешь... Ничего!

Конец теперь всем его надеждам... Конец! Конец!

КОНЕЦ? НЕТ, НАЧАЛО!

Боря вскочил, закричал и хотел уже стукнуть Костика – почему не предупредил его про «Инструкцию» ! Но даже руки вскинуть не сумел – не поднималась; хотел поддать ему коленцем – нога и с места не сдвинулась. И в сердце его вдруг растаяла, исчезла, точно и не было ее, вся досада. Вся обида и боль.

«Ох и трудно будет теперь жить! – подумал Боря. – И не обмани никого, и не ударь, и жалей всех, и помогай, будь всегда добрым, отважным, справедливым...»

И все это оттого, что приборчик подействовал на него, оттого, что он так много нового понял за эти дни...

Может, скоро пройдет его действие?

Однако минул час, и два, и пять, а ничего не изменилось.

Но хуже ему от этого не стало. Где там хуже! Ему было легко и радостно.

Уже вечером позвонил телефон, и Боря бросился в коридор.

– Да, я вас слушаю.

В трубке, где-то совсем близко, задышал низкий голос

Александры Александровны:

– Это я, Боря...

– Да-да. Как вы себя чувствуете? Надо что-нибудь сделать?

– Спасибо, Борис, ничего... Как твои дела?

– Мои? – Боря даже на миг растерялся. – Как всегда...
Обыкновенно... Спасибо... А что?

– Да я просто так... Просто так.

Боря не на шутку встревожился: стала бы она звонить просто так!

– А с сердцем ничего? – спросил он. – Не жмет, как вчера?

– Нет, Борис, все в порядке, – бодро ответила Трубка, но голос в ней был такой грустный, такой надтреснутый, что Боря не знал, как и быть, что делать. Наверно, ей сейчас было очень грустно, очень одиноко – все еще нет письма или что-то другое, – а на свете не должно быть людей – ни одного человека! – которому было бы грустно, или одиноко, или очень больно, которого прошибал бы страх, который хотел бы унижить, побить или обмануть другого, у которого не хватило бы мужества драться за справедливость, за честь и за правду...

– Александра Александровна, – сказал Боря, – можно прийти к вам сейчас?

И Боря, забыв обо всем, ринулся к ней. И уже у лифта, на-

жав кнопку вызова – она вспыхнула красным светом, – поко-
сился па Наташкину дверь, и сердце его внезапно сдавилось
от счастья. Да, погиб Хитрый глаз, сторел, испепелился жаль
его, очень жаль, но ведь не напрасно нашел он его... Впере-
ди так много прекрасного: и дружба с Наташкой, и работа с
Геней, и споры с Андреем, и встречи с Александрой Алек-
сандровной, и улыбки отца, и блеск маминых глаз, и острые
дальние звезды в небе, и чистый весенний ветер, и огромный
шумный город, полный людей...